

Михаил ЭМ

Бабушка не умерла

– ей отключили
жизнедеятельность

Пьесы для чтения

ОМК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Михаил Эм

**Бабушка не умерла – ей
отключили жизнедеятельность**

«ДМК Пресс»

2012

Эм М.

Бабушка не умерла – ей отключили жизнедеятельность / М. Эм —
«ДМК Пресс», 2012

Пьесы для чтения: остросюжетные, остроумные, стилистически изощренные.
На современные и исторические темы. Третий сборник пьес, возможно,
лучшего из отечественных драматургов.

Содержание

Что такое пьеса для чтения?	7
Сидоров – непревзойденный мастер ужаса	8
Действующие лица:	8
Сцена 1	9
Сцена 2	12
Сцена 3	15
Сцена 4	17
Сцена 5	20
Сцена 6	22
Деревянный старик	24
1.	24
2.	25
3.	26
4.	28
5.	29
6.	31
7.	36
8.	42
9.	45
10.	46
11.	51
12.	54
Дети академика Синюхина	55
Действующие лица:	55
Сцена 1	56
Сцена 2	59
Сцена 3	61
Сцена 4	64
Сцена 5	67
Уа-уа	68
Остров покойников	73
Сцена 1	73
Сцена 2	76
Сцена 3	82
Сцена 4	84
Сцена 5	87
Сцена 6	91
Сцена 7	95
Из жизни менеджеров	96
Действующие сотрудники:	96
Сцена 1	97
Сцена 2	99
Сцена 3	102
Сцена 4	106
Сцена 5	108
Калиф и Пэри	111

Действующие лица:	111
Сцена 1	112
Сцена 1 (окончание)	115
Сцена 2	116
Сцена 3	120
Сцена 4	127
Сцена 5	132
Сцена 6	140
Сцена 7	143
О доме Эшеров Эдгара пела арфа	148
Действующие лица:	148
Сцена 1	149
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Михаил Эм
Бабушка не умерла – ей
отключили жизнедеятельность
Пьесы для чтения

Печатается в авторской редакции

© Михаил Эм, 2012

© Оформление, ДМК Пресс, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Что такое пьеса для чтения?

Некоторые не понимают, что такое пьеса для чтения, поэтому объяснюсь.

ПЬЕСА – текст для постановки в театре. В силу того, что пьеса адресована исключительно режиссеру и актерам, она не является литературным произведением, а представляет собой специальный внутритеатральный продукт.

ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ – созданное в определенном жанре и обращенное к неопределенно широкому кругу читателей литературное произведение. Характерными признаками данного жанра являются обилие диалогов и их сопровождение авторскими ремарками. Диалоги и ремарки записываются в стандартном виде – том самом, который используется для записи просто пьес, – ну и что? Это не делает пьесу для чтения театральным продуктом. Пьеса для чтения имеет задачей создание максимально образной картинки не на подмостках, а в головах читателей, поэтому может оказаться легкой или сложной для театральной постановки, или вовсе к ней невозможной – не важно.

Важно, чтобы она обладала литературными достоинствами.

Подведу итог. Просто пьеса должна обладать театральными достоинствами, пьеса для чтения – литературными достоинствами. Или вы не согласны?

Автор

Сидоров – непревзойденный мастер ужаса

Действующие лица:

Сидоров.

Мама Сидорова.

Рогалик.

Издатель художественной литературы.

Прокурор.

Дознаватель.

Журналисты на пресс-конференции.

Сцена 1

Квартира Сидоровых, в которой находятся Сидоров и его мама.

Сидоров: Мама, мне грустно.

Мама Сидорова: Почему, сыночек?

Сидоров: Потому. Что.

Мама Сидорова: Опять издатели?

Сидоров (взрываясь): А что издатели? Ну, издатели. При чем тут издатели?

Мама Сидорова: Я думала...

Сидоров (со злобным наслаждением): Я бы душил издателей голыми руками, одного за другим, за то, как они с нами, писателями, поступают.

Мама Сидорова: Не говори так, сыночек.

Сидоров: У Эдгара По были с издателями серьезные проблемы. У самого Эдгара По, вдуматься только!

Мама Сидорова: Не надо так говорить.

Сидоров: Амброз Бирс был влиятельнейшим человеком в «Сан-Франциско Экзэминер», но и ему приходилось издаваться за собственный счет, тиражом 250 экземпляров.

Мама Сидорова: Ты говоришь со зла.

Сидоров: Лавкрафта издатели третировали.

Мама Сидорова: Не все же издатели плохие? Наверное, среди них попадаются и хорошие.

Сидоров (с горячностью): Нет! Не попадаются! Ни одного! Гоголь говорил, что первого встреченного издателя следует повесить на первой попавшейся березе.

Мама Сидорова: Неужели?

Сидоров: Если не веришь, почитай «Избранные места из переписки с друзьями». А как они издевались над Достоевским, мама, как они издевались над Достоевским?! Достоевского я издателям ни за что не прощу. Ни-за-что. Ни-ког-да.

Мама Сидорова (стыдливо улыбаясь): Так ты из-за Достоевского? Я подумала...

Сидоров: Что я из-за себя...

Закрывает лицо руками.

Мама Сидорова: Не надо переживать, сыночек. Невезение когда-нибудь закончится.

Гладит вихрастый сидоровский затылок.

Сидоров: Не надо, мама. Не надо.

Мама Сидорова: Все будет хорошо.

Сидоров: Со мной и так все хорошо.

Мама Сидорова: Вот и хорошо, что хорошо.

Продолжает гладить.

Сидоров (яростно): Я добьюсь, чтобы мои романы ужаса были опубликованы.

Мама Сидорова: Конечно, добьешься. Наверное, ты просто недостаточно стараешься, а когда постарайся как следует...

Сидоров (с искренней обидой): Но я стараюсь как следует.

Оттачиваю стиль каждый день.

Мама Сидорова: Вот и молодец, что оттачиваешь.

Сидоров: Ведь я умею писать страшно. Смотри, вот этот отрывок из моей повести ужасов «Маразматика, или Возмездие навывлет», он же по-настоящему страшный, вместе с тем реалистичный! Когда я его писал, у меня мурашки по спине ползали.

Находит нужный файл и с выражением постепенно нарастающего на лице ужаса зачитывает.

В парке была детская площадка, а на детской площадке – песочница. В ней, благо погода стояла теплая и солнечная, играла в кулички маленькая девочка. Неожиданно к девочке подошел хулиган и отобрал у нее совочек. Девочка заплакала, размазывая по щекам слезы обиды.

«Как вам не стыдно, молодой человек?» – обратился к хулигану Любомир Иванович, проходивший поблизости.

«Тебе чего, дядя?» – взъерепенился хулиган и пырнул Любомира Ивановича ножом в живот. После этого схватил совочек и убежал.

«Аааа!» – страшно закричала девочка, лишившаяся совочка.

Любомир Иванович пошатнулся и выронил портфель, пытаясь засунуть выпавшие внутренности обратно в живот. Потом упал на газон и затих, конвульсивно подергиваясь конечностями.

Все это происходило на глазах Степана Валериановича, старого друга Любомира Ивановича.

Мама Сидорова: Аааа!

Сидоров (с воодушевлением): Пробрало? Наконец-то, пробрало?! Признайся, тебе стало по-настоящему страшно?

Мама Сидорова: Что это такое?

Указывает на диван, откуда из-под одеяла свешивается длинный хвост.

Сидоров: А, это. Это варан.

Мама Сидорова: Кто?

Сидоров: Большая ящерица с Комодских островов. Я его сегодня на улице подобрал. Смотрю: лежит под деревом, и никому до него дела нет. Я и подумал: этому одинокому существу еще хуже, чем мне.

Мама Сидорова: Вот как?

Сидоров: В свернутом состоянии он напоминает рогалик, поэтому я назвал его Рогаликом.

Мама Сидорова: Действительно, напоминает.

Сидоров: Рогалик, Рогалик...

Хвост на диване оживает.

Мама Сидорова (просительно): Сыночек...

Сидоров: Что, мама?

Мама Сидорова: Нет, ничего. Ты не знаешь, вараны с Комодских островов пьют пастеризованное молоко?

Сидоров: Не знаю.

Мама Сидорова: Пойду налью вам с Рогаликом пастеризованного молока.

Сидоров: Мне не надо. Я занят.

Мама Сидорова: Продолжишь оттачиваешь стиль?

Сидоров: Да. Продолжу.

Мама Сидорова: Отточись и понесешь в издательство?

Сидоров (с надрывом): Что же мне еще остается, если я родился писателем? Я не виноват, мама – это ты меня таким родила.

Мама Сидорова: Но...

Сидоров: Не начинай сначала, прошу тебя.

Мама Сидорова: Может, попробуешь отнести в издательство что-нибудь другое? Если не печатают романы ужасы, напиши про любовь.

Сидоров: Я мастер ужасного жанра.

Мама Сидорова: Мне тетя Сима недавно дала почитать одну очень увлекательную книжку про любовь...

Сидоров: О чем ты говоришь, мама? При чем тут тетя Сима? Про какую увлекательную любовь? Эдгар По и не подумал бы писать про любовь, даже под угрозой смертной казни! Лавкрафт и Амброз Бирс на любовь чихали! И у Гоголя про любовь практически ничего не написано! А Достоевский спал со своими машинистками – вот тебе и любовь!

Мама Сидорова: Ты мог бы...

Сидоров: Нет! Ни за что!

Мама Сидорова (*вздыхая*): Пойду принесу Рогалику молока.

Уходит на кухню.

Сидоров: Теперь ты понимаешь, Рогалик, отчего мне грустно? Ты мне сочувствуешь, дружище?

Хвост на диване утвердительно помахивает в ответ.

Сцена 2

Кабинет издателя художественной литературы. Издатель сидит за столом, рядом с высоченной стопкой сложенных на полу рукописей. В дверь робко заглядывает Сидоров.

Сидоров: Можно?

Издатель: Проходите, проходите, молодой человек. Как ваша фамилия?

Сидоров: Сидоров.

Издатель: Как Сидоров? Тот самый Сидоров?

Сидоров *(он ошеломлен. Только и может произнести)*: Сидоров.

Издатель: Это вы написали?

Роемся в рукописях. Выуживает одну из них.

Издатель: Сидоров. «Маразматика, или Возмездие навывлет». Это ведь ваше?

Сидоров: Мое.

Издатель: Поздравляю, Сидоров, мощно пишете. Вы перспективный. Да какое там перспективный, что я говорю! Вы, несмотря на молодость, сложившийся мастер хоррора.

Сидоров *(оседая на стул)*: Спасибо.

Издатель: Особенно мне понравилось это...

Бегло пролистывает рукопись.

Вот...

Зачитывает.

Был поздний вечер, через две недели после похорон Любомира Ивановича. На улице – сильная гроза. Вялый Степан Валерианович, то засыпая, то снова просыпаясь, смотрел телевизор. Он бы его давно выключил, да лень было подняться с кресла. Внезапно Степану Валериановичу почудился шорох за окнами. Пересиливая себя, он все-таки встал, отдернул занавеску и выглянул на улицу. Как раз в это мгновение вспыхнула молния. В ее ирреальном свете с той стороны стекла проявилось чье-то зеленое лицо.

«Аааа!» – испуганно завопил Степан Валерианович и отшатнулся, задернув занавеску.

«Не бойся, Степан Валерианович, это я, твой старый друг Любомир Иванович», – послышался из-за окна хриплый, до боли знакомый голос.

Сидоров: Это один из лучших кусков.

Издатель: Какая экспрессия, какой искрометный юмор, какие психологизмы! Для литературы ужасов психологизмы – редкость. Уж вы мне поверьте, Сидоров.

Сидоров *(скромно)*: Я старался.

Издатель: Еще как старались! Вы пишете литературу ужасов почти так же мощно, как Амброз Бирс.

Сидоров *(обрадованно)*: Вы читали Бирса?

Издатель: Разумеется, читал. Я же издатель, я иногда читаю.

Сидоров: А как вам Лавкрафт?

Издатель: О, они с Бирсом настоящие наследники Эдгара Алана По! Жалко, что в России мастера ужасов такого класса до сих пор не рождалось. Но теперь появились вы...

От смущения Сидоров закрывает лицо руками.

А с вами и надежда на развитие гоголевских традиций.

Сидоров *(только и может вымолвить)*: Вы знаете...

Издатель: Что?

Сидоров: Я не надеялся встретить понимающего издателя. Такого, как вы. С которым можно было бы запросто пообщаться на литературные темы.

Издатель *(с дружеской укоризной)*: Вы меня удивляете, Сидоров. С кем еще общаться на литературные темы, как не со мной? Не знаю, как в других издательствах...

Сидоров: Да, да! Там мрачно. Откажут, и пары слов в утешение не произнесут.

Издатель: ...А в нашем издательстве вы всегда встретите сочувственный прием. Потому что у нас, в отличие от других издательств, работают настоящие профессионалы, подвижники издательского бизнеса.

Сидоров: Спасибо. Значит, вы меня напечатаете?

Издатель: Как только принесете деньги на опубликование вашего замечательного романа ужасов, так сразу договор и подпишем. С договорами у нас быстро, обходимся без волокиты.

Сидоров: Какие деньги?

Издатель: То есть как какие деньги, Сидоров? Вы меня удивляете. Вы, не поймите меня превратно, пришли в коммерческое издательство, а коммерческие издательства предназначены для того, чтобы приносить учредителям прибыль. Если я не стану приносить прибыль, учредители на мне живого места не оставят – уволят без выходного пособия в течение 24-х часов. Поэтому я не могу ни с того ни с сего напечатать нераскрученного автора. Готика вышла из моды. Упадочный жанр, неоптимистичные прогнозы плюс общее удорожание публикаций. Вы не представляете, Сидоров, почем нынче бумага! Типографии дерут безбожно, а мне еще гонорары авторам выплачивать. Вот если бы авторы сами верстали свои книги, сами печатали и распространяли, а прибыль несли издателю!

Сидоров: А сколько нужно, чтобы издать книгу?

Издатель: Три тысячи.

Сидоров (*испуганно*): Долларов?

Издатель: Евро.

Сидоров: У меня нет таких денег!

Издатель: А вы придумайте, как достать, тогда и приходите. Вы новый российский Амброз Бирс, а Амброз Бирс, да будет вам известно, печатался на свои деньги, а не на издательские. Если вы смогли сочинить роман ужасов, наверное, и денег сможете достать на его опубликование. Фантазируйте, фантазируйте, Сидоров, а за нами не заржавеет, на то мы издатели, подвижники художественной литературы! Разыщите какого-нибудь филантропа, из поклонников, который дал бы денег на опубликование и раскрутку книги. Когда раскрутитесь, пойдет как по маслу, можете мне поверить. Достанете денег и сразу ко мне! Немедленно! С филантропом под ручку!

Сидоров (*грустно*): Так мне идти?

Издатель: В других издательствах, Сидоров, вас накормили бы лживыми обещаниями, но я готов раскрыть вам суровую правду жизни – грубую подноготную профессиональной писательской изнанки. А грубая подноготная в том, что на писательстве богатеют не писатели, а издатели.

Сидоров: Seriously?

Издатель: Я что, похож на несерьезного человека? Разве Амброз Бирс разбогател на своих трудах? А вот я не писатель, поэтому у меня в квартире восемь комнат и три санузла. А у вас в квартире сколько санузлов?

Сидоров: Один.

Издатель (*проницательно*): Совмещенный?

Сидоров: Совмещенный.

Издатель: Видите, все сходится: я не писатель, и у меня в квартире три отдельных санузла, а вы писатель, и у вас в квартире один совмещенный санузел. А вспомните, Сидоров, какие проблемы с опубликованием были у Лавкрафта! Как он маялся, бедняга! А если бы непрофессиональные издатели публиковали его по первому требованию, да еще гонорары выплачивали, вряд ли Лавкрафт превратился в матерого американского классика. Такова судьба

всех творческих интеллигентов – да что я вам рассказываю, сами знаете! Ступайте, Сидоров, ступайте и хорошенько задумайтесь над моими словами.

Понурый Сидоров забирает рукопись и прикрывает за собой дверь.

(По телефону). Охрана? Запирайте, больше я никого не жду. Последний сейчас выйдет.

Издатель встает из-за стола. Подходит к окну и поворачивает жалюзи.

За окном поздний вечер и сильная гроза. Внезапно Издателю чудится за стеклом неясный шорох. В этот момент на улице вспыхивает молния. В ее ирреальном свете на Издателя смотрит чье-то разгневанное зеленое лицо с высунутым раздвоенным языком.

Издатель: Аааа!

Сцена 3

Из материалов пресс-конференции городского прокурора.

Из зала: Что вы можете сказать по поводу так называемого книжного маньяка?

Прокурор: Ну, маньяки – это по вашей, журналистской части.

Смех в зале.

Из зала: Я имел в виду убийства издателей.

Прокурор: Действительно, несколько дел, возбужденных по факту кончины ответственных работников крупных издательств, в частности «Лямбда-центральный», «Деловая макулатура», «Венера Московская» и «Книжная астроблябия», объединены в одно. Это сделано вследствие вновь открывшихся обстоятельств.

Из зала: Нельзя ли подробнее?

Прокурор: Первые две смерти первоначально связывались с несчастными случаями, хотя и вызвали определенные подозрения. Оба покойных, Пахомов и Кириллов, получили инфаркты в рабочих кабинетах, хотя ранее на здоровье не жаловались. По мнению расследовавших эти дела криминалистов, выражение их лиц свидетельствовало о сильнейшем душевном потрясении в момент гибели. Вы сами могли заметить это на фотографиях, опубликованных в желтой прессе, если бы внимательно присмотрелись.

Разворачивает газету, на первой странице которой – оскаленное серое лицо с высунутым языком и выпученными глазами. Зал оживает.

Догадку прокуратуры подтвердила медицинская экспертиза, давшая однозначное заключение: смерть граждан Пахомова и Кириллова наступила вследствие перенесенного испуга. Грубо говоря, работники издательств умерли от страха. Окончательно насильственную версию смерти обозначили последующие трагические события, а именно: удушение глав издательских домов «Венера Московская» и «Книжная астроблябия», соответственно Зыгмантовича и Перелыгина, в своих кабинетах своими же галстуками. После чего эксперты пришли к выводу, что скоропостижные смерти четырех издателей не простая случайность: первые две жертвы были намеренно напуганы до смерти, а третья и четвертая задушены по той причине, что остались после испуга в живых. Следовательно, преступник изначально намеревался расправиться со всеми четырьмя жертвами, что ему в конце концов и удалось. В итоге ранее возбужденные дела объединены в одно.

Из зала: Кому, по вашему мнению, понадобилось убирать издателей?

Прокурор: Версий несколько, и каждая из них отрабатывается.

Из зала: И все-таки? Какая из версий является основной? Среди какого контингента вы разыскиваете книжного маньяка?

Прокурор: Имеются веские основания подозревать, что убийства издателей – месть со стороны обиженного графомана. Ежедневно издательства посещают сотни и даже тысячи человек с рукописями подмышкой, но считанным единицам эти визиты в издательства приносят радость. Большинство авторов получает отказ в опубликовании, и нельзя сказать, что они при этом испытывают светлые чувства в отношении отказавших им ответственных работников. Знаете, как шутят у нас в прокуратуре? Во всякой смерти ищи свою выгоду. Не исключено, что какой-нибудь автор с неустойчивой психикой решил смыть кровью нанесенную ему в издательствах обиду, и не только решил, но и исполнил адский замысел на практике. Этот неадекватный писучий интеллигент и есть тот, кого ваша журналистская братия окрестила книжным маньяком. В настоящее время из всех городских издательств изъяты отклоненные в течение последних двух лет рукописи. Наши специалисты изучают их на предмет обнаружения психических ненормальностей. Работа объемная, кропотливая, вместе с тем общественность может

быть спокойна: ни один графоман не избежит внимания прокуратуры. Рано или поздно преступник совершит ошибку, проявит себя и будет заключен под стражу.

Из зала: Каким образом предполагаемый графоман убивал издателей? Чем он мог их так напугать?

Прокурор: Я, как работник прокуратуры, не имею права предавать огласке все известные мне факты – тайна, сами понимаете, следствия. Однако могу сказать, что на галстуке удушенного Перелыгина, главы издательского дома «Книжная астробия», обнаружены жировые отпечатки. В настоящее время они изучаются дактилоскопистами.

Из зала: Как вы намерены – до тех пор, пока убийца не пойман, – обеспечивать безопасность персон издательского бизнеса?

Прокурор: Людям, работающим в издательской сфере, мы бы рекомендовали не выходить из дома в ночное время и поменьше общаться с не вызывающими доверия авторами, особенно интеллигентными. Книжным маньяком может оказаться любой интеллигент с папкой или кейсом, в котором притаилась неопубликованная рукопись. Сегодня этот махровый двурушник что-то невинно отпечатывает на ноутбуке, а завтра, с перекошенным от ненависти лицом, вцепляется в горло отказавшему ему редактору. Могу сообщить, что к нашим рекомендациям уже прислушалось несколько издательских домов, прекративших прием рукописей с улицы. Это правильно: зарвавшимся, пишущим в стол интеллигентам нельзя давать ни малейшего повода для осуществления мести. И наконец, учитывая, что две последние жертвы были задушены галстуками... не надо носить галстуки, господа.

Смех в зале.

Сцена 4

Квартира Сидоровых. В квартире находятся Сидоров, мама Сидорова и Дознаватель. Сидоров и его мама стоят у стола, в то время как Дознаватель сидит за столом, заканчивая составление протокола.

Дознаватель: Где спал арестованный?

Мама Сидорова: На диване.

Дознаватель с интересом смотрит на диван.

Иногда на коврик, я стелила.

Дознаватель: На этом самом коврике?

Изучает коврик.

Мама Сидорова: Здесь.

Дознаватель делает пометку в бумагах.

Дознаватель: Чем питался?

Мама Сидорова: Молочком.

Дознаватель (жестко): Вегетарианцем, следовательно, прикидывался.

Мама Сидорова: И другими кисло-молочными продуктами.

Дознаватель делает в протоколе новую пометку.

Сидоров: Послушайте, мы же не знали...

Дознаватель (пристально смотрит на Сидорова): Надо было знать. Не знали, не знали, вот ведь как интересно получается! Привели варана буквально с улицы, а прошлое у него какое, не выяснили, даже паспорт спросить не удосужились. Мало ли что? Ящерицы живут очень долго, иногда до ста лет. А если эта самая ящерица не только издателей до смерти душила, а во времена гражданской разрухи шахты в Донбассе взрывала или немцам в Великую Отечественную прислуживала?

Мама Сидорова: Не может быть!

Дознаватель: У нас все может быть, гражданка.

Сидоров: Мама, не волнуйся. Про шахты во времена гражданской разрухи, это просто шутка. Товарищ следователь шутит.

Дознаватель: Я не следователь, я дознаватель.

Мама Сидорова: Это шутка, товарищ дознаватель?

Дознаватель: Шутка не шутка, а скажите спасибо, что всю семейку не привлекли. Если бы не отпечатки челюстей вашего... как его?..

Сидоров: Рогалика.

Дознаватель: Верно, Рогалика... и не показания свидетелей, запросто могли бы загреметь как соучастники и укрыватели. Всей семейкой. Может, это вы своего варана на людей науськивали? Вы вроде как писатель, лицо образованное, значит, заинтересованное.

Сидоров: Никого я не науськивал!

Дознаватель: И скажите спасибо, что не науськивали. В зоологическом музее выдали экспертное заключение: вараны науськиванию не поддаются. А поддавались бы... несмотря на писательскую деятельность... *(Внезапно отвлекается)*. А про любовь вы, гражданин Сидоров, пишете?

Сидоров: Я сочиняю в жанре хоррора.

Дознаватель (изменившись в лице): Что такое?

Сидоров: Хоррор – литература ужасов.

Дознаватель: А. Тогда понятно. А книжки у вас напечатанные есть?

Сидоров (мрачней): Еще нет.

Дознаватель: Если бы вы проявили бдительность и не писали литературу ужасов, люди не получили бы разрыва сердца, могли сохранить свои жизни. Вы осознаете, гражданин Сидоров, что лишили их шанса последней надежды?

Сидоров: В полной мере.

Дознаватель: Что еще можете показать по существу дела?

Сидоров: Ничего.

Дознаватель: Сейчас я зачитаю протокол, а вас, гражданин Сидоров, прошу расписаться. Если, конечно, не имеете возражений... Так, официальную часть опускаю...

Зачитывает.

По существу дела могу показать, что комодский варан был по кличке Рогалик, которого нашли на бульваре в неустановленную дату, примерно полгода назад, приблизительно в июле месяце. Длинной Рогалик около двух метров, особых примет не имеет. Придя домой, арестованного поселили на коврике, хотя спал иногда на диване, а кормился молочком и другими кисло-молочными продуктами из универсама. При необходимости выходил погулять и возвращался самостоятельно в разное время, часто с опозданиями в несколько часов. О своей преступной деятельности и какие места посещал, умалчивал, а я не мог предполагать об удушениях, потому что не догадывался. Все, с протоколом ознакомлен.

Протягивает Сидорову бумагу.

Подтвердите.

Сидоров: «Кисло-молочными» пишется через дефис.

Дознаватель: Это к делу не относится.

Сидоров: И еще восемь запятых пропущено.

Дознаватель: Вы будете подписывать или не будете?

Сидоров подписывает.

Интеллигентные люди... Пригтели в квартире двухметровую ящерицу.

Вздыхает.

Сидоров: Я думаю, Рогалик подсознательно мстил издательскому бизнесу... ну, за то, что мои романы ужасов не печатают.

Дознаватель: Понятно думаете. За кого ему мстить, как не за хозяина квартиры? Животное неуравновешенное, психическое, да еще романов ужаса начиталось, сами говорите. Вот и слетело с катушек.

Мама Сидорова: При чем здесь катушки, товарищ дознаватель? Просто Рогалик остро чувствовал несправедливость и пытался ее исправить. На свой манер, конечно. А в жизни Рогалик был большая смиренная ящерица с Комодских островов, ничего больше.

Дознаватель: Мало ли, что смиренная – важно, что большая! У нас на территории тридцать седьмого отделения, у дрессировщика из цирка, анаконда была прописана. Тоже смирной прикидывалась.

Сидоров: И что с анакондой?

Дознаватель (*оформляя шапку документа, углубленно*): Чего с анакондой, спрашиваете? Да ничего хорошего. Через полгода акклиматизировалась и поползла ипотеку в коммерческий банк получать.

Сидоров: Бывает.

Мама Сидорова: Так то анаконда, а то Рогалик!

Дознаватель: Интересно вы рассуждаете, гражданка Сидорова. А если бы ваш сын работал не писателем, а приемщиком химчистки, тогда что? Что бы в химчистке творилось? Это вы называете безвредная? Соображайте в следующий раз, что говорите.

Звонит телефон.

Сидоров: Да?.. Я слушаю... Что?.. Да, я согласен... Конечно.

Внезапно потеряв голос, сипит в трубку:

«Маразматики, или Возмездие навывлет», это приблизительно двадцать авторских листов. А еще «Проникающая меланхолия» на столько же. Да, я понял. Я знаю, по сорок тысяч знаков. Приду. С другими издательствами до разговора с вами ничего не подписывать. А после тем более.

Вешает трубку, потрясенный.

Мама, мне звонили из издательства. Предлагают напечататься.

Мама Сидорова: Правда?

Сидоров: Сказали, что возьмут «Маразматики, или Возмездие навывлет». А может быть, и «Меланхолию», если «Маразматики...» хорошо пойдут.

Дознаватель: Уже проводали, что варан у вас проживал. Газетчики всегда возле криминала вьются, как мухи вокруг гавна, извиняюсь за выражение. Им для раскрутки хорошо. Все-таки серийный убийца и животное редкое.

Сидоров: Меня напечатают! Меня напечатают!

Кружится по комнате. Сталкивается с матерью и расцеловывает ее.

Потом, не в силах остановиться, расцеловывает и дознавателя тоже.

Дознаватель: Э, э...

Сидоров: Меня напечатают!

Мама Сидорова (Дознавателю): Извините, вас как зовут?

Дознаватель: Моя фамилия Зарядько. Через букву «д». С мягким знаком.

Мама Сидорова: А по имени?

Дознаватель: Елена... Викторовна.

Мама Сидорова: Еленочка, может быть, чайку с нами выпьете? С домашним смородиновым вареньем. У нас такая радость.

Дознаватель: Как вы меня смешно называли – Еленочка. Вообще-то мне некогда, у меня еще два дознания на сегодня.

Мама Сидорова: Сын вас потом до остановки проводит.

Дознаватель: Право, не знаю.

Мама Сидорова: Пойду заварю чай.

Уходит на кухню.

Сидоров: Я...

Останавливает кружение и смотрит на Дознавателя.

Дознаватель: Вы...

Смотрит на Сидорова.

Мама Сидорова (с кухни): Я быстро, быстро... детишки!

Сидоров и Дознаватель смотрят друг на друга растерянно, с каждым мгновением все более и более смущаясь.

Сцена 5

E-mail.

Отправитель: Сидоров.

Получатель: Сидорова.

Тема: Рогалик.

Милая мама!

До поезда еще несколько часов, и я зашел в Интернет-кафе согреться и отправить тебе пару строк. Потому что в телефонном разговоре этого не передать.

В целом все обошлось... не знаю, как лучше объяснить. Короче, все обошлось плохо. Даже мне, сочинителю романов ужаса, сделалось не по себе, едва я сошел с поезда в Саратове. Грязный пасмурный незнакомый город. Когда я спросил первого встречного, где у них тут тюрьма, встречный не ответил. Не ответил, потому что элементарно не знал. Другие тоже не знали и посматривали как-то странно, особенно когда я пытался объяснить, что мне собственно нужна не тюрьма, а специальный зоопарк для интернированных животных с психическими отклонениями. Только через полчаса кое-что удалось разузнать – у гражданина, знакомого с городской тюрьмой явно не понаслышке.

Ехать пришлось на трамвае через весь город, до конечной. Саратовская тюрьма расположена на самом берегу Волги, а специальный зоопарк примыкает к ней, имея общую проходную. Но не основную, а вспомогательную. Чтобы выяснить это, пришлось обойти тюрьму по периметру, причем часовой на пулеметной вышке разглядывал на меня со своей дозорной высоты довольно вопросительно. Саратовская тюрьма – место само по себе мрачное, от которого за километр веет унынием и несвободой, и даже протекающая поодаль мать русских рек не в силах заглушить эту неестественную тоску. Однако то, что предстало внутри специальной зоны, превзошло самые скверные мои ожидания.

Представь, мама, облупленные коридоры, через каждые десять метров преграждаемые решетчатой дверью. У каждой двери пропускной пункт с низкорослым охранником, мне по плечо, не выше: проверка документов, какие-то ненужные вопросы типа «Кем он вам приходится?» и понятливое покачивание головами на уровне моей грудной клетки. Потом, когда вследствие этого безумства я приблизился к полуобморочному состоянию, был чахлый дворик с фанерными щитами-перегородками, через который приданный провожатый вывел меня к вольерам. К вольерам, будто эти наполненные водой и грязью канавы хоть немного напоминали просторные благоустроенные вольеры Московского зоопарка!

Извини, мама, мне трудно не только писать, но и вспоминать этот кошмар: перед глазами мелькают словно обрывки кинохроники, но что-либо конкретно не разобрать. Помню носорога, жалкого и полумертвого, с серой свисающей кожей и отпиленным рогом, которого какой-то дед – обутый, несмотря на плюсовую погоду, в валенки, – пинал лопатой с обломанной ручкой. Только один носорожий глаз был живой, и этот живой глаз двигался вслед за мной, пока я проходил мимо ограды, с такой тоскливой пронзительностью, что мне не забыть его до самой смерти. Зачем дед в валенках пинал беспомощного носорога, ведь все равно не смог бы перевалить его поближе к кормушке, как, вероятно, намеревался? Не проще ли было поднести к носорогу корм – глядишь, тогда у несчастного животного достало бы сил на следующую кормежку? Не знаю, не знаю, и не хочу знать, но это было ужасно! Мелькали еще какие-то потухшие глаза и выщербленные клювы. Запомнилась бесформенная груда перьев и костей, слабо шевелящаяся и постанывающая, из-под которой вдруг вылезло большое раздвоенное копыто. Кто это был? Не ведомо – у меня не достало мужества прочесть табличку.

Закрыв глаза и молясь об избавлении от затянувшегося сна, я проследовал туда, куда тянул меня за рукав провожатый.

«Вот она, ваша рептилия, – сказал наконец он с поганой ухмылкой, предварительно сверившись по план-карте. – На свидание десять минут. Посылка досмотрена, можете покормить животное. Но через барьер не перелезайте, иначе администрация зоопарка ответственности не несет. Когда время выйдет, я за вами вернусь», – добавила эта равнодушная харя, оставляя меня наедине...

Наедине с кем, мама? Ты себе представить не можешь, что они сделали с Рогаликом! Когда он выполз мне навстречу из своего грубо сколоченного ящика, в котором укрывался от снега и дождя, я не узнал его сначала. Даже оглянулся на спину провожатого, чтобы заявить об ошибке, и лишь тогда понял, насколько животное исхудало. Это был он, наш Рогалик, но такой изможденный и обессиленный, словно отмотал несколько пожизненных сроков.

Волна нежности к существу, пожертвовавшему ради преуспевания друга собственной свободой, обдала меня с головы до ног, как кипятком. Я бросился навстречу, принялся просовывать сквозь ячейки ограды какие-то апельсины и шоколадные батончики, как будто они могли скрасить тяготы многолетнего заточения. При этом отчетливо сознавал ложность своих даров и двусмысленность положения и видел, что Рогалик тоже все понимает, хотя не подает вида и даже пытается улыбнуться моим хлопотливым усилиям. Он не только очень исхудал, но и погрубел – в его глазах появилось не замечаемая мной раньше отчаянная решимость существа, подвергшегося телесно-моральным унижениям и готового отныне на все. Мы смотрели друг другу в упор, не произнося ни слова. Наверное, я рыдал – не помню, но Рогалик не проронил ни единого слова и не пролил ни единой слезинки. Молча смотрел он на меня сквозь прутья ограды, и было в этом молчании что-то столь многозначительное и величественное, что я не решился нарушить священную тишину.

Очнулся тогда, когда возвратившийся провожатый грубо схватил меня за плечо и потянул прочь от вольера. Последний раз я оглянулся и сквозь мутно-соленую пелену различил унылую фигурку варана, прижавшего свое умное и продолговатое, как у Бориса Леонидовича, лицо к прутьям. Рогалик глядел на меня, словно прощался навсегда – в этот момент рассерженный провожатый, цедящий сквозь зубы ругательства, увлек меня за поворот.

Только сейчас, в Интернет-кафе, я немного оправился. Скоро увидимся, но ради всего святого, когда я вернусь, не проси еще раз рассказывать об испытанном мной кошмаре. Саратовская поездка оставила во мне след слишком неизгладимый и тягостный для того, чтобы вспоминать о ней повторно – другого такого испытания... нет, не приведи Господи! Где ты, людская гуманность, людская гуманность? Если животных, направленных на исправление и излечение, вместо того долгие годы содержат в голоде и антисанитарии, что может быть бездушней и бесчеловечней такого обращения! Что-то не в порядке с нашей судебной и исполнительной властью, если она допускает такое. Вспомни на Страшном суде, о Господи, Саратовский специальный зоопарк для интернированных животных с психическими отклонениями, вспомни и прости наши прегрешения!

Всё, пора к поезду, отправление через полчаса.

Любящий тебя сын.

Rambler-ICQ 66 – новый формат общения!

Сцена 6

Через несколько лет. Квартира Сидоровых. В квартире находятся Сидоров и его мама.

Сидоров: Мама, мне грустно.

Мама Сидорова: Опять издатели, сыночек?

Сидоров: Они, упыри.

Мама Сидорова: Не надо выражаться, сыночек.

Сидоров: А как еще прикажешь выражаться, если упыри только и делают, что пьют мою кровь. Пятнадцать процентов, разве это авторские? Стивен Кинг, и тот получает больше! И они еще подначивают продолжать в жанре хоррора! Как будто купили меня с потрохами, как какую-нибудь уличную шлюху!

Мама Сидорова: Но твои романы ужаса так хорошо раскупаются! Я дала тете Симе почитать, и ей тоже понравилось. Особенно после того, как она разглядела на обложке твою фотографию.

Сидоров (*хватаясь за голову*): Мне осточертели ужасы! Не могу больше слышать про ужасы! Я ненавижу ужасы! Я их боюсь!

Мама Сидорова: Сыночек...

Сидоров: Раньше все было не так. Сравни, мама, сравни, как я писал раньше и как получается теперь...

Берет с полки нарядный томик со своей фотографией на обороте и зачитывает:

Степан Валерианович и Любомир Иванович сидели на кухне и пили чай с вафлями. Степан Валерианович, ошеломленный неожиданным появлением покойного, был напряжен и нерешителен, тогда как Любомир Иванович, напротив, расслаблен и меланхоличен. Он то и дело поправлял клочья кожи, сползавшие с него шелухой, каждый раз при этом смотрясь в зеркало и горестно вздыхая.

«Теперь ты понимаешь, Степан Валерианович, – окончил он свой рассказ, – почему я вернулся из загробного царства?»

«Теперь понимаю», – ответил Степан Валерианович.

После этих слов друзья облачились в черные костюмы ниндзя. Любомир Иванович схватил бейсбольную биту, а Степан Валерианович натянул на голову резиновую маску крокодила.

«Чтобы не узнали», – пояснил он.

«Ты все понял, Степан Валерианович? – в последний раз переспросил друга Любомир Иванович. – Я прогуливаюсь поблизости от компании хулиганов. Они ко мне пристают, а ты приходишь мне на помощь и режешь хулиганов на кусочки».

«А можно наоборот? Я буду прогуливаться поблизости, а ты резать хулиганов на кусочки?», – робко поинтересовался Степан Валерианович.

Мама Сидорова: У тебя и сейчас неплохо получается.

Сидоров: Нет, мама – сейчас не то, не то, не то! Уже давно, после поездки в Саратов, в этот проклятый специальный зоопарк для интернированных животных с психическими отклонениями, во мне будто что-то перегорело, надломилось. Когда я увидел Рогалика... в этом грязном вольере... мне показалось, все кончено. Жизнь кончена. Как будто я родился для того, чтобы написать роман ужасов «Маразматика, или Возмездие навывлет», а теперь, когда роман завершен и опубликован, могу умереть спокойно.

Мама Сидорова: Не говори так, сыночек! В такой день... *Утирает слезы.*

Сидоров: Да, да, я помню. Сегодня из ссылки возвращается Рогалик. Может быть, в этот самый момент он открывает дверь в нашем подъезде, взбирается по ступеням, постукивая о перила зеленым хвостом. Знаешь, мама, я так долго ждал его возвращения. Я ведь понимаю,

скольким ему обязан. Рогалик предан мне, как собака, хотя какая собака сравнится по преданности с комодским вараном! Если бы он не запугал издателей, ценой своей свободы сделав меня публичным человеком, мне бы ни за что не напечататься! Я всем, всем обязан Рогалику и понимаю это. Но знаешь, мама... Я надеялся, с возвращением Рогалика ко мне возвратится жажда сочинительства, когда мурашки ползут по спине, а пальцы сами стучат по клавиатуре. А теперь не знаю. Как будто ничего не чувствую. Не знаю даже, хочу ли его видеть...

Мама Сидорова: Что ты такое говоришь, сыночек! Это Рогалик! Я знаю, как ты его любишь...

Сидоров: Да. Люблю. Конечно.

Мама Сидорова: Я уже и одеяло приготовила. То самое, которым – помнишь? – он укрывался на диване. Когда Рогалик ляжет на диван и укроется своим любимым одеялом...

Из смежной комнаты выходит дознаватель. Она в выцветшем халатике, с чмокающим ребенком на руках.

Дознаватель (*голосом, не допускающим возражений*): Кто упомянул диван? Никакого дивана, потому что диван мой. На диване мы с ребенком ползаем. (*Ребенку*). Агу, агу, маленький...

Мама Сидорова: Так точно, товарищ дознаватель.

Дознаватель (*поднимая от ребенка голову*): Мама, я просила не называть меня дознавателем.

Мама Сидорова: Извини, Еленочка, я по привычке.

Сидоров: Мама...

Дознаватель: Диван все равно мой, а Рогалика можно положить на коврик в углу. Ему на коврике даже удобней будет.

Мама Сидорова: Слушаюсь, Еленочка.

Дознаватель: Я просила не говорить мне «слушаюсь». Если вы, мама, будете говорить мне «слушаюсь», я стану называть вас гражданкой Сидоровой.

Сидоров (*дознавателю*): Любимая...

Мама Сидорова: Ты теперь тоже гражданка Сидорова, Еленочка.

Дознаватель: Опять двадцать пять.

Сидоров (*обнимая обеих женщин*): Прекратите, пожалуйста, пререкаться, дорогие мои гражданки Сидоровы. Скоро мы переедем в квартиру побольше, в которой будет достаточно диванов. Каждому по два или три дивана. Мы можем позволить себе сколько хотите диванов, потому что мои книги раскупаются. Я становлюсь популярным мастером хоррора, а теперь, когда Рогалика выпустили из специального зоопарка для интернированных животных с психическими отклонениями, мне прибавят авторские, да и тиражи побоятся заначивать. Шалишь, издательский мир, ты не забыл книжного маньяка! Ты помнишь, помнишь Рогалика и дрожишь при мысли о его возвращении! И правильно делаешь, потому что Рогалик – мой верный товарищ и моя экзистенция, мое непреходящее презрение к вам, эгоистичные слепцы и нахальные пошляки, в борьбе за гармонично устроенную литературу.

Дознаватель (*укачивая на руках ребенка*): Квартира, это в самый раз.

Сидоров: Лишь бы ко мне вернулось ощущение реальности. Реальный мир кошмарен, об этом не надо забывать. Если я перестану забывать об этом, то снова смогу сочинять романы ужасов. Как когда-то. Как прежде.

Мама Сидорова: Ты сможешь, сыночек. Конечно, сможешь.

В дверь звонят.

Сидоров: Рогалик вернулся!

Бросается открывать. Мама Сидорова и дознаватель замирают, обнявшись, в ожидании гостя.

Занавес

Деревянный старик

1.

С неба на цветущий зеленый лужок посылает лучи улыбающееся весеннее солнце. По тропинке, обсаженной васильками и ромашками в человеческий рост, идет маленькая девочка с розовым бантом в голубых волосах. Время от времени она оглядывается по сторонам и с досадой, умиленной в такой крохе, восклицает:

Девочка: Ну куда же подевался этот несносный мальчишка? Буратино, где ты? Ау, Буратино!

2.

В зале огромного киноконцертного зала, под бурю зрительских аплодисментов, загорается свет. Освещаемый лучами прожекторов, из-за кулис появляется Буратино. Но Господи, до чего же он стар! Сосна, из которой Буратино был выструган, давно рассохлась и потрескалась.

От лака, некогда покрывавшего его тело толстым слоем, не осталось следа. Даже нос Буратино, в молодости острый и прямой, как будто скривился и стал короче: если присмотреться, можно увидеть, что, обломанный у самого основания, он надставлен протезом из другой породы дерева. Ввиду преклонных лет Буратино еле передвигает ноги – каждый шаг дается ему с видимым трудом и слышимым скрипом. Трезвость ума юбиляр тем не менее сохранил: говорит Буратино хотя и глухим голосом, но разумно и даже остроумно, как молодой, особенно когда увлечется – сказывается многолетний опыт сценической деятельности.

Буратино: Спасибо... Спасибо, друзья.

Буратино опускается в кресло, в то время как публика в зале аплодирует стоя. Как тут не аплодировать, когда перед ними Буратино!

Сам Буратино, герой одноименной сказки и бессменный руководитель кукольного театра своего имени! Аплодисменты, наконец, затихают.

Зрители усаживаются и вытягивают шеи вперед, стараясь не пропустить ни одного слова знаменитого человека. Буратино продолжает надтреснутым голосом:

Меня часто спрашивают, как и когда все это началось... когда был замыслен кукольный театр «Молния». Он был замыслен в тот момент, когда я впервые очутился в театре. Это был безымянный кукольный театр Карабаса Барабаса. Надо сказать, не лучший театр – актеры не придерживались системы Станиславского, не было, что называется, актерской школы, да и режиссура практически отсутствовала, – но ведь других театров я в то время не видел. Откуда мне было знать, что хорошо, что плохо? Мне было несколько часов от роду. Несколькими часами ранее папа Карло выстругал меня из полена, и я впервые вышел на улицу. Представьте себе свежеструганного молодого человека. Все ему в новинку, все необычно и увлекательно: пыль под башмаками, синее небо, девушки, порхающие мимо разноцветными бабочками, и бабочки, такие же нарядные, как девушки. И вдруг – озарение! Словно небеса разверзлись, и гром с них грянул. Я увидел перед собой купол театрального балагана, и ноги сами понесли меня в его направлении. На секунду я почувствовал себя режиссером, творцом театрального волшебства и не освободился от этого ощущения всю последующую жизнь. Мог ли я в то время предположить, что детские мечты осуществляются, что через некоторое время я стану директором собственного кукольного театра «Молния», который затмит славой знаменитый тогда театр Карабаса Барабаса? Нет, конечно. Мальчишка, я даже мечтать об этом не смел. То, что я нахожусь сейчас на этой сцене, перед вами, – это судьба. Судьба имеется у каждого. Одних судьба шпынует и всячески помыкает ими, к другим она благосклонна... как ко мне, за что я своей счастливой судьбе от всей души благодарен.

3.

Просторная комната с окном, распахнутым на балкон. С балкона веет свежий весенний ветерок. Вдали виднеется ажурный силуэт Эйфелевой башни. Хозяин апартаментов Дуремар, глубокий старик со сморщенным лицом, сидит за рабочим столом, на фоне развешенных по стене фотографий, и вспоминает.

Дуремар: Был ли я знаком с Буратино? Конечно, был! Я хорошо помню Буратино, хотя с этой куклой связаны мои не самые светлые воспоминания. Не читали мою статью о Буратино в «Литератур насъонал»? Статья называлась «Тайна проданной азбуки». Нет, не читали? Это, конечно, не более чем гипотеза, однако основанная на стохастической интерпретации некоторых документальных свидетельств. Пришлось заняться проблемой Буратино, поскольку моя известность на Западе была связана в основном с этой тенденциозной сказкой. Имеется в виду та азбука, которую Буратино якобы продал за четыре сольдо, чтобы купить входной билет в театр Карабаса Барабаса. Что вы говорите? Нет, тексту доверять нельзя, хотя директор кукольного театра «Молния» приложил титанические усилия, чтобы текстуальная подлинность сказки не вызывала сомнений. Мне пришлось перерывать ворох источников, пока во Французской национальной библиотеке я не наткнулся на малоизвестные исторические материалы. Какие, спрашиваете вы? А вот поглядите. Видите это провинциальное русское издание двадцатилетней давности? Последняя страница. Директор кукольного театра «Молния» Буратино среди поклонников своего творчества. Обратите внимание, что Буратино держит в руках. Это азбука – та самая, которую он во времена своих приключений якобы продал неизвестному мальчику за четыре сольдо. Под фотографией подпись: Буратино демонстрирует юным театрам азбуку, подаренную ему папой Карло. Спрашивается, откуда у Буратино оказалась азбука, которую он продал? Вы правильно говорите, что он мог выкупить ее у нового владельца впоследствии, после шумного успеха, ожидавшего его кукольный театр, однако не думаю, что это произошло в действительности. Вы хорошо представляете себе Буратино? Можете вы себе представить, что, организовав успешный бизнес, Буратино первым делом бросился на поиски мальчика с целью выкупить у него азбуку папы Карло? Уверяю вас, у Буратино не такая репутация. Откуда же у него взялась азбука? Мальчик, посмотрев кукольный спектакль театра «Молния», расчувствовался и добровольно возвратил азбуку новому директору? В это тоже верится с трудом. От такого толстого и ограниченного мальчика, каким он описан в сказке, нельзя ожидать добровольных жертвований. Как же было на самом деле? Откуда у Буратино азбука, я вас спрашиваю?

Разгадка кроется в смерти папы Карло. Что произошло с папой Карло после того, как дверь за очагом, нарисованным на куске холста, была отперта при помощи золотого ключика? Об этом сказка умалчивает, и не напрасно, потому что через два дня после открытия кукольного театра «Молния» отец Буратино скончался от инсульта. Мне рассказал об этом столяр Джузеппе, отыскать которого не составляло большого труда. По словам Джузеппе, когда он зашел в каморку папы Карло через два дня после описанных в сказке событий, папа Карло лежал на полу в горячечном состоянии. У больного были понос и рвота. Карло звал Буратино и спрашивал, нельзя ли ему посетить представление кукольного театра «Молния» и не принесли ли Буратино валокардин.

Особенный интерес представляет последняя фраза шарманщика. Почему он решил, что Буратино должен принести ему валокардин? Можно, конечно, списать вопрос на бредовое состояние больного, но не естественнее ли предположить, что он сам попросил сына принести валокардин? Вы можете поинтересоваться, на какие деньги Буратино должен был купить валокардин, и я отвечу. По ценам того времени, на деньги, вырученные от продажи куртки, можно было приобрести не только азбуку, но и что-нибудь еще. По моим расчетам, после

покупки азбуки, необходимой для обучения Буратино, у папы Карло должно было остаться что-то около четырех сольдо. Понимаете? У папы Карло должно было остаться четыре сольдо, и ровно четыре сольдо стоил входной билет в театр Карабаса Барабаса! Это может быть простым совпадением, но может оказаться чем-то бóльшим.

Если догадка верна, никакого мальчика, купившего у Буратино азбуку папы Карло за четыре сольдо, не было. Папа Карло на вырученные от продажи куртки деньги приобрел азбуку, а оставшиеся четыре сольдо дал Буратино, чтобы тот купил ему валокардин. По словам столяра Джузеппе, папа Карло страдал многими хроническими заболеваниями, в том числе сердечными, поэтому не переносил холода. Оставшись без куртки, он, несомненно, должен был позаботиться о своем здоровье. Он и позаботился, поручив Буратино купить ему валокардин. Однако деревянный мальчишка не послушался отца-сердечника и деньги, переданные на покупку лекарства, потратил на входной билет. Азбука осталась у него. Зачем Буратино было продавать азбуку с разноцветными картинками, когда четыре сольдо звенели в кармане? Эту азбуку он впоследствии с гордостью демонстрировал провинциальным поклонникам, не ожидая, что его застукают за этим занятием. Впоследствии Буратино стал более осторожен и азбуку не показывал никому. Вероятно, она хранится в депозитной ячейке одного из швейцарских банков либо, как важная компрометирующая улика, уничтожена.

Не дождавшись валокардина, папа Карло умер и был похоронен своим верным другом столяром Джузеппе. Буратино на похоронах отсутствовал, хотя папа Карло дожидался его до последнего вздоха. Умер, не дождавшись. А сыночку было некогда: он управлял кукольным театром. Предполагаю, Буратино мог попросту позабыть о просьбе папы Карло купить валокардин, а потом по понятной причине постараться данный факт замолчать. Что еще ожидать от вознесенной на самый гребень успеха деревяшки? Бог ей судья.

4.

Вопрос из зала: Вы читали статью Дуремара в «Литератур насъонал»?

Буратино: Нет, не читал и не собираюсь читать статьи бывшего продавца пива. Все, что в ней написано, неправда от первого до последнего слова. Как можно всерьез говорить об этом человеке? Этом наглom эмигранте, завидующем моему успеху и ради куска хлеба готовом на любую клевету? Как можно верить человеку, оставившему Родину в самую трудную для нее минуту? Все, что Дуремар собой представляет, прекрасно явлено в сказке, ее классическом, текстуально выверенном оригинале. Якобы я уморил папу Карло, не доставив ему вовремя лекарство. Откуда ему знать, этому Дуремару? Подобные голословные утверждения не только оскорбительны для меня, но попросту смешны... А кого я еще уморил, мсье Дуремар? Марата не я в ванне задушил? Жанну д'Арк случайно не я изнасиловал?

В зале оживание.

Следующий вопрос, пожалуйста.

Вопрос из зала: Буратино Карлович, вы еврей?

Буратино: Меня часто спрашивают, из какой породы дерева я сделан. Так вот, вырезан из тосканской сосны – этой породе я обязан крепостью духа и целеустремленностью характера. Конечно, мое происхождение в известном роде случайность. Возьми папа Карло другое полено – вернее, подсунь ему другое полено этот старый проходимец Джузеппе, – наверное, из меня получился бы совсем другой человек, с другими интересами. К примеру, мог получиться бесстрашный мореплаватель – ведь дерево не боится воды, – однако получился театральный режиссер.

Вопрос из зала: Кто из литературных персонажей вам наиболее близок?

Буратино: Сирано де Бержерак.

В зале хохот.

5.

Дуремар: Я всю жизнь посвятил народной медицине, а каким предстаю в сравнении с Буратино? Смешным и заискивающим неудачником. А что написано в сказке о Карабасе Барабасе? Я хорошо знал этого образованнейшего и бескорыстнейшего человека, влюбленного в кукольный театр.

Протягивает невидимому собеседнику старую фотографию в рамке. Это портрет красивого бородатого мужчины в полный рост. Одетый во фрак и цилиндр, он буквально сияет от счастья. Карабаса облепили улыбающиеся куклы: они в руках Карабаса, на его могучих плечах, а кто-то забрался даже на голову и строит директору рожики. Дурачатся, как хотят.

Да, характер у Карабаса был взрывной, он мог накричать на актера, когда тот ленился или привередничал, но он же в случае удачи буквально носил актера на руках, ходил за ним как привязанный и исполнял любые капризы. Его знаменитый хлыст? У Карабаса был хлыст, предмет неутомимых шуток всей труппы. Чтобы разрядить обстановку в нужную минуту, когда у куклы не задавалась роль, мой друг страшно вращал глазами, хлестал по стенам и кричал: «Сейчас я тебя выпорю, кукла несчастная!». Но чтобы ударить актера хлыстом? Уверяю, такого не было и быть не могло. Для Карабаса Барабаса актеры, как и любые живые существа, были неприкосновенны. Особенно актеры. Для этого человека не было ничего более святого в жизни, чем кукольный театр: Карабас Барабас жил театром и умер, будучи отлучен от театра. А что написано об этом замечательном театральном деятеле, докторе кукольных наук, в сказке о Буратино? Характер Карабаса искажен до неузнаваемости, и кем искажен? Деревянным мальчишкой без какого бы то ни было образования, впервые увидевшим театр благодаря тому же Карабасу Барабасу и в конце концов предавшим своего учителя. События вокруг золотого ключика и секретной двери, находящейся за нарисованным очагом, происходили не так, как хочется представить Буратино и его апологетам. Как происходило на самом деле? Я – живой свидетель того, каким способом Буратино удалось получить в полное свое распоряжение кукольный театр «Молния» и разорить моего несчастного друга.

Прежде всего, неверно, что Буратино получил от Карабаса пять золотых за то, что проговорился относительно очага, нарисованного на старом холсте. Карабасу давно было известно, где находится дверь. Не было, разумеется, и намерения отправить деревянную куклу на расплодку. С моей точки зрения, это следовало бы сделать во благо отечественного кукольного театра – тогда многих ужасных происшествий удалось бы избежать. Однако никто из участников тех далеких событий не предвидел будущего и не смог остановить деревянного проходимца. Как я говорил, Карабас боготворил актеров. Только познакомившись с Буратино, он сразу же предложил ему место в своей труппе, но на уме у Буратино было другое, и он отказался, как Карабас его ни упрашивал. Когда же Карабас услышал о том, что отцом Буратино является папа Карло, в камерке которого находилась заветная дверь, то расцеловал куклу в обе ее деревянные щеки и вручил пять золотых монет. Карабас слышал, что папа Карло бедствует, и был рад, по мере возможности, оказать ему скромное вспоможествование. В сказке Карабас описан злобным и жадным негодяем, почти монстром, но может ли такой монструозный негодяй, даже услышав что-то очень для себя приятное, вдруг, ни с того ни с сего, подарить незнакомой кукле крупную денежную сумму? Нет, конечно. Для монстра, каким Карабас описан в пресловутой сказке, не характерны широкие жесты, в то время как темпераментная и щедрая натура, каким я помню этого человека, вполне могла подарить Буратино пять золотых монет только из уважения к его семье. Карабас не только подарил Буратино пять золотых монет, но и возместил ему стоимость входного билета в четыре сольдо, посчитав несправедливым брать деньги с семьи, в камерке которой находится секретная дверца. Однако Буратино беззастен-

чиво присвоил себе отцовские деньги, тем более что его отец папа Карло, за отсутствием валокардина, вскоре по прошествии описанных в сказке событий скончался.

Откуда мне все это известно? Да сам же Карабас Барабас мне об этом и рассказал.

Мы, как сейчас помню, сошлись с Карабасом на почве благоговения перед кукольным театром. Конечно, он был мне не чета. Кто был я? Заурядный ценитель из толпы, медик по профессии. А Карабас Барабас был доктором кукольных наук, руководителем лучшего кукольного театра в Италии. Тем не менее мы благодаря любезности Карабаса познакомились, стали общаться. Во время наших доверительных бесед Карабас о многом рассказывал, в том числе делился планами на будущее. Этот наивный, темпераментный и бескомпромиссный человек был одержим поиском идеального театра, зачем ему и потребовалась секретная дверь, отпираемая золотым ключиком. В конце концов, это было его право: право законного наследника. При чем здесь наследование? Разве я не сказал, что Карабас был из старинной театральной династии Барабасов? Нет, не сказал? Странно. А кто, по-вашему, создал кукольный театр, находившийся за потайной дверью? В сказке об этом не говорится ни слова. Этот театр, впоследствии превратившийся в возглавляемый Буратино кукольный театр «Молния», был создан дедом Карабаса Барабаса и завещан им своему внуку. Сам дед, также известный кукольный режиссер-меценат, не желал воспользоваться своим изобретением ввиду сложной политической обстановки того времени. Он мечтал передать тайны своего мастерства по наследству, но почему-то через поколение: как предполагают, прогневавшись на отца Карабаса за то, что тот не желал признать его режиссуру идеальной, а попытался создать собс твенную театральную школу. Карабас, несомненно, воспользовался бы творческим наследством своего деда, если бы золотой ключик не был уронен в пруд, где им незаконно завладела старая галапагосская черепаха Тортила. Потеря золотого ключика, случившаяся еще во времена деда, не позволяла Карабасу создать идеальный театр – не удивительно, что обворованный режиссер прилагал значительные усилия к тому, чтобы возвратить незаконно удерживаемое.

Историю золотого ключика он во время встречи без какой бы то ни было задней мысли рассказал Буратино. Этот деревянный проходимец сразу смекнул, что может с детективной истории по иметь. Буратино предложил Барабасу свою помощь в поиске золотого ключика, и Карабас – чистая душа! – сразу на все согласился, предварительно даже не зафиксировав условий договора в письменном виде. Они сошлись на двухстах золотых монетах, которые были тут же, без расписки, выданы вдобавок к пяти золотым монетам, пожертвованным ранее во вспоможествование папе Карло. Буратино на эти деньги обязался выкупить у Тортилы золотой ключик. Проходимец сумел уверить Карабаса Барабаса, что то, что за много лет не удалось самому Карабасу – договориться с выжившей из ума воровкой вернуть предмет, не представлявший на дне пруда никакой ценности, – Буратино сумеет за пять минут. Надо заметить, Буратино всегда умел уговаривать, втираться в доверие, обводить вокруг пальца, по этому ему не составило труда обмануть такого младенчески наивного, погруженного в искусство человека, как Карабас Барабас. Таким образом, после визита в кукольный театр на руках у Буратино оказалось двести пять золотых, не считая тех четырех сольдо, что бедный папа Карло передал ему для покупки валокардина. Не удивительно, что, оказавшись с такой значительной суммой в кармане, Буратино думать забыл о сердечнике папе Карло и спасительном валокардине, а начал прикидывать, куда лучше свой капитал инвестировать. Полагаю, он с самого начала не соби-рался выполнять принятые перед директором кукольного театра Карабасом Барабасом обязательства, а намеревался как-нибудь впоследствии выкрутиться, возможно, просто обмануть лежковерного кредитора или же добыть золотой ключик без уплаты денег, как впоследствии и случилось. Этот Буратино всех надул: своего папу Карло, Карабаса Барабаса, лису Алису и кота Базилио, которые ему потом подвернулись под горячую руку...

6.

Подвальное помещение в Стране Дураков. Слепящий в глаза свет, направленный на скрючившегося на стуле ээка. По ту сторону света – следователь, суровый, беспристрастный, нетерпеливый.

Следователь: Как звать?

Зэк: Базилио, гражданин начальник. Там записано...

Следователь: Молчать! Знаю, что там записано... В глаза, в глаза мне смотри.

Базилио: Слушаюсь, гражданин начальник.

Следователь: Молчать! Я велел смотреть в глаза, а не говорить.

Перепуганный кот кивает, что понял.

Теперь можешь говорить.

Базилио (*плачущим голосом*): Что говорить, гражданин начальник?

Следователь: Что тебе известно о Буратино?

Базилио: Что известно?

Следователь (*кричит, брызжа слюной*): Ваньку валять, арестантская рожа, надумал? Отвечай немедленно, что тебе известно о Буратино?

Базилио: Вы кукольника имеете в виду, гражданин начальник?

Следователь молчит, пытливо заглядывая ээку в глаза. Этого Буратино, да?

Следователь (*тихо*): Тебе что, известен какой-нибудь другой Буратино?

Базилио (*с готовностью*): Никак нет, не известен.

Следователь (*еще тише*): Так какого же... (*Срывается на оглушительный крик*)... какого же ты лешего, морда кошачья, спрашиваешь, какого Буратино я имею в виду. (*Привстает из-за стола и хватает кота за усы, наматывая себе на руку*). Отвечай быстро, не задумываясь. Когда с Буратино познакомился? На сколько золотых народного режиссера нагрел? Кто твои сообщники? С чего твоя финансовая пирамида начиналась? Отвечать быстро и не задумываясь, я предупреждаю.

Притягивает кота за усы поближе.

Базилио: Все скажу, все скажу, только усы не рвите...

Следователь толкает кота обратно на стул, едва не опрокидывая обоих.

Следователь: Говори, записываю.

Базилио (*хнычет*): Так ведь много раз рассказывал. У вас в бумагах все записано.

Следователь: Ах ты...

Базилио (*быстро*): Рассказываю, уже рассказываю, гражданин начальник. Только не волнуйтесь, ради всего святого.

Следователь: Когда ты впервые увидел Буратино?

Базилио: Он пришел ко мне в контору с предложением.

Следователь: Каким предложением?

Базилио: Об инвестициях. У него было двести пять золотых монет в депозитных сертификатах. Но я же – обращаю ваше внимание, гражданин начальник, – тогда еще не знал, с кем имею дело. Кто же знал, что он окажется народным любимцем? Да он и не был тогда народным любимцем – так, наглый деревянный мальчишка с полной кошелкой денег.

Следователь (*доверительно*): И ты, котяра, решил его кинуть?

Базилио (*нехотя*): Ну было...

Следователь: Кто присутствовал при вашем разговоре?

Базилио: Алиска, само собой, присутствовала. Она ж поделницей моей была...

Следователь: Так... (*Листает дело*). Лиса Алисия, курятница со стажем.

Базилио: Она самая, гражданин начальник.

Следователь: Продолжай.

Базилио: Ну, мы с Алиской только его увидели, так сразу решили кидать. Мальчишка, сразу видно, деревянный, необразованный, только из-под рубанка. Пришел по объявлению...

Следователь: Как называлась ваша с Алисией финансовая пирамида?

Базилио: Так и называлась: «Финансовая пирамида».

Следователь: Ага... Значит, финансовая пирамида «Финансовая пирамида».

Базилио: Вообще-то, это было общество с ограниченной ответственностью «Финансовая пирамида».

Следователь: Молчать!

Базилио: Как велите, гражданин начальник.

Следователь: Теперь продолжай.

Базилио: Значит, приходит к нам в контору этот деревянный лох, по объявлению, с карманами, полными депозитных сертификатов, и желает инвестировать. Ну, у нас с Алиской технология на этот случай была отработана. Мы клиенту объясняем: имеется, мол, прекрасное место для инвестиций, называется Поле Чудес в Стране Дураков. Пятьсот процентов за ночь за минусом десяти процентов в качестве наших с Алиской комиссионных. Итого четыреста девяносто процентов.

Следователь: И Буратино поверил?

Базилио: Конечно, поверил. Вы бы тоже поверили, гражданин начальник. Время было такое: любое чудо казалось возможным.

Следователь: Дальше.

Базилио: Ему наше инвестиционное предложение вроде приглянулось. Без дураков, приглянулось... Хлопнули по лапам и отправились на Поле Чудес. Мы с Алиской решили – дело на мази.

Следователь: По пути куда заходили?

Базилио: Не помню... Вроде никуда не заходили.

Следователь заглядывает в дело и привстает со стула.

(От испуга вспоминая). Ах да, заходили!.. Извините покорно, гражданин следователь, совсем из башки вылетело.

Следователь (усаживаясь): Куда заходили?

Базилио: В ресторан пожрать заходили.

Следователь: Как назывался?

Базилио: Да разве упомнишь сейчас?

Следователь снова привстает со своего стула, а перепуганный кот всжимается в свой.

Ну не помню я, гражданин следователь, вот те крест, не помню... Посмотрите у себя в бумажке, в ней записано.

Следователь: Смотри у меня, морда кошачья... Если надумаешь утаить от следствия какой-нибудь важный эпизод, тебе же хуже.

Следствию все известно.

Базилио: Как на духу, гражданин начальник.

Следователь (заглядывая в бумаги): Ресторан назывался «Харчевня трех пескарей»?

Базилио: Точно, трех пескарей! *(Скулит)*. Я не скрываю факты, гражданин начальник, просто память-то моя отшибленная. На прошлой неделе один ваш товарищ-следователь допрашивал, он и отшиб.

Следователь: Молчать, контра! Рассказывай, как дальше было.

Базилио: Пожрали и пошли на Поле Чудес.

Молчание. Многозначительное молчание. Очень нехорошее многозначительное молчание. Следователь достает из стола толстую книгу в желтом переплете, раскрывает на нужной странице, отчеркивает какое-то место ногтем, потом, прищурившись, бросает книгу эку.

Следователь: Грамотный, сволочь? Тогда читай, читай с отчеркнутого места.

Зэк принимает книгу дрожащими лапами, раскрывает ее и, заикаясь, читает.

Базилио: При... пришлось заплатить один золотой. По... пошмыгивая от огорчения, Буратино покинул проклятую харчевню.

Валится со стула на колени и вопит:

Не было, не было этого, гражданин начальник, неправильно тут записано! Оговорили, волки позорные, продали за кусок печенки!

Ползает по полу, заливаясь горячими слезами.

Следователь (*спокойно наблюдая*): Что, шкура, не нравится? А это, между прочим, документальное свидетельство. Тебе за одну эту строчку десять лет без права переписки впасть могут. (*Орет*). Сесть, сесть, я сказал!

Зэк, всхлипывая, лезет обратно на стул.

Читай заголовок, на первой странице читай.

Базилио (*читает*): Зо... золотой ключик.

Следователь: Дашь признательные показания, что в «Харчевне трех пескарей» развел Буратино на один золотой?

Базилио (*воет*): Хоть режьте, гражданин начальник, а ничего не признаю, потому как не было этого! Не разводил я этого деревянного на золотой.

Следователь: А на сколько развел?

Базилио (*захлебываясь переполняющими его эмоциями*): Ни на сколько не развел! Ну да, заказали мы там с Алиской жаренку, хотели, как обычно, чтобы клиент оплатил. Он заказывает три корочки хлеба, а мы с Алиской всяких деликатесов. Садимся за один стол, еду приносят. Только ведь этот Буратино вместе с нами деликатесы наворачивал, за обе щеки, как только в эту колоду столько влезло! Мы с Алиской не успели оглянуться, а на столе все подчищено. Счет приносят. Мы смотрим на Буратино вопросительно, и он протягивает официанту депозитный сертификат. А тот ему отвечает: «Извините, но в нашей харчевне депозитные сертификаты не принимаются, только наличные». А Буратино отвечает: «Жаль, хотел за друзей запла тить, да уж, видно, только за свои три корочки хлеба заплатить придется. Наличных-то у меня всего четыре сольдо». Выворачивает карманы и протягивает официанту четыре сольдо: три – за три корочки хлеба, и одно сольдо оставляет тому на чай. Пришлось нам с Алиской самим обед, который Буратино сожрал, оплачивать. Ну да ладно, мы тогда не очень даже расстроились, хотя сами на бобах сидели. Думали, скоро депозитные сертификаты наши будут, тогда и зажируем.

Следователь: В сказке по-другому написано.

Базилио: Не знаю, гражданин начальник, что в вашем хорошем документе написано, только я вам всю правду выложил. Я простой уличный кот: как было, так и говорю, можете мне хоть все усы выщипать, все равно ничего больше не знаю.

Следователь: Хорошо, морда кошачья, предположим, я тебе поверил. Что было дальше? Только не вздумай мне лапшу на уши вешать, не то пожалеешь.

Базилио: Что вы, гражданин начальник! Я добровольно со следствием сотрудничаю, потому как понимаю...

Следователь: Хватит, слышали об этом! Отвечай, каким обманным путем вам с курятницей Алисией удалось завладеть принадлежащими Буратино депозитными сертификатами?

Базилио (*скулит*): Ну вот, вы опять за старое, гражданин начальник... Ничем мы с Алиской не завладели, я же вам от всего сердца рассказываю. Добрались до Поля Чудес уже полночь. Добрались и говорим Буратино: «Закапывай сюда свои депозитные сертификаты. Пятьсот процентов гарантировано, а с нами за брокерские услуги расплатишься наутро, когда с процентами выкопаешь».

Следователь: И он закопал?

Базилио: В том-то и дело, что закопал, на наших глазах закопал. Вырыл носом ямку, сунул туда депозитные сертификаты и присыпал землей.

Следователь: Продолжай.

Базилио: И мы, все трое, отправились обратно в город праздновать удачное вложение. Не ждать же всю ночь, пока золотые прирастут? Договорились встретиться через полчаса у «Харчевни трех пескарей». Ну, помыться, побриться, вы же понимаете, гражданин начальник...

Следователь: Понимаю. Я все, бандюга, понимаю. Понимаю, что, расставшись с Буратино, ты со своей сообщницей Алисией сейчас же вернулся на Поле Чудес?

Базилио (*радостно кивая*): Так точно, гражданин начальник. Бежали во весь дух. Добежали, раскопали буратинину ямку... Только никаких депозитных сертификатов в ней не было.

Следователь (*мрачно*): Куда же они подевались?

Базилио: Не знаю, гражданин начальник, вот те крест, не знаю. Может, не там копали. Хотя, вряд ли, точно там копали, я очень хорошо место запомнил, рядом со ржавой консервной банкой, и Алиска тоже запомнила. Хотя, может, и не там: покопать как следует нам не дали. Только ямку раскопали, удивились, что депозитных-то сертификатов в ней нет как нет, как бульдоги ментовские нас с поличным и повязали.

Следователь: Откуда же ментовские бульдоги так быстро взялись?

Базилио: Так их же, гражданин начальник, сам Буратино и привел! Бульдоги нас с Алиской повязали, нацепили на лапы наручники, а он тут как тут, паскуда – еще убивается. Где, кричит, мои депозитные сертификаты, которые в эту ямку инвестированы были? Вы их, негодяи финансовые, у меня украли! Я на вас в арбитраж подам!

Следователь: И где же были депозитные сертификаты? В бумагах значится, что при вас никаких ценных бумаг обнаружено не было.

Базилио: Так я же объясняю, гражданин начальник, что мы их не нашли, а то бы...

Глаза зэка туманятся воображением.

Следователь: Сертификаты где, спрашиваю?

Базилио (*мигом приземляясь обратно*): Ежу понятно, гражданин начальник, что мы с Алиской ни при чем. Их сам Буратино выкопал, а потом на нас бульдогов ментовских навел. Только не представляю, как ему удалось нас опередить – мы так быстро бежали. Да и видели своими глазами, как он их в ямку укладывал и землей присыпал. Это еще тот барыга, зуб на отсечение даю, гражданин начальник...

Следователь (*остервенело*): Ну, за зубами-то дело не постоит... *Зэк отшматывается и невольно ощупывает целые пока зубы.*

(Нависая над ним, как скала). Ты думаешь, сволочь усатая, я куплюсь на твои слезливые бандитские рассказы? Ты кого морочить вздумал?

Базилио (*жалобно*): Как на духу выкладываю, гражданин начальник. Мне терять нечего, фирма-то моя с Алиской совсем разорилась. Все Буратино отсудил, треклятый – уже после того, как директором кукольного театра заделался.

Следователь: Всё да не всё. А тысячу золотых морального убытка, которые арбитражом присуждены были? Знаешь, сколько тебе их возмещать придется из своей котинной заработной платы?

Базилио (*разводя лапы*): Нечем возмещать, гражданин начальник. Был фондовый брокер Базилио, да весь вышел. Сдулся, как воздушный шарик.

Следователь: Последний раз спрашиваю, куда вы с курятницей Алисией подевали похищенные у Буратино депозитные сертификаты?

Базилио: Опять вы...

Следователь протягивает руку и хватается кота за усы.

Ой, мамочки!

Следователь: Выкладывай правду!

Не выпуская усов из кулака, выбирается из-за стола. Бьет кота по гениталиям.

Базилио: А... (*Корчится от боли*). Не бейте меня, гражданин начальник, мне чего-то нехорошо!

Следователь опрокидывает стул вместе с ээком на пол и продолжает остервенело избивать кота сапогами, приговаривая:

Следователь: А финансовые пирамиды возводить хорошо? А кидать заслуженного кукольного артиста на двести с лишним целковых хорошо? А ты знаешь вообще, кто такой Буратино? Он же народный любимец, великий театральный режиссер. На него вся страна молится. Как только у тебя, котины проклятой, лапа поднялась на такую замечательную куклу? Ты же ей ноги целовать должен, на руках носить должен, а не на бабки разводить. Будешь помнить Буратино!

Будешь помнить Буратино!

Кот теряет сознание, на этом допрос для него заканчивается.

7.

Пьеро, со слезами, густо намалеванными на щеке, зачитывает собственные воспоминания.

Пьеро: Я не могу прожить без Мальвины ни дня! Какое несчастье, что она уволилась из театра Карабаса Барабаса, сказав, что кукольное искусство ее больше не интересует! Скандал случился неожиданно – для меня, как и для всех остальных присутствовавших, – во время объявления ролей. Мальвине не досталась роль Кармен. Точнее, роль по праву досталась ей, но моя голубоволосая красавица категорически отказалась перекрашивать волосы или использовать парик, что не понравилось уже Карабасу Барабасу. Сначала директор мягко уговаривал Мальвину перекраситься, но та стояла на своем, как камень: блондинкам, дескать, идут исключительно голубые волосы, и портить свою внешность другим колором она не позволит. Кроме того, Мальвина требовала, чтобы в волосах у нее была не роза, как требовалось по либретто, а ромашка или в крайнем случае василек. Мне-то было все равно: я был готов любить Мальвину с любым цветком в волосах любого колора, но Карабас Барабас! Через час он потерял всякую надежду уговорить Мальвину и решил, как уже неоднократно делал, разрядить напряженную атмосферу при помощи старого трюка. Карабас якобы вышел из себя, схватился за хлыст и в притворном гневе принялся охаживать стены репетиционного зала, посматривая, чтобы случайно не задеть кого-нибудь из кукол. Мы хохотали до изнеможения и готовы были на все ради нашего бесподобного директора – все, за исключением Мальвины, которая заявила, что ей обрыдли эти дурацкие розыгрыши и дурацкие роли, и что весь этот театральный бедлам во главе с шутом-директором она терпеть больше не намерена. После чего моя обожаемая примадонна хлопнула дверью и, зарывав, заперлась в гримерке. Похолодев от предчувствий, я бросился следом за ней, колотил в дверь гримерки, как бешеный, но любимая была непреклонна. Вскоре, взвинченная и прекрасная, как никогда, она выбежала из театрального подъезда с тремя чемоданами нарядов и умчала на пролетке, запретив за собой следовать.

С той трагической минуты я буквально не находил себе места. Без Мальвины моя жизнь была пуста и скучна, как детская погремушка для выросшего ребенка. Все мои мысли были о ней, моей обожаемой куклке, о судьбе которой я не знал буквально ничего, что ужасно меня мучило. Моя тоска по Мальвине была настолько непереносимой, что спустя неделю после ее ухода из искусства я решился на побег, несмотря на то, что обожал и до сего дня обожаю кукольный театр: всю эту загадочную театральную атмосферу, заполненную звонками к репетициям, шелестом примериваемых костюмов и яростным, вполголоса, переругиванием вспомогательного персонала.

Не помню сам момент побега, не помню, как осмелился покинуть свой любимый кукольный театр. Помню только себя, удирающего по пшеничному полю от Карабаса Барабаса. Директор бежит за мной, жутко расстроенный, со спутанной бородой, и кричит в спину: «Пьеро, мой дорогой Пьеро! Вернись в кукольный театр, умоляю тебя, мальчик мой! Хочешь, встану перед тобой на колени? Что я должен сделать, чтобы ты вернулся? Ты же загубишь талант, моя несчастная кукла! Забудь про эту девчонку, она мизинца твоего не стоит! Этой бесталанной вертихвостке терять нечего, у нее одна сладкая жизнь на уме, но ты, мой дорогой Пьеро, можешь потерять все. Ты прирожденный трагик, ты родился, чтобы быть великим артистом, ты артист от Бога, и что ты с собой делаешь? Без театра ты умрешь, ты такой же, как я, только сам об этом не догадываешься! Умоляю тебя, Пьеро, мой дорогой мальчик, вернись!»

Однако моя любовь к Мальвине оказалась сильнее, чем любовь к кукольному театру и уважение к Карабасу Барабасу. Правда, в какой-то момент мне почудилось, что любовь к театру пересиливает, я уже развернулся, чтобы броситься в объятия своего обожаемого учителя, но внезапно налетел на что-то мягкое и ушастое. Падая, я схватил это мягкое за уши и

верхом на зайце помчался в противоположном направлении от Карабаса Барабаса, который, стоя на коленях, рыдал в это время о моей погубленной судьбе, как ребенок. Оглядываясь на его коленопреклоненную безутешную фигуру с развевающейся по ветру бородой, я дал себе слово обязательно, как только разыщу Мальвину, вернуться в театр Карабаса Барабаса и посвятить дальнейшую жизнь любви и искусству, ибо эти два понятия всегда оставались для меня нераздельны.

Держа испуганного зайца за уши, я продолжал скакать на нем, сам не зная куда, ведь где обитает сейчас девочка с голубыми волосами, я не знал: за время разлуки я не получил от нее ни единой весточки, хотя в течение недели бегал на почту каждые полчаса. А теперь я несея на незнакомом мне зайце в неизвестность. Мимо с невероятной скоростью проносились деревья, телеграфные столбы и придорожные трактиры, а я все скакал и скакал без устали, в какомто болезненном трансе, находя в скачке сумасшедшее, неведомое мне ранее удовлетворение. При этом я не переставал думать о Мальвине, о том, как она увидит меня после долгой недельной разлуки и произнесет чистейшим, как вода горного ручейка, голосом: «О, мой Пьеро!»

Как ты меня отыскал?»

Внезапно – о чудо! – на берегу заросшего ряской небольшого водоема, мимо которого я чуть было не проскочил на огромной скорости, промелькнуло платье Мальвины. Не помня себя от радости, я притормозил зайца за уши, так что заячьи подошвы задымились от резкого торможения о дорогу, спрыгнул с него и отпустил восвояси, чем измученное животное не преминуло воспользоваться. Простирая в непередаваемом экстазе руки, я побежал к Мальвине, которая занималась чем-то на берегу пруда. «Мальвина, моя любимая! – кричал я своей не иначе как чудом обнаружившейся возлюбленной. – Я не могу без тебя жить, Мальвина! Отныне мы никогда не разлучимся! Ты вернешься в театр Карабаса Барабаса, с которым мы продолжим сотрудничать до самой смерти. Наши гримерки расположатся рядом, я каждый день буду смотреть на твое прекрасное лицо и голубые волосы. Ты – мое вдохновение, Мальвина, моя навеки!»

Мальвина обернула ко мне носатое лицо, но – о ужас! – это была не Мальвина, а деревянный мальчишка по имени Буратино, не так давно околачивавшийся в театре. Однако женское платье, в которое Буратино был одет, несомненно, принадлежало Мальвине: я узнал его по обильно украшавшим платье рюшечкам, так милым моему сердцу в те благие времена, когда оно сидело на узеньких плечиках куклы с голубыми волосами. Не зная, что сказать, я раскрыл от изумления рот. Тогда обернувшийся ко мне Буратино нехорошо засмеялся и пояснил, что это и в самом деле платье Мальвины. Выяснилось, что недавно Буратино был у Мальвины в гостях, и моя возлюбленная, отзывчивая и сострадательная душа, подарила ему вместо его промокшей и вконец испорченной бумажной курточки свое лучшее льняное платье. Обрадованный, я спросил, где находится моя возлюбленная Мальвина, и Буратино согласился проводить меня к ней, но только после того, как вычерпает пруд.

Тут только я обратил внимание, что Буратино при помощи ведра пытается вычерпать этот заросший никому не нужный пруд, на берегу которого произошла встреча. Зачем ему вычерпывать пруд? На этот недоуменный вопрос Буратино ответил, что вычерпать пруд нужно для того, чтобы договориться о возврате украденного со старой галапагосской черепахой Тортилой, давным-давно присвоившей золотой ключик у дедушки Карабаса Барабаса. Всегда готовый оказать помощь директору своего кукольного театра и вдохновленный предстоящей встречей с Мальвиной, которая стояла перед моим внутренним взором как живая, казалось, подзывая меня к себе своим тонким и белым пальчиком, я принялся помогать Буратино.

Мы, при помощи дырявого ведра и не менее дырявой старой кастрюли, вычерпывали пруд в течение нескольких часов, сливая воду в близлежащий овраг. Вскорости пруд заметно обмелел. Из него начали выпрыгивать возмущенные лягушки, которых Буратино смеха ради

протыкал своим длинным и острым, как шило, деревянным носом. Лягушки оставались на его носу, как нанизанные на шампур куски шашлыка.

Еще через пару часов пруд превратился в грязную, наполненную пиявками и задыхающейся рыбой лужу. Однако это шевелящееся живое добро моего энергичного деревянного товарища не заинтересовало. Буратино, по колено в грязи, кинулся в самую середину обмелевшего водоема и с трудом выволок за хвост обросшую моллюсками и неповоротливую, как прохудившийся таз, черепаху.

«Ты почему, карга старая, сразу из пруда не вылезла, когда по просили?» – спросил Буратино Тортилу, переворачивая ее на спину, чтобы не убежала.

«Штарая я, шовшем уже не шлышу, – прошамкало в небо многовековое пресмыкающееся. – Тебе што надоть, шынок?»

«А ты как думаешь?» – ответил Буратино, опираясь о пресмыкающееся ногой и как будто задумываясь. Во время раздумий Буратино напоминал роденовского мыслителя, только наступившего ногой на черепаху и с выдающимся вперед конусообразным носом. – «Ну так что? – спросил он Тортилу через какое-то время. – Мы договорились, старая, насчет золотого ключика или продолжим упорствовать?»

«Кстати, – обратился Буратино уже ко мне, – ты, Пьеро, может быть, голоден? Вид у тебя какой-то невеселый».

Как оказалось, Буратино предлагает мне перекусить черепаховым супом. Не успел я поблагодарить товарища за товарищескую заботу обо мне, как перевернутая на спину животины, прошамкав: «Шабирай, шволошь», – вынула из-под панциря и передала деревянному человечку маленький золотой ключик, тот самый, который отворял дверь, спрятанную за нарисованным на холсте очагом.

В этот момент с дороги раздался голос: «Эй, шпана, что за безобразие вы творите? Кто вам разрешил осушать пруд? Вы же там всю живность погубите», – принадлежавший, как я впоследствии узнал, продавцу пиявок Дуремару. Этот долговязый мужчина в резиновых сапогах бежал в нашем направлении, угрожающе размахивая сачком для ловли пиявок, который держал в руке.

«Атас, паря! Срываемся!» – крикнул мне Буратино, и мы, топоча каблуками по наполненном нектаром цветам, сорвались, по образному выражению моего нового деревянного друга, с места в карьер.

О, моя Мальвина! Совсем скоро я увижу тебя, вдохну один с тобой воздух, возьму твою белоснежную ручку в свою грубую обшарпанную ладонь, загляну в твои бездонные голубые глазки, – так думал я, задыхаясь от быстрого бега. Признаться, я был измучен до последнего предела: сначала побегом из кукольного театра Карабаса Барабаса, потом ездой на необъезженном зайце и вычерпыванием пруда, в котором обитала черепаха Тортила, и вот теперь этим удиранием от назойливого продавца пиявок. Однако каждый шаг приближал меня к моей обожаемой Мальвине, и я не сетовал на свою злосчастную судьбу, которая, напротив, казалась мне беспримерно счастливой. Она была настолько счастливой, просто нереально счастливой, что я сам не верил своему грядущему нереальному счастью.

Вконец запыхавшись, мы пошли пешком, тем более что одышка Дуремара за нашими спинами перестала быть слышна – наконец-то мы оторвались от продавца пиявок, – а до домика Мальвины, как предупредил меня Буратино, оставалось совсем недолго.

Наконец-то вожаденный миг встречи с Мальвиной настал! Моя любимая, увидев нас с Буратино, выпачканных в грязи по маковку, не сильно даже удивилась, а лишь сказала: «Мальчишки, немедленно пройдите в ванную комнату, скоро будем ужинать!» Мы с Буратино начисто вымылись, причем Буратино переделся в новое мальвинино платье, тогда как я предпочел вычистить свою выпачканную в прудовом иле одежду мокрой щеткой, и уселись за праздничный стол.

Это было невообразимо хорошо! Я сидел, в еще не просохшей после чистки одежде, за столом напротив Мальвины и, не отрываясь, глядел на ее голубые волосы и милое кукольное личико. Мечта всей моей жизни сбылась, мне было ничего уже от жизни не нужно, кроме того, чтобы вернуться вместе с Мальвиной в театр Карабаса Барабаса для продолжения гастролей. Мальвина и искусство! Искусство и Мальвина! Что может быть лучше? Уговорить Мальвину помириться с Карабасом Барабасом я надеялся завтра, тем более что директор давно уже согласился, чтобы Мальвина играла Кармен без парика, с голубыми волосами и васильком, торчащим из них. Директор сказал, что это будет оригинальный сценический ход и что вся роль будет переписана исходя из василька, так что я был вправе рассчитывать, что за уговорами Мальвины дело не станет... Как можно было не любить наш кукольный театр и нашего дорогого бородатого кукольного директора, чтобы навек от них отказаться?! Этого я не мог себе представить. Ужин закончился, когда был поздний вечер. Мальвина сказала: «Спокойной ночи, мальчики,» – на что Буратино только хмыкнул. Мы разошлись по своим комнатам. Я удобно устроился в мягкой после всех сегодняшних хлопотных странствий постели и продолжил мечты о Мальвине, о том, как завтра, взявшись за руки, мы вернемся к Карабасу Барабасу, о том, какой успех получит Мальвина в роли Кармен, о том, какие у моей возлюбленной пушистые голубые волосы.

Стояла теплая июльская ночь. Последние солнечные отблески спрятались за горизонт, и притихший мир освещался полной желтой луной, и в распахнутое окно влетали ночные стрекозы, а за окном, под порывами свежего ветерка, шелестели степные травы. С мыслью о том, как прекрасно находится рядом с Мальвиной, я заснул... но проснулся не наутро, как предполагал судя по своей усталости и умиротворенности, характерной для куклы, все мечты которой уже исполнены, а ночью. Что-то меня разбудило. Это был непонятный шум, доносившийся из соседней комнаты, в которой жила Мальвина. Спросонья я ничего не понял: только лежал в постели и вслушивался в этот шорох, ворочанье и постанывание, доносившиеся из мальвиной комнаты. Внезапно я испугался, что же там такое происходит. Мне почудилась в этом ворочанье неведомая угроза. Может, это воры, – вообразил я, холодея от одной мысли о том, какой опасности подвергается моя первая и вечная кукольная любовь. Воры пробрались в дом через распахнутые окна и сейчас опутывают мою Мальвину, мою дорогую девочку, по рукам и ногам толстыми веревками, а потом начнут грабить ее добро: нарядные платица и подарки, полученные от театральных поклонников.

Мысль о самой возможности нападения на Мальвину была столь ужасна, что я вскочил с постели, как ошпаренный, оглядываясь, нет ли под рукой чего-нибудь потяжелее, чтобы отбить подлое нападение. Как назло, ничего тяжелого в моей комнате не находилось, но неожиданно мой мечущийся взор упал на стоящий на столике огромный букет колючих красных роз. «Если ударить грабителя колючим букетом по лицу, – сообразил я, – лицо будет оцарапано, грабитель вззоет и убежит. Таким колючим букетом можно успешно защищаться».

Нельзя было терять ни секунды. За отсутствием более подходящего оружия, которым, впрочем, я все равно вряд ли сумел бы воспользоваться, я схватил букет роз и, невзирая на то, что первыми же колючками сам больно оцарапался, выбежал в коридор и распахнул дверь мальвиной комнаты, преисполненный решимости.

Худшие мои опасения сразу подтвердились. Первое, что я увидел, были задранные к потолку голые ноги моей возлюбленной. Между ними находилось какое-то большое инородное тело – как я понял, безжалостный грабитель, пытающийся опутать мою благодетельницу толстыми путами, с тем, чтобы она не помешала дальнейшему грабежу. С криком угрозы, столь несвойственным моему театральному амплу, я подбежал к постели, намереваясь поразить почему-то голую спину грабителя букетом красных роз, когда он оборотил ко мне вспотевшее длинноносое лицо. Это действительно был Буратино, посмотревший в мою сторону одновременно с Мальвиной. В глазах Мальвины я уловил растерянность, а в глазах Буратино еще и

некоторое злорадство. Они молча смотрели на меня, застывшего перед ними с букетом красных роз в самой нелепейшей позе, какую только можно вообразить, и оба улыбались.

Я не понял, что Буратино делает в постели Мальвины, не понял, отчего оба так смущенно и одновременно торжествующе улыбаются и отчего оба без одежды, я ничего не понял, однако в то мгновение, когда они обернулись на мой боевой вскрик, со мной произошло что-то невообразимо ужасное. Небеса обрушились на мою несчастную голову, жизнь моя завершилась бесславно, так и не начавшись.

Все лучшее, на что я надеялся и о чем грезил бессонными ночами, оказалось втоптанно в грязь и унижено. Букет красных роз выпал из моих рук и рассыпался по паркету. Не понимая, что со мной происходит, видя только, что Мальвина не нуждается более в моей защите, поскольку никакой опасности ее кукольной жизни не угрожает, я закрыл лицо руками и выбежал из комнаты, стенав от горя и унижения.

Не помню, что происходило далее. Помню лишь себя, выбегающего из уютного мальвиного домика, в который стремился попасть всю прошедшую неделю, и бегущего в продолжавшуюся ночь, не разбирая дороги. Вокруг меня покрикивали равнодушные полуночные птицы, ветки папоротника больно хлестали по лицу, а я все бежал и бежал, пока не споткнулся о вывороченный из земли корень и не полетел навзничь на землю. Там и остался лежать, ослепнув от слез, бездарный и никому не нужный, особенно такой требовательной и чистоплотной кукле, как Мальвина. Зачем, если я ей не нужен, Мальвине понадобился Буратино, с его безобразным длинным носом и скверными привычками, я старался не думать, потому что одна мысль об этом доводила меня до иступления.

Давно наступил день, а я все лежал и лежал между наклоненных ко мне лютиков, обратившись лицом к нагретой, устланной светлым лесным мхом земле. В моей голове не было ни одной мысли, а была одна невыносимая тоска и опустошенность, когда все слезы выплаканы, будущего нет, а прошлое столь отвратительно и постыдно, что о нем лучше не вспоминать. Внезапно я услышал чьи-то мягкие шаги поодаль и краем глаза увидел кусочек голубого, как небесная синь, платья, возникшего прямо передо мной. Весь ужас прошедшей ночи всколыхнулся во мне с новой силой, но вместе с ними всколыхнулись и все прошлые надежды, которые я опрометчиво питал на будущую жизнь. Мальвина вернулась, чтобы ободрить меня, высказать слова утешения, объяснить тяжкое недоразумение, произошедшее этой ночью! Это же Мальвина, девочка с голубыми волосами, твоя навеки возлюбленная! С такими мыслями, будто воспряв от долгого ночного кошмара, я вскочил на ноги, чтобы броситься в объятия своей обожаемой куклы, но – что со мной, в конце концов, происходит? – это опять была не Мальвина, а наряженный в мальвино платье Буратино.

Впрочем, Буратино был настроен миролюбиво. Когда я, ошибочно приняв его за Мальвину, бросился к нему на грудь, деревянный человечек не оттолкнул меня – видимо, из жалости или дружеских побуждений, – а напротив, нежно погладил меня по волосам и прошептал: «Ну что ты, Пьеро, дурачок ты этакий! Куда ты подевался, мы же тебя все утро искали? Зачем ты убежал из мягкой постельки, ее бы на всех хватило. Зачем лежишь на голой земле, ты же простудишься? Идем, я отведу тебя домой, а Мальвина – она так за тебя беспокоится – напоит горячим чаем и поцелует в лобик».

Когда я услышал о Мальвине, глаза мои вновь наполнились слезами, и я, зарывав, припал к груди моего незлопамятного деревянного друга. Он приобнял меня за талию и сказал: «Приляг, Пьеро, отдохни, ты совсем измучился, бедный!»

Я вновь опустился на густой травяной ковер, и Буратино опустился рядом со мной, бережно глядя меня по щекам и всему телу. Такое благородство, почти материнская забота обо мне куклы, о которой я совсем недавно смел думать в отрицательных тонах, вызвала во мне целый ураган непередаваемого отвращения к себе, к своей низкой душонке и грязным помыслам, и я, на груди у Буратино, одетого в женское платье, разразился очистительным ливнем

слез. Он, казалось, все понимал и все нежней и нежней гладил мое расслабленное тело, наконец дружески поцеловал меня в губы, старательно отведя в сторону длинный нос, еще недавно казавшийся мне таким безобразным. Потом Буратино, говоря: «у тебя, мой дорогой Пьеро, одежда совсем запачкалась, ее нужно снять и выстирать, потому что запахло возвращаться к Мальвине в испачканной одежде», – принялся бережно расстегивать пуговицы, освобождая мое усталое тело от грязной одежды.

Дальнейшее я помню смутно, потому что снова, второй раз за сутки, потерял сознание.

8.

Вопрос из зала: Каким был самый запоминающийся момент вашей театральной карьеры?

Буратино: Премьера спектакля «Шестирукие монтажники». Министерство культуры попросило успеть поставить спектакль до Всесоюзного дня строителя, и мы успели. Несмотря на то, что на репетиции нам отвели всего шесть недель, мы успели. Все сотрудники кукольного театра «Молния», от главного режиссера до простого рабочего сцены, работали в едином порыве. На репетициях спектакля «Шестирукие монтажники» я попал в больницу с острым аппендицитом, однако продолжал руководить постановкой с операционного стола. Зато какой невиданный успех ожидал труппу на премьере! Зал, в том числе ответственные работники Министерства культуры, аплодировали стоя в течение двух часов. Артистов не хотели отпускать со сцены, и они принуждены были возвращаться на нее вновь и вновь, хотя рабочий день кончился. Это был такой успех, который не скоро забудешь.

На экране демонстрируются кадры из кукольного спектакля «Шестирукие монтажники», поставленного театром «Молния» к Всесоюзному дню строителя. Отдаленные друг от друга ветки деревьев. На одной из веток – директор строительства со своим лучшим бригадиром. На их головах монтажные каски. Монтажники напряженно всматриваются за горизонт, прикидывая, где сплести паутину с наименьшими затратами.

Наконец, решение принято и согласовано со всеми инстанциями. Бригадир свистит в два пальца, и сплоченная монтажная бригада берется за дело. Паучки тянут прочную, как сталь, полупрозрачную конструкцию с двух противоположных веток, выдавливая строительный материал из своих задниц. Сначала конструкции висают с веток тонкими, почти невидимыми ниточками, но вскоре достигают предусмотренной ГОСТом длины. Двое паучков раскачиваются на концах конструкций, как летающие гимнасты на своих канатах, чтобы затем намертво сцепиться умелыми лапками. Есть захват! Самое сложное позади, остальное – дело техники, – шутят монтажники. Скоро паутинка, протянувшаяся от одной ветки к другой, обрастает хитрыми арками. Бесстрашно и беззаботно скользят паучки по строительным стыкам и переплетениям, скрепляя их собственной слизью. Еще немного, и грандиозная ажурная конструкция завершена. Директор строительства лично жмет каждому из монтажников лапку. Доволен и бригадир: будет его товарищам квартальная премия. В ожидании приемочной комиссии уставшие монтажники толпятся на березовом листе, трепещущем под порывами промозглого осеннего ветра, и перекуривают.

Первый паучок (держа в одной из лапок самокрутку, во второй – бутылку пива, а остальными разворачивая газету): Оп-ля.

Второй паучок: Ничего себе оп-ля! Ветер-то какой, оп-ля! Я думал, снесет к оп-ля матери.

Третий паучок: Я вообще, оп-ля, еле удержался. Хорошо, оп-ля, к паутине задом приклеился.

Издалека доносится низкий басовитый гул.

Первый паучок (вопросительно): Мессеры, оп-ля?

Второй паучок: Бомбить летят, оп-ля.

Третий паучок: Тише, мужики. Посмотрим, оп-ля, что дальше будет.

Гул неумолимо приближается. Вот уже в просветах между ветками мелькает жирная синяя муха. Еще секунда, и угрожающе спикировав, она запутывается в паутине.

Все вместе (в полном экстазе): Оп-ля!

Обнимаются и целуются. Один из паучков снимает монтажную каску, из-под которой вываливается струящийся водопад голубых волос.

Оказывается, это не паук, а прекрасная девушка с голубыми волосами.

Само собой, она по-театральному густо загримирована под насекомое, но сквозь грим можно различить знакомые всей стране черты народной артистки и супруги главного режиссера кукольного театра «Молния». Девушка с монтажной каской в руках тоже со всеми обнимается, но целуется только с одним из монтажников, статным и черноволосым молодым пауком – ударником коммунистического труда. На сцене зажигается свет. К одиноко сидящему на сцене Буратино выходит его верная соратница и супруга Мальвина. Годы не обошли актрису вниманием, однако у Мальвины сохранилась прямая осанка, а что касается волос, они ничуть не изменились: такие же густые и того же неповторимого голубого колора, что во времена молодости.

Мальвина: Дорогой мой!

Подходит к Буратино и целует его в жесткую деревянную щеку.

Зал разражается аплодисментами. Мальвина обращается к аплодирующим и приветственно машет рукой.

Дорогие мои!

Еще большие аплодисменты.

Буратино: Дорогая, большинство вопросов, которые я получил, обращены к тебе. Они твои по праву.

Под нескончаемые аплодисменты передает бумажки с вопросами.

Мальвина (зачитывает вопросы и отвечает на них): «Каким качеством обладает хорошая жена?» Она – хранительница домашнего очага. Мужчина должен возвращаться после работы туда, где найдет приют и ласку, где его ожидает терпеливая, все понимающая и все прощающая половина.

«Когда вы впервые увидели Буратино?» Об этом написано в сказке. Он появился в моем доме неожиданно-негаданно, в один из солнечных июльских дней, насквозь промокший и иззябший. Это был сложный период в моей жизни – я только что покинула театр Карабаса Барабаса. Моя чувствительная душевная организация не позволяла выносить его затхлую провинциальную атмосферу, устарелые режиссерские приемы, которые практиковал этот режиссер, ныне заслуженно вышедший в тираж. Мне хотелось чего-то новаторского, более масштабного и оптимистического. Недовольная бездарной режиссурой и авторитарным характером Карабаса Барабаса, я навсегда, как тогда думала, покончила с карьерой актрисы и поселилась в небольшом домике, расположившемся среди роскошных васильковых лугов. У меня появился свой маленький бизнес, появились новые друзья-насекомые – короче, я приспособилась к жизни как могла, и думать позабыв о кукольных неприятностях. В такое-то время ко мне в двери и постучался Буратино, совсем еще молодая кукла, с выдающейся вперед фактурой и нереализованными амбициями. Он попросился у меня переночевать, и я не отказала ему. Он сразу мне понравился, в первую очередь своим напором и энергией. Но не могла же я, скромная и воспитанная девушка, сказать ему об этом сама? Поэтому наши отношения развивались долго. Сначала Буратино не обращал на меня никакого внимания, так что мне даже становилось обидно, потом стал посматривать с некоторой иронией, наконец, очарованный моим талантом, сделал предложение. Это случилось много позже открытия нашего кукольного театра «Молния», в котором я первоначально работала билетершей. Только после того, как я стала женой руководителя театра, у меня появилась возможность сосредоточиться на артистической карьере.

«Какой у Буратино характер?» (Улыбается). Об этом мне известно лучше всех на свете. Буратино – незаурядная личность, однако, как и у всякой незаурядной личности, у него сложный, противоречивый характер. С одной стороны, муж чертовски самолюбив и непредсказуем: ради своего театра он готов пойти буквально на такое, чего и вообразить-то нельзя. Одно время я даже ревновала его к театру, но с десятилетиями супружества это прошло. С другой стороны, когда все ладится, Буратино становится добродушен. Посмотрите, какую замечательную

труппу ему удалось сколотить за эти годы, как его любит труппа, какое единодушие царит на репетициях, как выкладываются актеры. Умение объединять кукол в единый театральный организм – самая, наверное, сильная черта Буратино, предопределившая стабильный, на протяжении многих десятилетий, коммерческий успех возглавляемого им театра «Молния». А дома, в быту, в отличие от режиссуры, мой муж – не самое неприхотливое существо: придет домой, протрет суставы тряпочкой и спать ложится – больше ему ничего и не надо. Необыкновенно неприхотливая кукла!

«Как вы репетировали сцены из спектакля “Шестирукие монтажники”?» Страшно вспомнить. Сначала представьте мой грим из этой постановки. Девушка-паучиха: как у всякого паука, вытянутая мордочка и шесть лапок. Загримировали ноги под лапы, к животу прицепили еще пару лап – и давай, перебирай всеми шестью! А работать-то приходилось на высоте! По пьесе, действие происходит на уровне десяти метров над землей: упадешь – костей не соберешь. Во время репетиций прицепляли страховку, но во время спектакля – никакой страховки, так что играли на свой страх и риск, со всем энтузиазмом молодости. Один раз я свалилась с паутины прямо в оркестровую яму, кое-как доиграла до конца и тут же слегла в больницу с переломом шейки бедра. Но самое сложное в «Шестируких монтажниках» было, вы не поверите, все-таки не высота, а психологический портрет молодой монтажницы-паучихи. Очень тяжело было в него вживаться. Это же какая титаническая психология: с одной стороны, незамужняя паучиха, совсем молоденькая самочка, требующая к себе постоянного мужского внимания и заботы, а с другой – грубая паучья атмосфера вокруг, работа на холодном ветру, к тому же травмоопасная. Трудная, непроходная роль. Я так радовалась, так радовалась, когда спектакль получил премию за лучшее воплощение строительной тематики на театральных подмостках.

«В театре Карабаса Барабаса был такой актер трагического амплуа – Пьеро. Случайно не знаете, что с ним стало?» Пьеро, Пьеро... Нет, не помню. В театре Карабаса Барабаса я работала совсем юной девушкой, еще ничего не умела, а труппа была большая. Нет, не помню. В театре «Молния» актера с такой фамилией точно не было.

9.

Дуремар продолжает.

Дуремар: Этот мальчишка, чтобы заполучить золотой ключик, попросту вычерпал пруд, погубив в нем всю живность. Все, все высохло и погибло: зеркальные карпы, пиявки, моллюски редчайших видов, в том числе занесенные в Красную книгу! Если бы я не спугнул Буратино, погибла бы и галапагосская черепаха Тортила. Только по чистой случайности я спас жизнь почетной долгожительницы, отмеченной в Красной книге отдельным абзацем. После долгих мытарств и телефонных звонков мне удалось пристроить черепаху в специальный дельфинарий для престарелых морских обитателей, где она пребывает в добром здравии по сей день.

Почему Карабас Барабас сам не вычерпал пруд? Так я же вам говорю: он не хотел заполнить свой идеальный театр любой ценой, для него совесть была не пустым звуком, потому-то и пытался договориться с Тортилой, сначала самостоятельно, а когда переговоры зашли в тупик – при помощи подвернувшегося под руку Буратино. Если бы Карабас только знал, какие переговоры проведет Буратино с Тортилой! Он не мог предположить такую жестокость со стороны молоденькой куклы, тем более принадлежащей уважаемому семейству папы Карло.

Получив от Тортилы золотой ключик, Буратино не передал его папе Карло, как было предусмотрено договоренностью, а воспользовался им в своих эгоистических интересах, не возвратил также и полученную на ведение переговоров сумму. Буратино просто, после долгого отсутствия, возвратился в каморку папы Карло и открыл потайную дверь. Причем его больной отец в это время отсутствовал: он был уже госпитализирован и, вероятно, еще ожидал возвращения своего ненаглядного сыночка с валокардином. Вероятно, он строил предположения, почему Буратино опаздывает. Валокардина не было в ближайшей аптеке, и Буратино побежал в другую, – так, наверное, думал папа Карло, держась за сердце, но думал недолго, потому что вскоре после возвращения Буратино скончался.

В одиночестве – делиться с кем-либо мальчишка, само собой, не собирался, – Буратино сорвал холст с нарисованным на нем очагом, вскрыл потайную дверь и незаконно присвоил себе наследство дедушки Карабаса Барабаса. Он рассчитывал пожить валютой или золотишком, однако обнаружил идеальный саморазворачивающийся театр, с надписью на шпиле: «Моему милому внучонку Карабасу. Дедушка».

Пока идеальный театр, наследство Карабаса Барабаса, не оказался в его руках, Буратино мечтать не мечтал о театральной карьере. Предлагал же ему Карабас, еще при первой их встрече, зачисление в труппу, обещал хорошие роли, однако в тот момент деревянного человечка не интересовала артистическая карьера. Только сообразив, что может конкурировать с театром Карабаса Барабаса на равных, Буратино поспешил заняться театральным бизнесом. Имея такую хватку, изобретательной кукле было все равно, какого рода деятельностью заниматься, лишь бы иметь с нее куш пожирней и побольше.

10.

Лекция Говорящего Сверчка, филологический факультет Университета, Нью-Йорк.

Сверчок: Нет в русской литературе XX века более одиозного и неадекватно воспринимаемого произведения, чем «Золотой ключик». Простейший семанτικο-лингвистический анализ показывает, что означенная сказка представляет собой образчик так называемого черного юмора, со мещением читательских симпатий от центрального героя сказки к персонажам, которые традиционно считаются отрицательными, в первую очередь к Карабасу Барабасу.

Буквально на первых страницах Буратино, еще не вырезанный из полена, провоцирует крупный скандал между старыми добрыми приятелями столяром Джузеппе и шарманщиком Карло, тем самым еще до рождения проявляя себя носителем отрицательного начала.

Сверчок открывает по закладке толстый том и зачитывает.

В дальнейшем поступает так же: зачитывает каждую цитату.

«Тогда Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.

– Ах, вот какие твои подарки! – обиженно крикнул Карло. – Прости, дружище, это не я тебя стукнул.

– Значит, я сам себя стукнул по голове?»

Далее (*продолжает Сверчок лекцию*) скандал разворачивается по нарастающей. Заканчивается все тем, что «оба старика надулись и начали наскакивать друг на друга. Карло схватил Джузеппе за сизый нос. Джузеппе схватил Карло за седые волосы, росшие около ушей.

После этого они начали здорово тузить друг друга под микитки.

Пронзительный голосок на верстаке в это время пищал и подначивал:

– Вали, вали хорошенько!»

По стилистике данный отрывок идентичен литературе ужасов, точнее, черного юмора, когда зло не довольствуется самим по себе злом, а еще и злорадствует по поводу беспомощности добра, кривляется и юродствует. Это не проделки юного сорванца, это сознательно провокативные деяния кого-то из духовных предков Чаки, существа злобного и мстительного.

Описание рождения Буратино вполне соответствует нашему утверждению.

«Карло принялся за рот. Но только он успел вырезать губы, – рот сразу открылся:

– Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

И высунулся из него, дразнясь, узенький красный язык».

Картина устрашающая, почти фантазмагорическая: ясно, что не Христос рождается под ножиком наивного и безответственного шарманщика, а вселенских масштабов зло, проявляющее себя в соответствующем злобном качестве с первых секунд рождения.

Как же поступает деревянная кукла сразу после своего рождения, только приобретя способность двигаться? Она убегает от своего папы Карло на улицу. Тот гонится за куклой, пытаясь вернуть ее домой, но жестокосердный Буратино, видя, что погоня близка, падает ничком и притворяется мертвым.

«Стали собираться прохожие. Глядя на лежащего Буратино, качали головами.

– Бедняжка, – говорили одни, – должно быть, с голоду...

– Карло его до смерти заколотил, – говорили другие, – этот старый шарманщик только притворяется хорошим человеком, он дурной, он злой человек...

Слыша все это, уса́тый полицейский схватил несчастного Карло за воротник и потащил в полицейское отделение.

Карло пылил башмаками и громко стонал:

– Ох, ох, на горе себе я сделал деревянного мальчишку!

Когда улица опустела, Буратино поднял нос, огляделся и вприпрыжку побежал домой...»

Ничего себе проказы: оклеветать родного папу, а потом и вовсе сдать полиции, самому же как ни в чем не бывало отправиться домой! На такое способны лишь сформировавшиеся подлецы – пострадавший папа Карло начинает это осознать, но, к сожалению, здравый смысл в конце концов оказывается заслонен безмерной отцовской любовью. Разумеется, старому шарманщику не могут нравиться фокусы его новорожденного сыночка, однако он терпеливо сносит их, выручая Буратино из многочисленных переделок, в которые тот регулярно попадает. Но тщетны старания папы Карло – старейшего работника искусств, между прочим, – сделать из ребенка образованную интеллигентную куклу: изобретательная тяга ко злу, необоримая в натуре Буратино, гораздо мощнее отзывчивости и отходчивости старого шарманщика.

Когда нужно, Буратино умеет искусно притворяться – еще одна черта, характерная для этого крайнего циника.

«Папа Карло, – сказал Буратино, – а как же я пойду в школу без азбуки?»

И папа Карло готов снять с себя последнюю куртку, чтобы обеспечить ребенку образование. Пустые надежды: Буратино более интересуется развлечениями, нежели образованием, кажушимся ему делом скучным и необязательным.

Не менее равнодушен деревянный человечек к здоровью папы Карло, сделавшего для него, казалось бы, все, что в человеческих силах. Вот Буратино встречается с лисой Алисой, сообщая той, что направляется домой. Лиса сострадательно торопит его:

«– уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от голода и холода...

– А ты это видела? – Буратино разжал кулак и показал пять золотых монет».

И говорит далее, что намерен потратить деньги на покупку куртки для папы Карло. Можно трактовать данное намерение, как заботу о папе Карло, однако не забудем, что папа Карло при смерти, в том числе по причине отсутствия у него теплой куртки, которая вряд ли понадобится ему на том свете. Напрашивается противоположный вывод: Буратино наплевать на папу Карло, однако он хочет доказать себе и окружающим, что расплачивается по долгам: папа Карло продал свою куртку, чтобы купить ему азбуку, и вот теперь Буратино – правда, так и не выучившись, – возвращает куртку на могилу отца. Деньгами можно компенсировать все, в том числе отцовскую жизнь.

Не станем описывать все подлости Буратино, которым ни конца, ни края. Обратим внимание на круг его общения, ибо ничто лучше не характеризует Буратино, как круг его общения.

Одно из центральных мест в сказке занимает Мальвина, девочка с голубыми волосами. Если верить тексту, «эта девочка была самой красивой куклой из кукольного театра синьора Карабаса Барабаса. Не в силах выносить грубых выходок хозяина, она убежала из театра и поселилась в уединенном домике на лесной поляне». Красота, увы, не всегда сочетается с талантом: то, что Мальвина была самой красивой куклой в театре, не означает, что она была лучшей, вообще мало-мальски талантливой актрисой. Однако читаем далее: «Звери, птицы и некоторые из насекомых очень полюбили ее, – должно быть, потому, что она была воспитанная и кроткая девочка».

А теперь спросим себя: на какие средства эта воспитанная и кроткая девочка существовала? Сказка дает однозначный ответ:

«Звери снабжали ее всем необходимым для жизни.

Крот приносил питательные корни.

Мыши – сахар, сыр и кусочки колбасы.

Благородная собака – пудель Артемон – приносил булки.

Сорока воровала для нее на базаре шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

Лягушки приносили в ореховых скорлупках лимонад.

Ястреб – жареную дичь.

Майские жуки – разные ягоды.

Бабочки – пыльцу с цветов – пудриться.

Гусеницы выдавливали из себя пасту для чистки зубов и смазывания скрипящих дверей.

Ласточки уничтожали вблизи дома ос и комаров...»

Термин «воровство» звучит по тексту однажды, однако может быть приписан всем пунктам приведенного перечня поставщиков, за исключением, пожалуй, первого. Крот приносит питательные корни, которые, можно надеяться, отыскивает в дикой природе самостоятельно, но остальные звери? Мыши делают то, к чему от рождения приучены: воруют пищу со стола. Благородная собака Артемон приносит булки. Думается, что эта благородная собака работает все же не хлебопеком, из-за чего не может считаться трудовой: она из разряда тех благородных разбойников, для которых благородство как раз и состоит в жизни за чужой счет. Столь же благородно и остальное зверье, служащее у Мальвины на побегушках. Даже обитатель вольных небес – ястреб, и тот приучен к воровству: так и видишь этого свободного хищника, пикирующего с небес, чтобы ухватить жареную курицу с мангала зазевавшегося торговца. Даже майские жуки, приносящие Мальвине ягоды, – ну в самом деле, какие в мае месяце ягоды? – и те воруют, вероятно, фруктовые консервы или цукаты. Таким образом, воспитанная и кроткая кукла Мальвина существует за счет воровства своих приближенных, и иначе, как воровским притоном, ее уединенный домик на лесной поляне назван быть не может. Характер занятий Мальвины недвусмысленно объясняет, почему домик уединенный.

Особенно следует сказать о воспитанности Мальвины, кичащейся тем, что ест не руками, а при помощи столового прибора. Все это так, однако представьте себе пасту, выдавливаемую из себя гусеницами. Этой пастой благовоспитанная девочка чистит зубы, а заодно смазывает скрипящие двери! Позднее выяснится, что означенная паста используется также для чистки обуви. «Появился заспанный барсук, похожий на мохнатого поросенка... Он брал лапой коричневых гусениц, выдавливал из них коричневую пасту на обувь и хвостом отлично вычистил все три пары башмаков – у Мальвины, Буратино и Пьеро». Перед нами физиологический юмор в неразбавленном приличиями виде, сама же Мальвина предстает содержательницей воровского притона, проповедывающей в своих владениях сомнительную чистоту и порядок из ханжеских – а каких же еще? разумеется, ханжеских, – побуждений.

Когда ситуация требует, вся мнимая чистота и порядочность девочки с голубыми волосами улетучивается. К примеру, она, в первом же своем эпизоде, отказывается отворить дверь Буратино, за которым гонятся разбойники.

«Буратино колотил в дверь руками и ногами.

– Помогите, помогите, добрые люди!..

Тогда в окошко высунулась кудрявая хорошенькая девочка с хорошеньким приподнятым носиком.

Глаза у нее были закрыты.

– Девочка, откройте дверь, за мной гонятся разбойники!

– Ах, какая чушь! – сказала девочка, зевая хорошеньким ртом.

– Я хочу спать, я не могу открыть глаза...

Она подняла руки, сонно потянулась и скрылась в окошке».

На следующее утро Буратино, все же снятого с дерева, Мальвина начинает воспитывать – в своем духе, разумеется, – а когда тот выказывает неудовольствие, применяет к нему физическую силу.

В качестве боевиков Мальвиной используются либо ласточки, уничтожающие вблизи от дома ос и комаров, либо зловещий пудель Артемон, готовый ради своей голубоволосой хозяйки на любое преступление. Эта собака, черная, как смерть, и склонная к такой же ханжеской чистоте, что и Мальвина, вызывает у читателя нездоровую оторопь. «Под окном, трепля ушами, появился благородный пудель Артемон. Он только что выстриг себе заднюю половину туловища, что делал каждый день. Кудрявая шерсть на передней половине туловища была рас-

чесана, кисточка на конце хвоста перевязана черным бантом. На передней лапе – серебряные часы». А на шее, так и хочется добавить, массивная золотая цепь. Хотя золотой цепи могло и не быть, что не делает черного вестника смерти менее зловещим.

Чего стоит случившаяся несколько позже драка Артемона с полицейскими бульдогами, в которой Артемону помогает население воровского квартала, ненавидящее силы правопорядка!

«Еж, ежиха, ежова теща, две ежовы незамужние тетки и маленькие еженята сворачивались клубком и со скоростью крокетного шара ударяли иголками бульдогов в морду.

Шмели, шершни с налета жалили их отравленными жадами. Серьезные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту.

Жужелицы и жуки кусали за пупок.

Коршун клевал то одного пса, то другого кивым клювом в череп.

Бабочки и мухи плотным облачком толкались перед их глазами, застилая свет.

Жабы держали наготове двух ужей, готовых умереть геройской смертью.

И вот, когда один из бульдогов широко разинул пасть, чтобы вычихнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой уж бросился головой вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод.

То же случилось и с другим бульдогом: второй слепой уж кинулся ему в пасть.

Оба пса, исколотые, изжаленные, исцарапанные, задыхаясь, начали беспомощно кататься по земле.

Благородный Артемон вышел из боя победителем».

Каково благородство, приносящее в жертву слепых беспомощных ужей! Впрочем, два сапога пара: Мальвина со товарищи отвечает своему пострадавшему в схватке боевому псу не менее благородно, в полном соответствии с привычной ей воровской этикой.

«— Довольно, довольно лизаться, – проворчал Буратино (*Пьеро и Мальвине – Г. С.*), – бежимте. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили ее по кособоку наверх.

– Пустите, я сам пойду, мне так унижительно, – стонал забинтованный пудель.

– Нет, нет, ты слишком слаб!»

Неудивительно, что незамысловатый деревянный аферист Буратино, очутившийся в уединенном воровском притоне, среди столь же «благородного» сброда всех мастей и раскрасок, попервоначально вынужден спасаться бегством. Такие жестокие порядки для Буратино непривычны и неприемлемы: подумать только, требуют чистить зубы слюной гусениц и в то же время садиться за стол с чистыми руками!

Впрочем, ради победы в войне, объявленной им своему благодетелю Карабасу Барабасу, Буратино готов пойти на сотрудничество даже с Мальвиной и ее озверевшей бригадой, хоть с самим чертом лысым. В содержательнице воровского притона Мальвине Буратино находит родственную душу, тогда как директор кукольного театра, доктор кукольных наук Карабас Барабас, ему откровенно ненавистен.

«В то же время Буратино кривлялся и дразнился:

– Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись к нам, – я тебе наплюю в драную бороду!»

И это человеку, при первой же встрече одарившему его пятью золотыми!

Напротив, описание пожилого интеллигента Карабаса Барабаса, в отличие от описаний несовершеннолетнего деревянного плута Буратино и содержательницы воровского притона Мальвины с ее бандой головорезов, проникнуто духом высокого гуманизма и подлинного трагизма.

«Карабас Барабас сидел перед очагом в отвратительном настроении. Сырые дрова едва тлели. На улице лил дождь. Дырявая крыша кукольного театра протекала. У кукол отсырели

руки и ноги, на репетициях никто не хотел работать, даже под угрозой плетки в семь хвостов. Куклы уже третий день ничего не ели и зловеще перешептывались в кладовой, висая на гвоздях.

С утра не было продано ни одного билета в театр. Да и кто пошел бы смотреть у Карабаса Барабаса скучные пьесы и голодных, оборванных актеров».

Последняя попытка спасти старейший итальянский театр оканчивается предательством последних единомышленников.

«Никто не ответил. Кладовая была пуста. Только на гвоздях висели обрывки веревочек.

Все куклы – и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в остроконечных шапках со звездами, и горбуны с носами как огурец, и арапы, и собачки – все, все куклы удрали от Карабаса Барабаса.

Со страшным воем он выскочил из театра на улицу. Он увидел, как последние из его актеров удирали через лужи в новый театр, где весело играла музыка, раздавались хохот, хлопанье в ладоши.

Карабас Барабас успел только схватить бумазейную собачку с пуговицами вместо глаз. Но на него откуда ни возьмись налетел Артемон, повалил, выхватил собачку и умчался с ней в палатку, где за кулисами для голодных актеров была приготовлена горячая баранья похлебка с чесноком.

Карабас Барабас так и остался сидеть в луже под дождем».

Справедливость, как часто случается в жизни, поправа. Мировое зло – не знающее рефлексии, наглое и невежественное – торжествует, упиваясь дешевой бараньей похлебкой и жирными дивидендами, в которые надеется дешевую баранью похлебку обратить.

11.

Театр «Молния». Кабинет главного режиссера. Буратино просматривает текущие бумаги. Нерешительно входит следующий посетитель – Карабас Барабас. Вид у него подавленный и униженный: видно, что у человека нехорошо все, а в первую очередь материальное положение.

Буратино (не поднимая головы): Слушаю вас.

Визирует какую-то бумагу, старательно макая нос в чернильницу.

Карабас: Я...

Подходит ближе к столу.

Буратино (по-прежнему не поднимая головы): Слушаю вас.

Карабас: Это я...

Буратино (поднимает голову): Кто я?

Карабас: Карабас Барабас.

Буратино (опуская голову и вновь принимаясь за бумаги): Мы с вами раньше встречались? Извиняюсь, я очень занят, множество контактов с деловыми партнерами, много просителей – иногда забываю, в чем суть вопроса.

Карабас (нерешительно): Как же так? Я – Карабас Барабас, директор кукольного театра, как раз напротив вашего.

Буратино (хлопая себя по деревянному лбу): Так это, оказывается, кукольный театр напротив? То-то я гляжу, напоминает кукольный театр, только очередей в кассу почему-то нет. Ну я и подумал, что нет, это не кукольный театр или неработающий кукольный театр.

Карабас (застенчиво): Мы сейчас немного опустели, сборы маленькие.

Буратино: Ну вот видите! У вас все, коллега? Вы ко мне, наверное, с визитом вежливости?

Ставит на бумаге визу.

Карабас: Разве вы не помните, как посещали мой театр?

Буратино: Я же постоянно в разъездах, постоянно посещаю кукольные представления. (Смеется). Как говорится, других посмотреть, себя показать.

Карабас: Это было первое театральное представление, которое вы посетили. Оно должно было вам запомниться.

Буратино: Да разве можно все запомнить?! Первую учительницу, первую сигарету, первую рюмку водки?

Карабас: Вы, наверное, шутите?

Буратино (вздыхает): Какие тут шутки... *Ставит еще визу.*

Карабас: Я тогда предложил вам остаться в труппе, но вы не согласились. Мы еще заключили устное соглашение о переговорах с черепахой Тортилой. По поводу золотого ключика, если помните.

Буратино: Золотого... чего?

Карабас: Ключика.

Буратино: С кем, извиняюсь, переговоры?

Карабас: С Тортилой. Это галапагосская черепаха, которая в те годы обитала в заросшем пруду.

Буратино: Как, вы сказали, ваше имя?

Карабас: Карабас Барабас.

Внезапно деревянная физиономия Буратино озаряется. Он даже привстает и делает широкий жест руками, как будто желает заключить Карабаса в объятия.

Буратино: Вспомнил! Наконец-то, вспомнил! Ну как же, Карабас Барабас, знаменитый театральный режиссер Карабас Барабас. Рад вас видеть, коллега. Какими судьбами в наших краях? Ах да, ваш же театр напротив моего, но все равно очень рад. Кофе хотите? Эй, кто-нибудь – есть кто-нибудь в театре или никого нет? – принесите нам с Карабасом Барабасом кофе! Да что же вы стоите, дорогой вы мой человечек, садитесь в кресло, сейчас нам принесут кофе.

Карабас облегченно вздыхает и усаживается в кресло. В кабинет вбегают Мальвина с кофейником и чашками. Делая вид, что не узнает Карабаса, разливает кофе по чашкам и уходит.

(*Мальвине*). Спасибо, дорогая. (*Карабасу*). Бывшая билетерша, между прочим, а метит на ведущие роли. Пришлось переучивать заново. До этого играла в самодеятельности, где ее талант чуть было не угробили. Стал, можно сказать, ее крестным отцом от искусства.

Карабас: Кгм.

Буратино: Ну так что же вы молчите, коллега, рассказывайте! Хотя нет, не рассказывайте, я сам догадаюсь, зачем вы пришли. Желаете, чтобы я вернул вам двести золотых, полученных за переговоры с черепахой Тортилой? Верно, я угадал? Правда, я не должен возвращать вам двести золотых, потому что переговоры с черепахой я провел, хотя безуспешно. Но ведь деньги-то я получал за проведение переговоров независимо от результата, поэтому ничего возвращать вам не должен, любой суд это подтвердит. А если бы и вернул, инфляция, коллега, инфляция! Знаете, сколько сейчас стоят ваши двести золотых? Сущие копейки, на пачку папирос не хватит. Предлагаю вам, в порядке компенсации, билет в театр «Молния», в партер, по курсу это как раз двести золотых в инвалюте. Но подчеркиваю, билет – жест доброй воли, потому как мы с вами в расчете. К слову, те пять золотых, которые вы выдали мне для передачи папе Карло, я потратил на отца. (*Смахивая слезу*). Видите, я ничего не забываю. На эти деньги я посадил на его могиле цветы – настурции, кажется. Такие сентиментальные желтые многолетние цветочки, которые и сейчас произрастают на могиле папы Карло, можете проверить. Так что мы с вами в полном, полном юридическом расчете, коллега.

Карабас: А золотой ключик?

Буратино (*огорчаясь*): Ах, коллега, коллега, и вы туда же... Меньше надо читать желтую прессу. Это старое корыто, я имею в виду черепаху Тортилу, не отдало мне золотого ключика, хотя я прилагал титанические усилия, чтобы уговорить старуху. Только что звезды с небес не обещал – ни в какую. Два месяца переговоров коту под хвост. (*Лукаво, в шутку грозя Карабасу деревянным пальцем*). А вы, коллега, хитрец, какой хитрец! Я, уже после проведения переговоров, выяснил, что подобного рода юридические услуги стоят значительно дороже двухсот золотых. Вы мне недоплатили, коллега, но Буратино зла не помнит. (*Машет рукой*). Друзья, друзья! Вырви глаз, не помню худого!

Карабас: Но театр...

Буратино: Своими трудами, исключительно с нуля. Вот этим горбом (*хлопает себя по спине*) все выстроил. Вы себе не представляете, каково начинать с нуля. Вы-то, коллега, если мне память не изменяет, все от вашего батюшки получили по наследственной линии? Как же я вам завидую, аристократ вы этакий! А я горбатился, ох, как горбатился! Ведь ничего сначала не было: ни помещения, ни труппы, ни пьес. Все сам, на голом энтузиазме, по ночам, при помощи таких же голых энтузиастов...

Карабас (*краснея*): Там, на шпиле вашего театра, надпись: «Моему милому внучонку Карабасу. Дедушка». Замазано, но прочитать можно.

Буратино (*всплескивая руками*): И вы приняли за чистую монету, коллега?! Да это же трюк, оригинальный рекламный ход! Люди поговорят, поговорят, да и придут в театр лишний раз убедиться, что такая надпись в самом деле имеется. Боже мой, как же плохо вы обо мне подумали, наверное! Нельзя так, уважаемый Карабас: верьте людям, и люди вас не обма-

нут. Надо же, так опростоволоситься! А согласитесь, здорово придумано, изобретательно наши маркетмейкеры поработали!

Выходит из-за стола и приобнимает Карабаса.

Жаль с вами расставаться, коллега. Если что-нибудь понадобится, заходите еще.

Провожает Карабаса до двери.

Карабас: Еще минутку, Буратино Карлович!

Буратино: Слушаю внимательно.

Дальнейший разговор происходит в дверях.

Карабас (бормочет): У меня такое положение... Театр фактически разорен, нечем платить за аренду... Артисты перебежали к вам, спектакли год как не играют... умоляю вас, Буратино Карлович, возьмите меня вторым режиссером. Я не могу без кукольного театра, театр для меня это...

Буратино: Да, да... *(поникая головой)*... После того, как театр «Молния» получил широкий резонанс, многие просят ко мне вторым режиссером. Где все эти люди были ранее, когда я скитался, когда подвергал свою молодую деревянную жизнь опасности, когда, даже заимев собственный театр, играл исключительно моноспектакли, потому что в труппе, кроме меня, не было ни одного профессионального актера?.. Извиняюсь, уважаемый Карабас Барабас, но не могу. Скриплю зубами от жалости, но вынужден отказать: штатом должности второго режиссера не предусмотрено.

Карабас: Возьмите ассистентом режиссера.

Буратино: И этой должности тоже не предусмотрено.

Карабас: Актером.

Буратино: Я бы рад, рад, дорогой вы мой человечешко, но у нас кукольный театр. Вам ли не знать?

Карабас: Суфлером.

Буратино: Есть у нас суфлер. Замечательный суфлер, просто неподражаемый. Курский Соловей, может, слышали?

Карабас: Тогда рабочим сцены.

Буратино: Вас? Рабочим сцены? Нет, не могу. Я вас слишком уважаю, дорогой вы мой Карабас Барабасович, чтобы допустить такую вольность. Допустить, чтобы бывший театральный режиссер, путаясь в бороде, носился по сцене с реквизитом, как простой мальчик на побегушках? Нет, даже не просите.

Карабас: Гардеробщиком.

Буратино: Исключено. Вы с вашей бородой в гардеробной просто не поместитесь.

Карабас: Билетером.

Буратино: Спасибо, что напомнили. Вот вам обещанный билет в партер, коллега. Один из лучших наших спектаклей: «Раскаявшийся Богомол». Сюжетец, скажу я вам, прелюбопытнейший. Некий Богомол вступает в религиозную секту – так сказать, по зову сердца, – но в конце концов раскаивается и обличает беспринципных и лицемерных сектантов, своих позавчерашних товарищей. Сильно придумано, а? Приходите, приходите на ближайший же спектакль, не пожалеете.

Выпроваживает пошатывающегося Карабаса из дверей. Улыбаясь мыслям, возвращается к прерванной работе. Из приемной раздается звук, похожий на звук лопнувшей струны, но Буратино не слышит: он в этот момент макает нос в чернильцу, чтобы вывести очередную замысловатую загогулину.

Следующий!

12.

С неба на цветущий зеленый лужок посылает лучи улыбающееся весеннее солнце. По тропинке, обсаженной васильками и ромашками в человеческий рост, идет маленькая девочка с большим бантом в голубых волосах.

Время от времени она оглядывается по сторонам и с досадой, умильной в ребенке, восклицает:

Мальвина: Ну куда же подевался этот несносный мальчишка? Буратино, где ты? Ау, Буратино!

К Мальвине неслышно подкрадывается Буратино с хлопушкой в руке.

Хлоп! Мальвина вскрикивает, плюхаясь от испуга на зад. Буратино с громким хохотом убегает в луг, приминая ногами цветы. Как давно это было! Какими они были молодыми и наивными, как суматошно веселились и дерзали, не подозревая о трагической стороне бытия, о том, что однажды придется состариться и получить повестку на Страшный Суд, на котором вся прошедшая жизнь предстанет странным, вызывающим гомерический хохот и невыносимый стыд зрелищем.

Занавес

Дети академика Синюхина

Действующие лица:

Симаковы:

Оля, 17 лет.

Марина Петровна, ее мать, 40 лет.

Бабушка, 65 лет.

Раиса, соседка по лестничной площадке, 24 года.

Олины приятели-одногодки:

Ленчик.

Жора.

Серег.

Возраст персонажей указан на момент первой сцены.

Сцена 1

Квартира Симаковых. В оконный проем виден лес в ярко-зеленой весенней листве, частично заслоненный углом панельной многоэтажки.

В комнате за накрытым столом Оля – она сегодня именинница – и ее приятели-одноклассники: Ленчик, Жора и Серега. На столе бутылка вина, газированная вода «Байкал» и бутерброды с красной икрой.

Оля: *(наигрывает на гитаре и поет):* Голубой вагон бежит, качается. Скорый поезд набирает ход...

В комнату, вода по углам хитрыми глазками, заглядывает бабушка.

Бабушка: Хтой-то пришел?

Одноклассники переглядываются.

Оля *(передразнивая):* Хтой-то надо, тот и пришел. *(Кричит в сторону кухни).* Ма, забери ее, а то я за себя не ручаюсь!

В комнату в авральном порядке вбегает Марина Петровна.

Марина Петровна *(бабушке):* Мама, ну зачем вы? У Оленьки сегодня день рождения, не будем ей мешать.

Уводит упирающуюся бабушку в другую комнату. Из коридора в это время залихватисто тренькает.

Жора: Кто там еще?

Слышаться голоса.

Оля *(прислушавшись):* Это соседка. *(Кричит в коридор).* Раиса, Раиса, заходи...

В комнату заглядывает соседка Раиса, в праздничном махровом халате.

Рая: Оля, привет!.. Всем привет... Зашла к Марине Петровне одолжиться геркулесом и вспомнила, что у тебя день рождения.

Говорит Раиса низким голосом, как будто испитым или прокуренным. Впрочем, не исключено, это у нее простудное. Хотя хроническое.

Оля: Присаживайся, Рая...

Рая *(сипит):* С днем рождения тебя, Оля! Женихов тебе побольше желаю. Хотя с женихами, как я погляжу, у тебя полный ажур.

Серега при этих словах заметно тушится, после чего все становится ясно. Хотя светлое Серегино чувство давно примелькалось.

Оля: Не терплю девчонок.

Рая: А закурить, молодежь, у вас...

Марина Петровна вносит поднос с пирожками.

А, ладно!

Прячет сигареты в карман халата.

Марина Петровна: Вот еще пирожки сладенькие, необычные. Меня подруга научила – она инструктором в горкоме работает.

Ленчик: Вы как раз к тосту успели, тетя Марин. Следующий тост за родителей.

Все поднимают бокалы.

С дочкой вас, тетя Марина!

Марина Петровна *(утирая глаза):* Спасибо, детки, что заглянули.

Оля: Ну, ма...

Марина Петровна: Все, все, больше не буду. Это я от радости.

Ленчик: А где дядя Паша?

Оля: Отец в южной Америке.

Ленчик: Где?

Марина Петровна: Тут, детки, нам такая радость нечаянная нагрянула. Отца нашего, то есть Павла Александровича, в срочную заграникомандировку услали на целых одиннадцать месяцев. В Аргентину, на научно-исследовательском теплоходе «Академик Синюхин».

Ленчик: Он же физик. Что физику в Аргентине делать?

Марина Петровна: Пси-мезоны искать.

Ленчик: Чего искать?

Марина Петровна сама толком не знает, но приносит посвященную «Академику Синюхину» вырезку из «Комсомольской правды».

«В путь неблизкий, в путь опасный»

Я стою на палубе научно-исследовательского теплохода «Академик Синюхин» и смотрю вдаль. По небу пробегают белые барашки, и точно такие же барашки пробегают внизу, по поверхности Атлантического океана. Они называются буруны.

Белоснежный нос лайнера легко взрезает волны Атлантического океана, устремляясь вперед. Куда вперед? Туда, где тысячами километров простирается побережье южной Америки. Тысячи километров банановых плантаций и тяжелейшего наемного труда от рассвета до заката. Но не закаты и рассветы интересуют сейчас экипаж «Академика Синюхина», укомплектованный лучшими научными кадрами Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Нет, не закаты и рассветы... Мимо меня озабоченно пробегают боцман Гецко.

«Как там курс, Микола Ильич?» – окликаю я его.

«Який такой курс? – морщинистое лицо боцмана разглаживается от удовольствия, что с ним заговорил работник центральной прессы. – у капитана пошукайте, может, и отыщется».

Да, моряки, это беспокойное и светлое племя людей, привыкших смотреть опасности в глаза, понимают толк в шутках. Я, держась за поручни, тоже пытаюсь сказать что-то жизнерадостное в ответ и продолжаю говорить до тех пор, пока Микола Ильич не убегает по своим боцманским делам дальше.

Душевный человек боцман, но еще более душевный – капитан научно-исследовательского теплохода «Академик Синюхин» Семен Васильевич Криворучко, опытнейший мореход в третьем поколении. Когда я заглядываю к нему на капитанский мостик, Семен Васильевич приветливо кивает и лично пожимает мне руку.

«Всегда рады представителям прессы, – говорит капитан. – Вы вовремя, у меня как раз чайк подоспел».

Мы пьем крепкий с баранками чай – такой же крепкий и сладкий, какой пьют в маленьком селе Глухари Амурского края, откуда Семен Васильевич родом, – молчим и думаем. Я думаю, как получше выполнить редакционное задание, а еще о родных и близких, оставшихся в Ленинграде. О чем думает капитан? Не знаю – может быть, о чем-то своем, личном, а может, о том, все ли в порядке на вверенном ему судне и не приближается ли шторм. Хотя нет... никакой шторм, даже двенадцатибальный, «Академику Синюхину» не страшен, поэтому за безопасность экипажа можно ручаться головой.

Наверное, капитан думает о пси-мезонах, загадку которых предстоит разгадать коллективу «Академика Синюхина». Что это за таинственные

частицы, врывающиеся в земную атмосферу из космоса и оставляющие в земной поверхности глубокие дыры с идеально ровными краями? Как они образуются и можно ли предугадывать их появление? Нельзя ли поставить космическую энергию на службу народному хозяйству? Во время качки я тоже размышляю о пси-мезонах. Не знаю, что они собой представляют, но уверен: загадка пси-мезонов будет разрешена в самые короткие сроки. У природы нет загадок и тайн, которые оказались бы не по зубам советскому человеку.

Со скоростью тридцать пять морских миль в час несется посреди Атлантического океана маленькая частичка нашей большой Родины. Что ожидает ее в далекой, но стремительно приближающейся Аргентине, у южноамериканского побережья, тянущегося от экватора почти до самой Антарктиды? Ответы будут даны».

Жора: В Аргентину! На одиннадцать месяцев!

Ленчик: Круто.

Рая (*хрипит*): С ума сойти! Однако, молодежь, мне пора. Олька, положи руку на сердце – не в обиду, что я бутерброд с икрой съела?

Оля: Рая?!

Рая: Молчу, молчу... (*Поднимается*). Марина Петровна, не провожайте, дверь я сама захлопну.

Но Марина Петровна все равно убегает проводить соседку. Потом они долго беседуют на лестничной площадке.

Оля (*берет гитару и напевает*): Голубой вагон бежит, качается... *Компания подхватывает.*

Сцена 2

По прошествии двух лет, в той же самой квартире, где происходят все действия. Марина Петровна и Жора, озабоченно произносящий с порога:

Жора: Здравствуйте, Марина Петровна. Вот, пригнал машину, как договаривались.

Марина Петровна (*всплескивая руками от полноты счастья*): Неужели дюральки? Самой настоящей?

Жора (*солидно, басит*): Ее, кормилицы.

Марина Петровна: Я так тебе благодарна, так благодарна, Жора, ты себе не представляешь. Сколько с меня?

Жора: Полторы, как договаривались. Я Ленчику и Сереге отзвонил, ща разгрузим.

Марина Петровна: Я быстро.

Убегают и тут же возвращается с деньгами.

Вот, Жорик, обязательно пересчитай.

Жора: Да я вам верю, Марина Петровна.

Делит пачку на две равные части. Одну часть засовывает в карман джинсовки, другую оставляет к кулаке – расплатиться за товар. Марина Петровна раздвигает шторы. Лес играет осенними желто-багряными полутонами. Панельная многоэтажка напротив имеет необычный серебристый вид: балконы блистают, вместо стекол, дюралюминиевыми поверхностями.

Марина Петровна: Осень уже.

Подходит Ленчик.

Ленчик: Тетя Марин, здрасьте. У вас дверь была открыта.

Жора: Грузовик у подъезда видел? Пошли разгружать.

Уходят. Некоторое время занимаются погрузо-разгрузочными работами, складывая серебристые листы в угол и отправляясь за новыми. Марина Петровна пытается им помогать, потом убегают на кухню ставить чайник.

Ленчик: Где этот урод? (*Имея в виду Серегу*).

Жора: Обещал сейчас придти.

Ленчик: Какой там сейчас? Осталось всего ничего.

Ожесточенно таскают. Притащив последний лист, валятся на диван.

Жора: Фу.

Ленчик: Устал.

Жора: Тоже устал. Притомился маленько.

Отдыхают.

Ленчик: Слышал, что по телеку вчера болтали? Будто дюралька от пси-мезонов не помогает.

Жора: Как не помогает? Да она влет расходится!

Марина Петровна вносит поднос с кексами.

Марина Петровна: Скушайте, детки, по кексику. Кексики что-то в последнее время из магазинов совсем исчезли, а раньше такие вкусные были.

Ленчик: Спасибо, тетя Марин.

Марина Петровна: Уж и не знаю, как вас благодарить. Все соседи уже окна заколотили, а у меня не заколочено. Лежишь ночью, не спишь, думаешь: а как невзначай залетит и спозаранку в окно вдарит?

Жора: Теперь не залетит. А если и залетит, с дюралькой все одно спать спокойней. Нервы целей будут.

Жуют кексы.

Вы сами-то, Марина Петровна, не прочь подзаработать?

Марина Петровна: Подзаработать? Как же я могу, Жора?

Жора (*неопределенно*): Возможности есть. (*Дожевывает кекс*). Могу взять в долг, под хорошие проценты. Тридцать процентов в месяц.

Марина Петровна: Даже не знаю, Жора. Надо с отцом, то есть с Павлом Александровичем, посоветоваться, только он еще из больницы не выписался. Вот пару листов потолка хочу над его койкой в больничной палате прибить. Береженого, как говорится... (*Вспоминает*). Да и денег у нас не то чтобы очень.

Жора: А... Как там его здоровье?

Марина Петровна (*со слезами на глазах*): Здоровья после загранплавания совсем никакого не осталось. Температура высокая третий месяц держится.

Жора: Вы, Марина Петровна, посоветуйтесь.

Звонок в дверь.

Жора: Серега.

Ленчик: Я его сейчас урою. Держите меня за руки и за ноги.

Буду дубасить тунеядца, пока не утомлюсь.

Марина Петровна в самом деле возвращается с Серегой, который бледен, как добываемый в карьере известняк, и еле может выговорить:

Серега: Там... Там...

Ленчик: Тебе когда сказали прибыть, урод? Мы всю дюральку без твоей помощи перетащили. Полчаса как закончили.

Марина Петровна: Сереженька, что случилось?

Серега: Женщину... прямо передо мной... в десяти метрах...

Жора: Прямое попадание?

Серега: Да... Сантиметров сорок в диаметре... Шла-шла, и вдруг без головы на асфальт падает... Ей голову оторвало, а в асфальте дыра... Я раньше только по телевизору...

Стучит зубами.

Жора: А мне уже приходилось, ебыть.

Марина Петровна: Помилуй Господи, что же на белом свете делается?!

Покачивается и, чтобы удержаться на ногах, опирается на приставленные к стенке листы дюральки. Закрывает лицо руками.

Сцена 3

По прошествии нескольких месяцев. Происходит телефонный разговор следующего содержания.

Сергея (из телефонной трубки): Олю можно позвать?

Марина Петровна: Сереженька, это ты? А ее нет. Оля в последнее время дома редко появляется.

Сергея: Так это правда, что она квартиру снимает?

Марина Петровна: Я и говорю.

Сергея (внезапно охрипнув): А она там... живет... одна?

Марина Петровна: Не знаю, Сереженька, не знаю. Молодежь-то, сам знаешь, какая нынче пошла. С родителями никто советоваться не желает.

Сергея: Значит, правда.

Марина Петровна: Не знаю, Сереженька, видит Бог, не знаю. Чего не знаю, того не знаю.

Сергея: Марина Петровна...

Марина Петровна: Что, Сереженька?

Сергея (отчаянно): Передайте Оле, пожалуйста, что я женюсь.

Марина Петровна: Женишься?

Сергея: У меня... это... девушка есть.

Марина Петровна: Какой ты молодец, Сереженька! Первым из всего класса. Радость-то какая! И когда свадьба?

Сергея: Еще неизвестно. Но передайте Оле, что я точно женюсь.

Марина Петровна: Все передам, Сереженька. Не волнуйся.

Сергея (загробным голосом): Прощайте, Марина Петровна.

Марина Петровна, задумавшись, присаживается на стул и включает телевизор. По телевизору показывают научно-популярная передачу:

«СЕРИАЛ ББС. ЗАГАДКИ ЖИВОЙ ПЛАНЕТЫ

Сначала заставка: клубящиеся облака, изливающиеся вулканы, все сметающие на своем пути цунами. Внезапно вся эта красотища стремительно отдаляется, пока камера оператора не оказывается в глубоком космосе, откуда Земля предстает симпатичной голубой планеткой в обрамлении звезд.

Ведущий: Земля, третья от Солнца планета солнечной системы, обращающаяся вокруг Солнца по эллиптической орбите. Сколько ее тайн уже разгадано, но сколько предстоит еще разгадать! Нет ни одной загадки, волнующей современное человечество больше, чем загадка пси-мезонов, таинственных пучкообразных частиц, наводящих ужас на атлантическое побережье Соединенных Штатов.

В кадре жилые здания, разрушенные прямым попаданием пси-мезонов.

Их жители находятся поблизости и на пальцах показывают телезрителям, как неожиданно, буквально ни с того ни с сего, в здание долбануло. Некоторые здания после попадания сразу развалились, а некоторые почему-то не развалились. Показывают мужчину, заставляющего дыру в стене куском фанеры. Ударом пси-мезона убило всю его семью, включая малолетних детей. А вот женщина, сломавшая каблук о трехсантиметровую дырку, прорезанную пси-мезоном в асфальте. Женщина безутешно рыдает. По величине пси-мезонные пучки самые разные, от миллиметра до трех с половиной метров в диаметре, а предугадывать,

в чье жилище и какого размера ударит следующий псимезонный пучок, современная физика пока не научилась.

Ведущий: Где зарождаются пси-мезоны и долго ли продолжится обстрел ими Солнечной системы? Мы этого не знаем, но ученые Калифорнийского университета считают, что загадка пси-мезонов скрыта в прошлом... далеком прошлом Земли.

Показывают далекое прошлое Земли: непроходимые реликтовые заросли, в которые по причине отсутствия человека еще не ступала человеческая нога, и океаны с плещущимися в них чудовищами. Чудовища с удовольствием пожирают друг друга. Время от времени в океаны выплескивается раскаленная вулканическая лава, и тогда прожорливые чудовища гибнут, чтобы уступить место другим, еще более диковинным и прожорливым. Из лавы образуются острова, а из островов материки – так формируется рельеф молодой планеты.

Ведущий: Можем ли мы вернуть прошлое, чтобы узнать, являются ли пси-мезоны абсолютно новым физическим явлением или они существовали задолго до появления человечества? А может быть, задолго до появления Солнечной системы?

Показывают толстого человечка в шортах и демократической рубашке навывпуск. Титры под изображением удостоверяют, что это профессор Калифорнийского университета Майкл Доджсон. Профессор находится в полевых условиях, на фоне живописной горной гряды, поросшей чахлой растительностью. Он поясняет:

Доджсон: Я нахожусь в наивысшей точке древней Месопотамии, известной среди палеонтологов как Кладбище динозавров. Трудно поверить, но эти великолепные горы (камера, следуя размашистому жесту ученого, дает панораму окрестностей) образованы не из мрамора или керамзита, а из костей динозавров самых различных пород и исторических эпох. Не в них ли, не в этом ли окаменевшем биологическом материале, кроется разгадка пси-мезонов?

Джонсон бредет по каменистому склону, наступая толстыми ножками в туристических ботинках на малоинтересные кости млекопитающих. Внезапно его лицо озаряется приличествующим профессору любопытством.

Доджсон: Что это за кость? Это не современная кость. Давайте посмотрим.

Вытаскивает их кучи сваленных как попало костей окаменевшую кость какого-то животного.

Доджсон: Что я вижу? Это бедренная кость динозавра эпохи мезозоя. Не заурядная современная окаменелость, каких здесь видимо-невидимо, а реликт с пробитым в ней круглым отверстием. Мы сделали серьезнейшее научное открытие, однако предварительные выводы требуют проверки в лабораторных условиях.

Показывают Доджсона в лабораторных условиях. Лаборатория оборудована в палатке, на месте базовой стоянки экспедиции. На столе диагностическая аппаратура: компьютеры, микроскопы, самописцы, радиопередатчики. Доджсон руками в резиновых перчатках бережно принимает бедренную кость динозавра, укладывает под электронный микроскоп, напряженно всматривается в электронный окуляр.

Доджсон: Да! Моя гипотеза подтверждается! Края дыры идеально ровные, следовательно, дыра прорезана пси-мезоном двести миллионов лет назад. Никакое другое физическое явление в мезозойскую эру, кроме направленного пси-мезонного пучка, не могло оставить подобный след в бедренной кости динозавра.

Действие возвращается в мезозойскую эру, туда, где в глубине девственных лесов древней Месопотамии проламывается сквозь непроходимую лесную чащу туша игуадона. Слышится резкий хлопок, и пронизывающий атмосферу пси-мезонный пучок попадает игуадону в коленную чашечку. Бедняга заваливается на бок, клацая зубами от боли и матерясь от неожиданности. Смертельно раненый, он ползет к горячему первобытному озеру, на отмелях которого еще можно спастись, если прижечь рану кипящим соляным раствором, но по кровавому следу игуадона уже спешат изголодавшиеся собратья-падальщики. Это стегозавры, заранее разе-

вающие пасти и улыбающиеся предстоящему ужину. Шансов спастись у игуадона немного. Все – преследуемый гигант и его неумолимые преследователи – скрываются в густой доисторической растительности. В это время пучки пси-мезонов продолжают бомбардировать планету, ставя под угрозу само существование на ней крупных и неповоротливых особей».

От познавательной передачи Марину Петровну отвлекает новый телефонный звонок.

Ленчик (из трубки): Алло, тетя Марин, это вы?

Марина Петровна: Здравствуй, Ленчик. Только Оли нет, она последнюю неделю не заходила и когда зайдет, неизвестно. Ей Сереженька сейчас звонил, спрашивал, с кем она живет. А я и не знаю.

Ленчик: Понятно.

Марина Петровна: Как у тебя дела, Ленчик? Как мать? Из родных, упаси Господи, никого не убило?

Ленчик (неопределенно): Так, ушибло кое-кого.

Марина Петровна: Хорошо, что сам живой-невредимый.

Ленчик: Чего со мной сделается?

Марина Петровна: Все под Богом ходим.

Ленчик: Не, тетя Марин, вы не поняли. Я же в метро устроился работать, на глубину тридцать четыре с половиной метра.

Марина Петровна (всплескивая руками): Как тебе удалось, Ленчик? В метро на работу устроиться такой блат нужен! У меня подруга, она сейчас в мэрии секретаршей работает, так дочку еле смогла уборщицей пристроить. В метро и проехаться-то теперь только кооператоры могут себе позволить, на такси дешевле получается.

Ленчик: Я, тетя Марин, региональным координатором партии «Православие в законе» устроился. Мы в метро офис арендовали. Тепло, сухо и от пси-мезонов никакой опасности.

Марина Петровна: Я так за тебя рада, Ленчик! Ты в метро сиди, на улицу не высывайся. Тут такое творится, ужас!

Ленчик: Да я и не высываюсь. Если только на минутку, дюральку помочь перетащить.

Марина Петровна (оседая от внезапно пришедшей в голову мысли): Ленчик, да ведь ты жизнью ради меня рисковал!

Ленчик: Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Не мог же я, в самом деле, вас без дюральки оставить?

Марина Петровна (с ласковой укоризной): Ах, Ленчик, Ленчик...

Ленчик: Хотите, тетя Марин, я вас тоже в метро пристрою? Дежурной по эскалатору в ночную смену. По крайней мере, по ночам в безопасности будете.

Марина Петровна: Ты, верно, шутишь.

Ленчик: Я договарюсь.

Марина Петровна: Не надо меня дежурной, Ленчик. Лучше Оленьку в метро пристрой, я за нее так переживаю. Она в кооперативе сейчас – платят хорошо, но защиты от пси-мезонов буквально никакой.

Ленчик: Заметано.

Марина Петровна: Спасибо тебе, Ленчик...

Гудки в трубке. Растроганная Марина Петровна обращается к телевизору, прибавляя громкости. Снова показывают разрушения, теперь где-то в Европе: пробитые насквозь дома, витрины магазинов, дорожные щиты с предупреждениями об обвале грунта. Толпа местных жителей с самодельными плакатами перегородила шоссе, протестуя против псимезонных пучков и требуя от правительства принятия срочных противопси-мезонных мер. Камера оператора отъезжает вдаль, в результате чего толпа растворяется в облаках, а облака – в пронзительно-холодном звездном сиянии.

Сцена 4

По прошествии нескольких месяцев. На стене портреты: счастливой, с ямочками на щеках, Оли и улыбающегося усатого мужчины – ее отца Павла Александровича. Оба в траурных рамках.

Марина Петровна: Спаси нас, Господи.

Заходит в комнату, шаркая тапочками по полу. Крестится на портреты.

Освобождает окно от последнего, не актуального уже серебристого листа, после чего становится виден заваленный сугробами лес и панельная многоэтажка напротив. В многоэтажке на уровне пятого этажа пробита дыра – огромная, размером в несколько квартир.

Рая: Марина Петровна, добрый день.

Марина Петровна: Раечка!

В руке у соседки сигарета. Раиса курит, стряхивая пепел на пол.

Рая: Как жизнь, Марина Петровна?

Марина Петровна *(с опухшими от слез глазами)*: Какая жизнь, Раечка? Вот сороковины у Оленьки сегодня. Кровинушка моя, и не пожила вовсе, восемнадцать годочков только и успело стукнуть.

Рая *(ободряюще)*: Видная девка была.

Марина Петровна: Хорошо, что отец до этого дня не дожил. Он бы не пережил.

Рая *(оптимистично)*: Все там скоро будем.

Марина Петровна: Что же это делается такое, Рая? За что только, Господи? За какие грехи?

Рая *(смачно)*: Апокалипсис.

Марина Петровна: Пенсионеру из соседнего подъезда ногу по колено оторвало.

Рая: Жуть.

Марина Петровна: Володю Еремкина с моей бывшей работы напололам перерубило.

Рая: Это сейчас часто.

Марина Петровна: Прасковья Семеновна уха лишилась.

Рая *(заинтересовываясь)*: Как это?

Марина Петровна: Говорит, просыпаюсь утром с головной болью. Смотрю в зеркало, а уха нет. Как ножом срезало. Вместе с полкроватью.

Рая: Дела...

Обе смеются.

Марина Петровна: Спаси и помилуй нас, грешных.

Крестится.

Рая: А я, Марина Петровна, к вам по делу. Не разрешите мне вашей дыркой воспользоваться?

Марина Петровна *(растерянно)*: Какой дыркой, Раечка?

Рая: В большой комнате. Она у вас не меньше полметра диаметром.

Марина Петровна: Не понимаю.

Рая: Так вы еще не слышали? Говорят, пси-мезоны дважды в одно место не попадают. Поэтому в дырах безопасно.

Марина Петровна: Правда?

Рая: Говорят. Будто бы все государственные деятели сейчас, для сохранения, помещаются в специальные лифты, оборудованные в пси-мезонных дырах. Одна только проблема: больших дырок мало, поэтому каждая дырка диаметром превыше трех метров берется на специальный государственный учет. Ну, навряд ли памятников архитектуры, чтобы на всех государственных деятелей хватило.

Марина Петровна (*безразлично*): Раечка, ты в моей дырке собираешься лифт с государственным деятелем оборудовать?

Рая: Что вы, Марина Петровна, она же маленькая, в нее государственный деятель не поместится. Хочу кое-какие ценные вещишки сложить для безопасности. Вы не против?

Марина Петровна: Нет, конечно. Я на дырку-то, чтобы прикрыть, картон постелила, ты прямо на картон и складывай, что захочешь. (*Твердо*). Ты, Раечка, за свои ценности не беспокойся, я за ними присмотрю. У меня как в банке.

Рая: Да я знаю. Только картон не подойдет, прогнется – его фанерным листом заменить надо. Я завтра принесу. Я бы в своей квартире дыру оборудовала, да у меня дырки совсем крохотные, в них три чемодана не поместятся. Так мы договорились?

Марина Петровна: Все сделаю, Раечка, как скажешь. Спаси, Господи, и помилуй.

Стук в дверь.

Рая: Кто бы это мог быть?

Появляются Жора и Ленчик, оба навеселе.

Жора: А я по привычке, звоню, звоню в дверь. Смотрю, чего это никто не открывает? Совсем забываю, что электричества нет.

Марина Петровна: Жора, Ленчик...

Ленчик: Тетя Марин, вы почему дверь открываете, не спросив. Сейчас опасно открывать, мародеров на улицах полно. С тех пор, как милицию распустили, число мародеров на улицах заметно увеличилось.

Марина Петровна: Нечего у меня брать, Леня.

Ленчик: Ну, чего брать, всегда найдется. В следующий раз обязательно спрашивайте, кто идет, не то беду наживете.

Жора: А я вам, Марина Петровна, должок зашел возвратить. Все сполна, как обещал: пять месяцев по сорок пять процентов, до копейки возвращаю. Хотите, считайте. Не хотите, все равно считайте.

Протягивает полиэтиленовый пакет, туго набитый деньгами.

Рая (*хрипит*): Да на них не купишь сейчас ничего.

Жора: А я виноват?

Передает пакет Марине Петровне. Та безразлично отставляет пакет в угол и в который раз спрашивает, не в силах отделаться от мучающего ее вопроса:

Марина Петровна: Что же такое творится, детки?

Жора: Пир во время чумы, ебыть. Давайте выпьем.

Достает из сумки бутылку виски.

Затарился под завязку, в аккурат хватит.

Разливает.

Ленчик: Будем здоровы.

Все пьют, а Марина Петровна только пригубливает.

Жора (*с чувством выполненного долга*): Хана наступает.

Ленчик: Ну, кому наступает, а кому и не очень.

Жора: Надеешься выжить?

Ленчик (*заговорищски*): Думаешь, президенту страны позволят в пси-мезонную дыру провалиться? Не для того мы президента нашего избирали, чтобы ему от пси-мезона ни с того ни с сего очочуриться.

Жора (*удивленно*): А ты чо, уже президент страны?

Ленчик: Президент не президент, а улетаю вместе с президентом.

Марина Петровна: Куда, Ленчик?

Ленчик: В космическое пространство, тетя Марин, куда же еще? Туда, где нет пси-мезонов, где можно бродить по улицам, не опасаясь за свою драгоценную жизнь, где светит незнакомая звезда и снова мы оторваны от дома.

Жора: Собрался стать космонавтом?

Ленчик: Не космонавтом, а астронавтом – проект-то международный. Короче, я в секретном списке. Полечу за пределы Солнечной системы, как только достроят президентский корабль.

Рая (*хрипит*): Враки.

Марина Петровна: Я не понимаю, Ленчик, у меня что-то в голове в последнее время перепуталось. Ты прости меня, старуху. Как же космический корабль достроят, когда электричества второй месяц нет?

Ленчик: На генераторах достроят, вот я и полечу. Метро все равно не помогает, поэтому наша партия из-под земли на поверхность вышла. Мы теперь в космическом корабле президента офис арендовали.

Жора: Молодцы, ебыть.

Ленчик: Поговорить за вас, тетя Марин? Могу на космический корабль бортпроводницей пристроить. Будете самому президенту коньяк подавать в условиях невесомости.

Марина Петровна: Куда же мне на старости лет коньяк подавать, Ленчик? Жалко, Оленьки с нами нет, вот бы ей на космическом корабле прокатиться. Ей бы бортпроводницей понравилось.

Жора разливает.

Жора: За Олю! За Серегу!

Марина Петровна (*Раисе, поясняет*): Оленька в один день с Сережей, одноклассником своим, погибла.

Ленчик: Ну, не только с Серегой... Серегу в один день с его молодой женой панелью придавило. Все трое, включая Ольку, в один день Богу душу отдали. За это полагается выпить.

Выпивают.

Жора: Вот и помянули.

Завинчивает бутылку и убирает обратно в сумку.

Мне пора, Марина Петровна. До свидания.

Ленчик: Я тоже пойду. Паковать вещички к полету.

Жора: Оптимист, ебыть.

Марина Петровна: Спасибо, детки, что зашли. Спаси вас Господь и помилуй.

Все направляются к двери.

Ленчик (*держась за дверной косяк*): Совсем забыл. Угадайте, тетя Марин, как космический корабль называется, на котором я полечу?

Марина Петровна: Как, Ленчик?

Ленчик: «Дети академика Синюхина». (*Радостно*). Поняли, поняли, тетя Марин? В честь научно-исследовательского теплохода, впервые исследовавшего пси-мезоны. Того самого, на котором дядя Паша в Аргентину плавал.

Выходят в коридор, откуда навстречу им бьет пыльная волна воздуха.

Слышится треск разрываемых бетонных конструкций.

Сцена 5

По прошествии нескольких часов. Везде пыль, осевшая на мебели и проломленной стене. Абсолютная тишина, сквозь которую пробивается старческое бормотание и шарканье. В комнату, вращая хитрыми глазками, вползает обезумевшая бабушка.

Бабушка: Марина, хтой-то к нам приходил? Это хтой-то? Бабушке никто не отвечает. Некому.

Занавес

Уа-уа

Одноактная пьеса длиною в жизнь

Действующие лица:

Вася.

Другие окружающие его лица: многочисленные родственники, близкие и не очень близкие товарищи и подруги, сослуживцы по министерству, воспитатели и преподаватели различных учебно-воспитательных учреждений, наконец, просто случайные знакомые всех возрастов и профессий.

Вася: Уа-уа!

Мать: Васенька, маленький мой! Сейчас, погоди минутку.

Кормит причмокивающего Васю грудью.

Накушался?

Отец: Гляди, мать. У Васеньки первый зуб прорезался.

Мать: Какой там первый?! Уже целых три.

Дедушка: А должно быть по меньшей мере пять. В таком-то возрасте! Витаминов ты ему маловато даешь, Наталья.

Мать (*с досадой*): Не лезьте не в свое дело, папа... Сама знаю, сколько у ребенка зубов быть должно.

Дедушка, виновато взмахивая руками, уплывает в небытие.

Отец: Зачем ты так? Он как лучше хотел. Кто теперь с ребенком сидеть будет? Придется Васеньку в детский садик отдавать.

Вася: Не хочу в садик! А-а-а!!!

Плачет, стуча по паркету маленькими ножками.

Мать: Нужно идти, Васенька (*углавливает его мать*). В детском садике игрушки красивые. Станешь с другими мальчиками и девочками в игрушки играть, а вечером мама с папой тебя домой заберут.

Волочет сына за руку в детский садик.

Вася: Не хочу в садик! Не пойду!

Прекращает истерику, видя перед собой ну очень серьезного мальчика в клетчатой рубашке.

Мальчик: Ты чего орешь-то?

Вася: Хочу и ору. А что это у тебя на подбородке?

Мальчик: Бородавка.

Вася: Ого!

Мальчик: Пойдем в кубики поиграем.

Вася: Не могу, за мной родители пришли... Мама! Папа!

Бежит навстречу родителям, забывая о мальчике навсегда. Только о его большой бородавке сохраняется неизгладимое впечатление, на всю оставшуюся жизнь.

Мать (*принимая сына в объятия*): Вот ты и школьник, Вася. Совсем уже большой. Вставай вот сюда, в один ряд с другими детишками – сейчас учительница отведет вас в учебный класс.

Замечает рядом с сыном милого мальчика.

А тебя как зовут, мальчик?

Мальчик: Леша.

Мать: Алеша, значит. (*Ласково*). Ты, Алешенька, летом где отдыхал?

Леша: На даче.

Вася: А мы на море ездили!

Учительница (*строгая и толстая*): Вася, не разговаривай в строю! Перестань вести себя, как маленький. Немедленно выходи к доске и отвечай, как извлекать квадратный корень.

Вася (*мямлит*): Ну... это... как извлекать...

Учительница: Вот я и спрашиваю, как извлекать.

Кто-то на последней парте надрывисто хохочет.

Леша: Вась, дать этому придурку в репу? Нельзя позволять над собой глумиться.

Вася: Да ладно, а то родителей опять в школу вызовут.

На перемене:

Леша: А я свою сестру однажды голой видел!

Вася: Врешь!!!

Леша: Она в постели валялась, у нее ночнушка до пояса задралась.

Вася: Держи карман шире. Так я тебе и поверил.

Учительница: ...поэтому самые достойные из класса будут приняты в ряды Всесоюзного Ленинского комсомола. Каждый комсомолец должен хорошо учиться и вести общественную работу.

Вася появляется дома с комсомольским значком на лацкане.

Мать: Поздравляю тебя, родной.

Вася: Комсомол – ерунда. Вот вступительные экзамены скоро...

Отец (*с кровати, слабым голосом*): Сдал, да?

Вася: На все четверки.

Отец: Молодец.

Смотрит в потолок.

Мать (*утирая слезы*): Остались мы без отца, сынок.

Вася: Зато в институт с первого раза поступил.

Леша: Мы, тетя Наташ, вместе в один институт поступили. Вам Вася, наверное, рассказывал уже?

Вася: А то.

Делает резкое движение, чем привлекает внимание профессора.

Профессор: Студент, не болтайте. Отчего вы так невнимательны на лекции? Плохо по ночам высыпаетесь? У вас бессонница?

В аудитории смехи, а одна из девушек краснеет.

Вася: Ты чего? Не будь недотрогой.

Пытается поцеловать ее.

Девушка: Давай не сейчас.

Вася: Почему не сейчас? Чем сейчас хуже, чем потом? Нет уж, давай сейчас, коли на то пошло. Тут дело принципа.

Девушка: Мне домой пора.

Это другая девушка. Третью Вася уже не спрашивает, а со словами...

Вася: Ты перед кем ваньку валять надумала, подруга? Хлебни портвейна и раздевайся догола. Зря я тебя до дому провожал, что ли?

...укладывает в кровать.

Леша: Ловко ты девчонок умеешь цеплять! И все такие ядреные, только с грядки.

Вася: Черчение бы с сопроматом свалить, тогда загудеть понастоящему можно было.

Леша: О распределении думал?

Вася: Нет еще.

Леша: У меня дядя в министерстве работает, к себе после окончания института зовет. Хочешь со мной? Он заявку на двух молодых специалистов в деканат пришлет.

На жизненной сцене появляется Лешин дядя Владимир Петрович, приветливый министерский работник в роговых очках.

Владимир Петрович: Вы, Алексей и Василий, молодые специалисты. Надеюсь, проявите себя в нашем коллективе с лучшей стороны. Тем более, что у тебя, Василий, теперь и семья имеется.

Вася: Ну да, дочке год только.

Жена: Да не год, а полтора, балда (*поправляет его жена*)...

Дочь: Хочу ням-ням.

Владимир Петрович: ...и мать у тебя, слышал, умерла недавно.

Вася: Она болела долго.

Владимир Петрович: Учитывая эти обстоятельства, а также твою, Вася, всегдашнюю великолепную исполнительность, поздравляю вас, Василий Дмитриевич, с назначением начальником отдела. Чем-то вы нашему министру приглянулись.

Вася: Повезло (*оправдывается довольный Вася*).

Жена: Надо поскорей дачу отремонтировать. Я и по поводу стройматериалов разузнавала уже...

Вася: А то...

Занимаются любовью.

Жена: Мне пора. Ребенка из школы забрать нужно.

Поднимается с кровати, запахивая халатик.

Вася: Как знаешь.

Трахает своего референта Веронику, тоже весьма миловидную и достойную женщину.

Вероника (*закатывая глаза*): Ой-ой-ой... Аааааа!

Возвращается жена.

Жена: Не могу сказать, чтоб я от твоего блядства была в восторге!

Вероника: Да и мне оргазм изображать надоело (*вдруг проявляет характер дотеле бессловесная любовница*).

Но к этому времени Вася уже уважаемый человек, начальник управления.

Он знает, как обращаться с людьми, поэтому отмахивается от двухсторонних женских попреков со всей возможной снисходительностью и рассудительностью:

Вася: А вас, дуры, никто не спрашивает. Радуйтесь, что муж и любовник уважаемый человек, в министерстве на хорошем счету.

В результате чего все остаются на местах.

Жена: А что там Владимир Петрович (*вспоминает как-то жена, сидя перед телевизором*)? Давненько о нем не слышала.

Вася: На пенсию в прошлом году спровадили.

Жена: А Леша?

Вася: Леша? Какой еще Леша? Ах, Алексей!

Вспоминает и раздражается самым длинным в этом одноактном произведении монологом.

Да пошел он, этот Алексей, к такой-то матери! Разве я виноват, что у него с карьерой не заладилось? Я, что ли, страну разваливал? Посмотри, что вокруг делается. На улицах грязь, цены вверх ползут, как ненормальные. Не знаю даже, что с нашим министерством будет. У меня, вон, печень покалывает.

Хватается за печень, которую как раз прощупывает доктор.

Доктор (*закончив осмотр*): Это у вас, батенька, не печень, а поджелудочная железа. Но конечно, острого и соленого умеренней употребляйте, а то и с печенью та же петрушка начнется. Да и с алкоголем пора завязывать.

Вася: Сколько с меня за консультацию?

Доктор: Триста.

Из-под докторской подмышки высовывается голова пронырливого снабженца из главка Игната Игнатовича. Снабженец явно на что-то намекает.

Игнат Игнатович: А на круг у вас, Василий Дмитриевич, сколько выходит?

Вася: Полторы.

Игнат Игнатович (*шепчет*): Будет десять, а может, и больше. Давайте собственный кооператив организуем. Капусты конкретно нарубить можно. Понимаете, о чем говорю? Вы продвижение организуете, я текущие связи отрабатываю.

Вася: Можно попробовать.

Жена: Ну-ну (*замечает жена*).

Вася: Ты мне не нунукай, стерва (*взрывается от ее хамского поведения Вася*). Для кого, по-твоему, я это делаю? Ты меня спрашивала, на какую премию квартиру пятикомнатную купили? В Англию летали? А на какие шиши ты по соляриям и ночным клубам мотаешься? Подсчитывала, каких это бабок стоит? А какая у меня официальная зарплата, тебе известно?

Трахает Веронику, хотя без прежнего энтузиазма.

Жена: Блядовать меньше надо. У тебя дочь взрослая почти. Чему она у отца научиться может?

Вася: Вот сука! (*Впрочем, это он о жене*).

В этот момент лечащий доктор, после одного из рядовых обследований, заявляет:

Доктор: Вам, батенька, неплохо стационарно обследоваться. Поджелудочная железа в изношенном состоянии, да и нервишки подлечить не мешает.

Дочь: Пап, мне деньги нужны (*теребит дочь*). У меня жених в Англии намечается.

Вася: Угу.

Жена: Отстань от него, дочка. Отец ложится в больницу, у него служебные неприятности.

Игнат Игнатович: Ничего себе неприятности! Уже и уголовное дело завели.

У Васиной больничной койки возникает следователь.

Следователь (*загробным голосом*): Если вы, Василий Дмитриевич, лично не явитесь в прокуратуру, пеняйте на себя. Не считайте, что в прокуратуре люди глупее работают, чем в вашем уважаемом министерстве. Вы не представляете, какие влиятельные силы в вашем уголовном деле заинтересованы. На каталке, если нужно, на допрос повезем. Ваш заместитель в эту минуту дает признательные показания.

Вася: Мне дурно.

На этаже паника.

Персонал: Капельницу! Валидол! Скальпель!

Следователь (*продолжая вопросительно маячить у изголовья*):

Как он себя чувствует?

Доктор: Очень плох.

Следователь: Надеюсь, надеюсь... Иначе... *К мужниной груди припадает жена.*

Жена: Вася, ты меня слышишь? Немедленно прийди в сознание и подпиши бумаги о переводе зарубежной недвижимости на мое имя.

Пора, наконец, и о семье подумать.

Дочь смотрится в зеркальце.

Дочь: Мам, через сколько недель после похорон свадьбу прилично играть?

Вася: Уа... уа...

Дочь: Понимаешь, о чем он говорит?

Жена: Нет.

Вася: Уа... уа...

Умирает.

Следователь (*с неподдельной горечью*): Эта трагическая кончина полностью меняет взгляд прокуратуры на уголовное дело, открытое в связи со злоупотреблениями в министерстве. Со смертью Василия Дмитриевича оно становится бесперспективным.

Жена: Ну вот, хлопочи теперь!

Безутешно рыдает.

Дочь: Интересно, что отец пытался сказать перед смертью.

Забвение

Остров покойников

Сцена 1

Душный августовский день. Остров посреди реки, густо заросший ивняком.

Вдали, на том берегу – город, от которого приплыла причаленная к острову лодка. Компания, из трех парней и двух девушек, расположилась у костра.

Гера: Обожаю экспромты.

Хрюк: Почему?

Гера: Экспромтом всегда удачней выходит. Никто ведь предварительно не договаривался на сегодня... однако же пересеклись пути-дорожки. Витёк на малой родине случайно оказался, и не просто оказался, а с подходящим для пьянки поводом – днем рождения. Что дало возможность собраться старой школьной компанией и отпраздновать. Да еще Маринку по пути случайно подобрали, это ли не экспромт? Никто же не думал, что она в городе – ей не звонили даже.

Маринка (вздыхая): Присмотрю хоть за вами, а то напьетесь, как черти. Помните, как витрину на стадионе разбили?

Гера: Да, Витёк тогда отличился.

Хрюк: Х-хе... А здорово я через забор от ментов ломанулся?

Гера: Незабываемое зрелище. По-моему, тот несчастный забор до сих пор не отремонтирован.

Маринка: Дети, вылитые дети.

Раскладывают по целлофановой скатерти закуску.

Хрюк: Эй, Колдобина?

Колдобина (не очень красивая и оттого вечно грустная девушка): Чего?

Хрюк: Режь скорей колбасу, а то хрюкнуть хочется.

Колдобина: Да режу я, режу.

Маринка (неодобрительно): Ишь, какой нетерпеливый!

Гера: Между прочим, нетерпение при принятии спиртных напитков на грудь является начальным симптомом алкоголизма. А ты, Хрюк, когда ноешь, чтобы быстрее разливали, наверное, и не думаешь о хроническом недомогании?

Хрюк: Так я тебе и поверил насчет алкоголизма. (Жалобно). Все равно, водкой надо было затариваться больше.

Колдобина: Красотища кругом какая... (С затаенной надеждой). Правда, Витя?

Витёк (с неподражаемой пофигистской интонацией): Чего?

Колдобина: Может, искупаемся?

Витёк: Отвянь.

Колдобина: Что, никто не пойдет?

Хрюк: Без сугрева нельзя.

Маринка (качая головой): Одно слово – Хрюк.

Колдобина: Тогда как хотите.

Уходит купаться.

Хрюк: Колдобина, колбасу не дорезала!

Маринка: Чего вы к ней прицепились? Я дорежу.

Гера (задумчиво): А ты, Витёк, значит, не купаешься...

Витёк: Подначиваешь?

Гера: Она ж ради тебя старается. Нормальная девчонка, в течение долгих лет оказывает недвусмысленные знаки внимания. Как именинник, обязан проявить снисхождение к редкой в наше время девичьей преданности. Или сердцу не прикажешь?

Витёк: Мне Колдобина по фигу. Распустила тела – думает, я на нее поведусь.

Гера: Ну понятно.

Маринка: Зачем тогда на пьянку пригласили?

Витёк: Под руку подвернулась. Ирка замужем, Савельева в отъезд де, Чугункова в залете. Надо колбасу кому-то резать?

Маринка: Готово, горе-кавалеры.

Хрюк (*потирая руки*): Ну, по первой хрюкнули?

Гера: Потерпи немного, хронический. Вон Колдобина уже из воды вылезает, вытряхивая воду из ушей, словно античная богиня.

Маринка: Тьфу ты, Господи...

Хрюк: Жду.

Витёк: А мне некогда.

Лихо опрокидывает в себя полный до краев стаканчик.

Хрюк (*возмущенно*): Э, э, Витёк... Полегче на поворотах.

Витёк: Спокуха! Я же сегодня и проставляюсь, не забывайте.

Заполняет опустевшую емкость и подмигивает. Никто ничего не видел.

Хрюк (*с досадой*): Т-товарищ, называется... Если сам собрался всю водяру выжрать, нечего было зазывать.

Колдобина: Мальчики, а вот и я.

Появляется, освеженная.

Витёк (*подхватывает обещающим скабрёзность тоном*): А вот и...

Маринка: Витёк, без пошлостей.

Витёк: Спокуха!

Хрюк (*с пластмассовым стаканчиком в руке*): Погнали, погнали.

Колдобина: Твое здоровье, Витя. С днем рождения!

Маринка: Желаем окончить Медицинский институт с красным дипломом.

Гера: Хе, с красным... с обыкновенным, и то неплохо.

Витёк: Сделал дело...

Выпивают.

Хрюк: Между первой и второй...

Заполняет опустевшие емкости, после чего отбрасывает пустую бутылку в кусты.

Гера: Все недосуг было спросить. Чего это, Витёк, тебя в нее – в отечественную медицину то есть – потянуло? Ты что, в детстве любил мышам из зооуголка клизмы прописывать?

Витёк: Обожал.

Гера: Тогда понятно.

Пьют.

Я бы, к примеру, в Медицинский ни за что не пошел, если бы меня в него даже на аркане тащили, если бы вся Академия медицинских наук на коленях умоляла: поступите, уважаемый Герман Анатольевич, в наше учебное заведение! Нет, ребята, ни за какие коврижки. Что ни говори, а медицина – это ужас на колесиках!

Хрюк: Почему на колесиках?

Гера (*пространно*): Ну как тебе объяснить, Хрюк...

Маринка: Гера намекает на каталку, на которой отвозят больных или умерших.

Хрюк: Слышали? Прикольно Гера сказал. Медицина – это ужас на колесиках!

Хохочет, хлопая себя по бокам.

Колдобина: Ну что вы, мальчики? Медицина – благородное занятие. Спасать человеческие жизни...

Гера: Когда спасать, а когда и... Животы резать – занятие на любителя.

Витёк: Да, резать! Да, животы! Да, на любителя!

Хрюк: У меня соседка...

Гера: Что соседка?

Хрюк: Сломала ногу. Сложный перелом, а ей в больнице говорят: мест нет, а если не верите – идите и судитесь. Еле упростила домой отвести на «Скорой». Потом у нее – из-за того, что укола вовремя не сделали, – воспаление на ноге образовалось. Так и умерла, через две недели.

Разливает по стаканчикам.

Жалко, хорошая была соседка. Я с ней все время здоровался.

Витёк (настойчиво): Я выучусь на хирурга.

Гера: Это-то меня и беспокоит. Тебе, Витёк, в самом деле нравится вспарывать животы?

Неутомимый Хрюк в это время разливает и разливает.

Витёк: Нравится! Хирург должен уметь резать...

Хватает кухонный нож, которым резали колбасу, и имитирует – довольно искусно – проникновение скальпелем в брюшную полость.

Ц-ц-ц-ц... Пш-ш-ш... Чмок-чмок... Я выучусь резать! Я стану хирургом!

Гера: Не расходишь, хирург.

Витёк (не выпуская ножа из рук): Спокуха!

Он уже сильно косой. Хватает с целлофана недопитую бутылку и убегает вглубь острова, откуда слышится утрированно злое: Ре-е-зать!

Хрюк: Чего это с ним?

Достает из пакета следующую бутылку.

Гера: Березу оперирует.

Колдобина: Витя на голодный желудок выпил, а это знаете как на организм действует!

Маринка: Не надо пить, если на голодный желудок действует.

Гера: Медик, тоже мне...

Хрюк: Предлагаю хрюкнуть по этому поводу.

Колдобина: Мальчики, я еще раз хочу поднять бокал, то есть этот пластмассовый стаканчик, за нашего Витю. Он такой талантливый. Он обязательно выучится резать людей, вот увидите.

Из глубины острова слышится залиvistое:

Витёк: Ре-е-зать! Ре-е-зать!

Все смеются.

Гера: Талантливый, нечего сказать... Представляете сцену. Вы чувствуете себя дурно и звоните в «Скорую», которая увозит вас на срочную операцию. И последнее, что слышите на операционном столе перед принятием хлороформа, это Витенькино: «Спокуха!»... *Хрюк хватается за бока и, дергаясь выпадающим из штанов животом, валится на нагретый солнцем песок.*

Хрюк: Уф, уморил.

Маринка: Да уж, веселого мало.

Сцена 2

Солнце садится за горизонт. Город на том берегу реки переливается электрическими фонарями, а посередине острова уже совсем темно. Из кустов слышится душераздирающий вопль:

Витёк: Стой! Стой, сволочь!

Хрюк (*растерянно-удивленно*): Кому это он? Мы все тут.

Гера: Пойди спроси.

Хрюк: Витёк сколько с собой бутылок унес, одну или две?

Оттуда же, из неприветливых кустов, раздаётся:

Витёк: Стой, зверюга мохнорогая! Зарежу!

Хрюк: Он что, действительно охотится? На кого это Витёк охотится, а, Гера?

Гера: На зверюгу.

Хрюк: Какую еще зверюгу?

Гера: Мохнорогую, ты же слышал.

Прислушиваются. Из кустов доносится крик ночного животного.

И это животное определенно не Витёк.

Колдобина (*всматриваясь в темноту*): Мальчики, мне страшно.

Гера: Не дрейфь, Колдобина, рассосется.

Витёк (*издали*): А-а-а!

Слышен шум падения и звуки Витьковой борьбы с окружающей средой.

Гера: юбиляр куролесит... Завелся с пол-оборота.

Маринка: Всегда дурной был.

Хрюк: Пить не умеет.

Колдобина: Мальчики, ну помогите же ему!

Гера: В сумерках? По такому бурелому? Я что, Колдобина, похож на веселого чувака «Мальборо», который, рискуя сломать шею, пробирается с дешевым рюкзачком за плечами по скалистому Эльдорадо?

Колдобина (*отходя от костра метра на три, в темноту, с надрывом*): Витя, Витенька, вернись!

Ночной мрак безответен.

Маринка: Его в самом деле надо вернуть, а то ноги переломает.

Гера: Все не переломает – их у него две. Витьку не впервой.

Колдобина начинает всхлипывать.

Маринка: Прекрати, Евгения. Сейчас кто-нибудь сходит за Витей и приведет.

Гера: Куда идти-то? Он как Фигаро: то тут, то там.

Действительно, треск пробирающегося сквозь бурелом тела доносится уже с другого конца острова.

Хрюк: Предлагаю хрюкнуть.

Разливает водку по стаканчикам.

Маринка: Хватит вам.

Хрюк (*обиженно*): Я ничего, я нормальный.

Хрюкает в одиночку.

Маринка: Если никто не пойдет, я сама Витьку приведу.

Навязались на мою голову, дети неразумные.

Пробирается в направлении кустов, крича:

Витёк! Ты где?

Скрывается в темноте. Слышен ее голос:

Витёк! Витёк! Прекрати дурачиться! Мы уплываем! Если не вернешься, останешься на острове навсегда... как Робинзон Крузо.

Гера: Напрасно она потащилась. Ничего с Робинзоном Крузо не станет. Покуролесит – вернется.

Внезапно поблизости от Маринкина голоса раздается жуткое:

Витёк: Ре-е-зять!

На мгновение все смолкает, даже шелест листьев. Луна заныривает в какую-то черную дыру, образовавшуюся на небе. Троица у костра, притихнув, наблюдает, как от кустов отделяется и, пошатываясь, бредет в обратном направлении фигура. Это фигура Маринки, с торчащим из живота колбасным ножом, отбрасывающим в сторону леса длинную пляшущую тень.

Колдобина: А-а-а!.. Марина!..

Гера: Ни фиги себе!

Хрюк (вскакивает на ноги, возмущенный до глубины души): Ты чего, Витёк, падла, совсем совесть потерял?

Маринка доходит до освещенного костром места и падает на спину.

На губах у нее появляются кровавые пузыри. Рукоятка ножа смотрит перпендикулярно вверх, на выползшую из черной дыры луну.

Колдобина: Марина! Марина!

Гера: Вот это, что называется, неожиданный поворот событий. Кто бы мог подумать, а?

Хрюк: Мне нужно хрюкнуть.

Вскрывает бутылку зубами.

Колдобина (обливаясь слезами): Марина! Мариночка! Тебе больно? Может, ты притворешься? Кто тебя пырнул? Это не Витя? Ты, наверное, сама споткнулась и на ножик напоролась.

Гера: Ага... Или ее зверюга мохнорогая своими мохнатыми копытами пырнула. Тоже бывает.

Хрюк: Закусывать кто будет? Нет? Ну, как хотите...

Маринка стонет, держась за живот. Над ней суетится бледная от ужаса Колдобина.

Гера: Ну все, дохрюкивай и поплыли.

Хрюк: Куда?

Гера: В больницу, куда же еще?

Хрюк: А Витёк?

Гера: А что Витёк? Он приплыл, бедолага. Пусть порезвиться на свободе оставшийся часок-другой. Вставай, будем перегружать тело в лодку.

Колдобина: Мальчики, у Маринки ножик из живота торчит!

Гера: Непорядок. Орудие преступления следует изъять для интересов дознания. Шучу, конечно. Не для интересов дознания, а для удобства транспортировки. Давай, Хрюк, действуй. Я стану Маринку за руки держать, а ты вынимай ножик из живота. А ты, Колдобина, когда Хрюк ножик вытащит, перебинтуешь рану.

Колдобина: Чем?

Гера: Чем-чем. Тряпкой какой-нибудь, а если тряпки нет, полиэтиленовым пакетом.

Хрюк (просительным тоном): А наоборот нельзя?

Гера: Что наоборот?

Хрюк: Чтобы я за руки держал, а ты ножик вынимал?

Гера: Наоборот нельзя – здесь бодрость нужна нечеловеческая. Я столько зараз не выпью, мне здоровье не позволяет. Приступай скорей, толстый, не заставляй одноклассницу мучиться.

Гера хватает слабо стонущую Маринку за руки, а Хрюк выдергивает из ее брюшины колбасный ножик. Вверх бьет струя густой крови. Маринка вскрикивает, злое синеет и затихает. Глаза у нее закатываются.

Колдобина: Марина! Марина!

Гера: Она вообще живая?

Колдобина: Не отвечает.

Хрюк: Может, сознание от боли потеряла?

Гера: Может, и потеряла. Кто знает, где у человека пульс находится?

Колдобина *(не очень уверенно):* На запястье.

Гера: Давай, Колдобина, действуй теперь. Твоя очередь.

Колдобина берет Маринку за начинающую костенеть руку и пробует найти пульс.

Колдобина: Бьется! Бьется!

Гера: Это хорошо.

Колдобина: Только это не у нее бьется, а у меня.

Гера: Сглазили, значит.

Хрюк: Гера, я что-то не понимаю, Маринка вообще живая?

Гера: Похоже, нет.

Колдобина: Ой, мальчики, что же теперь будет? Витя! Витя!

Из темной глубины острова доносится заунывное:

Витёк: Ре-е-зять! Ре-е-зять!

Гера: Здесь медицина, как говорится, бессильна. *(Присаживаясь)*. Кажется, кто-то предлагал хрюкнуть?

Разливают и пьют.

Колдобина: Что же вы сидите, мальчики? Поплыли быстрее.

Гера: Куда?

Колдобина: Как куда? В больницу.

Гера: Зачем плыть в больницу, если пострадавшая благополучно скончалась? Не понимаю.

Хрюк: Посидим еще, то есть? У меня полторы бутылки в заглазнике осталось.

Гера: Кто о чем... Поражаюсь я твоей жизнерадостности, Хрюк. Кажется, все плохо: приятель подался в мокрушники, неопреходованный труп одноклассницы на руках, а ему все нипочем. Полторы бутылки водки в заглазнике позволяют смотреть в будущее с оптимизмом.

Хрюк: А ты против?

Гера: Насколько долговечен твой оптимизм, вот в чем вопрос. Читал я у классика – не вспомнить уже, у какого, – что счастье человеческое коротко. Наше продлится ровно до того момента, как мы, оприходовав последние полторы бутылки водки, с трупом на руках сдадимся властям.

Хрюк: Так это же не мы Маринку ножиком порезали – Витёк порезал?

Гера: Думаешь, Витёк наутро прочухается и со слезами благодарности на глазах признается, кто Маринку ножом пырнул? Ты припомни, припомни, что в то утро было – после того, как он витрины на стадионе поразбивал? Соображал Витёк что-нибудь или не соображал?

Хрюк: Ни фиги не соображал.

Гера: Он наутро маму родную не признает, не то что факт убийства одноклассницы. И на кого, по-твоему, всезнающая прокуратура повесит хладный труп?

Хрюк *(простодушно):* На кого?

Гера: На тебя, толстый.

Хрюк *(уязвленный до глубины души):* А я здесь при чем? Я, когда напиваюсь, лежу смиренно, никого не трогаю.

Гера: Эту версию ты будешь неубедительно излагать, сидя на жестком стульчаке под слепящими лучами прожектора, который направит тебе в глазное яблоко недоверчивый следователь. Маринка-то не подтвердит, что ее Витёк зарезал, а не ты. Дошло?

Колдобина отбегает к кустам, откуда проникновенно кричит вглубь острова, затаившегося и притихшего от ужаса:

Колдобина: Витя! Витенька! Вернись, пожалуйста, я тебя очень прошу!

Гера (*оставившемуся у костра Хрюку*): На Колдобину как на непредвзятую свидетельницу надежды мало... потому как большая любовь непредсказуема. Если с Витьком споется, показать может на кого угодно, хоть бы на тебя. Итого, два голоса против двух – крайне запутанная с точки зрения прокуратуры ситуация. А учитывая твою внешность завязанного громилы, неопределенность социального положения и кровавые отпечатки на орудии преступления...

К костру возвращается зареванная Колдобина.

Хрюк (*смотрит на нее с подозрением. Затем его взгляд автоматически перемещается на бутылку водки*): Мне нужно...

Гера: Хрюкнем, толстый, обязательно хрюкнем за упокой души. Это святое. Но прежде избавимся от трупа.

Колдобина: Как это – не поняла, – от трупа избавимся?

Гера: Ах, это ты, Колдобина?

Иронично всплескивает руками.

Извини, не заметил.

Колдобина (*широко раскрывая глаза*): Ты чего, Гера?

Гера: Я ничего. А ты, Колдобина, чего? Ты, кстати, на сколько собираешься своего Витька посадить? Если лет на пять только, так это убийство по неосторожности, а если на всю катушку – это уже преднамеренное.

Колдобина: Я? Посадить?

Становится жалкой и растерянной.

Гера: Извини, Колдобина, извини за проявленную душевную нечуткость. Ничего с твоим дорогим Витенькой не случится – я позабочусь. (*Хрюку*). Поднимай задницу, толстый, пошли могилу копать.

Хрюк: А потом?

Гера: Потом суп с котом. Не видели мы Маринку и не знаем, куда она делась. Не встречали на улице, и за нами она не увязывалась.

Хрюк: А копать чем?

Гера: В смысле?

Хрюк: Ну, яму чем копать? Лопаты у нас нету.

Гера: Да, признаюсь, тут я угодил впросак. Ладно, уговорил: если лопату захватить не догадались, будем топить. Топить даже надежней.

Колдобина, зажав руками рот, убегает в сторону берега.

Вот, женских истерик нам в решающую минуту не хватало.

Колдобина прибегает, сгибаясь под тяжестью двух кирпичей, обмотанных обрывками веревки. По всей видимости, раньше кирпичи использовались в качестве лодочного якоря.

Колдобина: Они на берегу валялись. Я, еще когда купалась, заметила.

Гера: А я было усомнился в широте женской привязанности. Нет, правду говорят: любовь творит чудеса. Молодец, Колдобина, хвалю – на том свете тебе зачтется.

Привязывает к ногам Маринки по кирпичу.

(*Хрюку*). Поволокли уже.

С трудом волокут труп в лодку.

Хрюк: Кирпичи надо было потом привязывать, в лодке.

Гера: Смотри-ка, Хрюк, дельные мысли, оказывается, и твою волосатую башку посещают. Ты, не помню, куда в свое время поступал?

Не в Инженерно-строительный?

С трудом залезают в лодку. Отталкиваются от берега, и Хрюк садится на весла. Луна заныривает в черную дыру, поэтому Колдобиной, стоящей на берегу, слышны только голоса: звуки на открытой воде хорошо разносятся.

Голос Геры (деловито, как надлежит капитану): Туда, туда держи.

Голос Хрюка: Куда?

Голос Геры: На стремнину.

Голос Хрюка (с детской обидой): Падла, падла Витёк. Проспится, прибью к чертовой матери. Лодку теперь от крови отмывать придется.

Голос Геры: Ничего, отмоешь, толстый. Гребь веселей.

Голос Хрюка (опасливо): А если Маринка... труп, я хочу сказать... ну в общем, тело... за корягу зацепится?

Голос Геры: Лишь бы не всплыло.

Голос Хрюка: С кирпичами, это Колдобина хорошо придумала.

Голос Геры: Гребь, не отвлекайся. Как на стремнину выплывем, сразу бросать будем. На стремнине глубина подходящая.

Голос Хрюка: Гера?

Голос Геры: Аюшки?

Голос Хрюка (еле слышно): А если... Маринка... еще живая?

Голос Геры (притворно разочарованным тоном): Ну наконец-то, догадался! Вставай, Маринка, вставай, боевая подруга! Нашему розыгрышу пришел конец – проницательный Хрюк обо всем догадался.

Молчаливые шлепки весел о воду.

Теперь убедился, фома неверующий? Не бойсь, не воскреснет.

Еще шлепки.

Голос Хрюка: Здесь, что ли? Течение вроде быстрое.

Голос Геры: Здесь, здесь. В этом живописном омуте наша бывшая одноклассница найдет последнее пристанище. Она была хорошим человеком, с ненасытной жадой материнства, которая в конце концов ее и угробила. Зачем, зачем Маринка полезла останавливать психически неуравновешенного, вооруженного кухонным ножом медицинского работника, как будто это какой-нибудь несовершеннолетний сопляк, заигравшийся в песочнице? Это была непоправимая, приведшая к фатальному исходу ошибка, за последствия которой мы скорбим и отдуваемся. Принимай за ноги, толстый.

Голос Хрюка (очень испуганный): Гера, у нее туфля свалилась.

Голос Геры: И?..

Голос Хрюка: Может, один кирпич к туфле привязать, чтобы туфля тоже утонула?

Голос Геры: А что, несостоявшийся инженер-строитель, хвалю: принимай поздравления за техническое новаторство. Однако туфлю разрешаю выкинуть без кирпича. В качестве неопознанного водоплавающего объекта.

Голос Хрюка (с еще большим испугом): Я лучше обратно на ногу нацеплю.

Голос Геры: цепляй скорей, толстый, лодку течением сносит.

Голос Хрюка: Так что ли?

Голос Геры: Бросаем на раз-два-три. Раз... *Ритмическая пауза.* Два...

Вторая ритмическая пауза.

Три...

Голос Хрюка: А!

Голос Геры: Лодка, мать твою!

Колдобина смутно различает, как одна из фигур в лодке поскальзывается и, неловко взмахнув руками, переваливается за борт вслед за безжизненным Маринкиным телом. Облегченное судно на радостях черпает другим бортом, стряхивая с себя оставшуюся тщедающую фигуру, после чего, свободно разметаив по воде весла, уплывает.

Колдобина: Мальчики! Мальчики!

Нет ей ответа. Река, несущая стремительные ночные воды, в этот момент страшна и пустынна.

Сцена 3

В какое-то непонятно какое неопределенных размеров помещение втискиваются две суматошно барахтающиеся фигуры: помельче – Геры, помассивней – Хрюка. Вокруг какие-то люди, напоминающие тени, какая-то теневая очередь, в общем черт знает что. Последней в очереди – девичья фигура с дыркой в животе. Это, несомненно, Маринка.

Но как она здесь оказалась и почему смотрит на приятелей с акцентированной неприязнью? Тоже непонятно.

Маринка: Чего-то вы быстро.

Хрюк: Ай!

Гера (Маринке): Ты здесь откуда? Перестаю осознавать происходящее.

Прекращает барахтанье.

Маринка: Оттуда же, откуда и вы. Сволочи! Предупреждала по-хорошему: не напивайтесь, как свиньи. А теперь что?

Плачет.

Мама этого не переживет.

Гера: Не понимаю. Что это такое? Мы же...

Хрюк: Гера, как это?

Гера: Так мы...

Маринка: Вот именно.

Гера: Неужели это правда? (*Восторженно*). Нет, я, конечно, всегда уважительно относился к религии, особенно после того, как на нее официальные гонения прекратились и за посещение церкви из комсомола выгонять перестали... Но чтобы такое... наяву... Признаюсь, на жизнь после жизни не рассчитывал – современная медицина меня об этом не предупреждала.

Хрюк: На что не рассчитывал, Гера?

Гера: Хрюк, поздравляю, мы в загробном мире.

Хрюк (огорчаясь): Разве мы умерли?

Гера: Несомненно, умерли – и все из-за тебя, толстый. Надо же оказаться таким неуклюжим: перевернуть лодку.

Маринка (продолжая всхлипывать): Так вы утонули, сволочи? Я сначала подумала, Витёк и вас порезал.

Хрюк: Мы...

Гера (быстро): Повезли тебя в больницу, но лодка опрокинулась.

Мы с Хрюком приказали долго жить.

Маринка: Все из-за водки проклятой. Напились зачем-то...

Хрюк: Гера, Гера, посмотри – я летаю!

Действительно, летает.

Гера: Прямо мотылек.

Хрюк порхает по сектору, в которой находятся они с Маринкой, и даже выпархивает в смежные сектора, где ожидают очереди другие обитатели загробного мира. Внезапно очередь слаженно передвигается в направлении двери, за которой находится... Что находится за дверью, неизвестно.

В загробном мире неизвестного еще больше, чем на земле.

Хрюк: Ух ты!

Кувыркается в воздухе.

Гера (Хрюку): Эй ты, порхающая бегемотина, далеко на всякий случай не отлетай! Мало ли что – место все-таки незнакомое. (*Маринке*). Слышь, Марин, а что это за дверца?

Маринка: Понятия не имею.

Гера: Народ что говорит?

Маринка: Ничего.

Гера: Так ты, подруга, ни с кем не общалась?

Маринка отрицательно мотает головой. Гера разглядывает очередь, что-то прикидывая, когда ему на голову приземлится повеселевший Хрюк.

Хрюк: Посадка завершена успешна!

Гера: Чуть шею не сломал, толстый.

Хрюк: Здесь ничего не сломаешь, Гера. Мы же на том свете!

Мы в раю!

Садится на пол с блаженной улыбкой, означающей конец земным страданиям и огорчениям. Через минуту с непоследовательностью примитивного существа спрашивает:

Мы здесь надолго?

Гера: Навеки.

Блаженная улыбка сползает с губ Хрюка. На незамысловатое чело ложится печать отрешенности.

Хрюк (доверительным тоном): Гера, я хочу хрюкнуть.

Гера: Технически невозможно. Сам соображать должен, толстый, все-таки несостоявшийся инженер-строитель... Нет, я сочувствую твоим мучениям: вечность без выпивки – так ведь и с ума сойти недолго. Кстати, в самом деле не понимаю, где обещанные райские кущи, нектар, флейтисты, нагие гурии, возлежащие на благоухающих подстилках из живых цветов...

Маринка (ворчит): Нагих ему подавай! Скажи спасибо, одетые есть.

Гера: Спасибо, конечно, но...

Очередь снова приходят в движение: кто-то исчезает за дверцей, тогда как на противоположном конце очереди с легким хлопком добавляются новопредставленные души. Сначала умерший с непривычки стонет и мечется, не осознавая, куда попал, но старожилы что-то ему объясняют, и новичок затихает, прекращает паниковать, успокаивается, словно ожидая чего-то... Не дальнейшего ли поворота судьбы?

Хрюк (печально): Как часто люди умирают.

Гера: А ты думал?

Пробует взлететь и взлетает.

Пойду полетаю, подышу свежим воздухом. А вы сидите тихонько, как мышки. Не шелокнитесь, никуда не ходите.

Хрюк: Куда отсюда уйдешь?

Маринка: Нажрались, сволочи... Лучше бы я вас не встретила.

Размазывает слезы по щекам, вспоминая прошлую жизнь.

Сцена 4

В надежде получить информацию, Гера устремляется в начало очереди.

Сходу минует несколько малоинтересных групп – в основном, уродливых стариков и старух в больничных пижамах, – пока не останавливается напротив своеобразного зрелища: развороченных взрывчаткой вьетнамцев с вещевого рынка. Один из вьетнамцев держит в руках голову – сложно разобрать, свою или чужую.

Голова вьетнамца (видя Геру, приветливо ему улыбается): Все хоросе... Все хоросе...

Гера: Нет, у этих ни черта не разумеешь.

Перелетает к двум выясняющим отношения личностям – как сразу становится понятным, водилам.

1-й водила: Ты зачем, сука, меня подрезал? Зачем подрезал, спрашиваю?

2-й водила: Меня самого, урод, с внешней стороны подрезали. Если бы я вправо не вывернул, меня бы фура в лепешку разнесла.

1-й водила: А так не в лепешку, придурок?

Гера: Э, мужики... Случайно что-нибудь о здешних порядках не слышали?

1-й водила: Скажи, парень, ну не запахло подрезать, когда по левой полосе «Ауди» сто восемьдесят выжимает?

2-й водила: Ты, мудила с Нижнего Тагила...

Гера, плюнув, устремляется дальше. Пожилая женщина сидит погруженная в себя, сложив руки на коленочках, и просветленно улыбается.

Гера (вежливо): Здравствуйте.

Пожилая женщина: Здравствуй, сынок.

Гера: Давно здесь загораете?

Пожилая женщина: Часика полтора, как преставилась, спаси Господи и помилуй. Внучонка жалко, без бабушки остался... Тебя как зовут, сынок?

Гера: Германом.

Пожилая женщина: А моего внучонка – Володенькой. Только он помладше тебя будет.

Гера: Случайно не знаете, что за той дверью?

Показывает на дверь, в которую как раз залетают дождавшиеся очереди души. Одна из душ пытается улизнуть, однако насильно втягивается внутрь. После чего дверь наглухо захлопывается.

Пожилая женщина (увлеченно): Володечка у меня в четвертом классе учится, а второй внучок, Степochка, от Людмилы – совсем еще махонький...

Гера (теряя терпение): Бабушка, за чем стоим, не интересовались?

Пожилая женщина (с лучезарной улыбкой истинно сумасшедшей): Ты, сынок, не расстраивайся: все, все там, то есть здесь, будем. У меня знакомая, у ней тоже сынок от ветрянки помер. В институт поступил и сразу помер. Вот и мое времечко пришло, только Володеньку со Степochкой жалко, больно славные ребятишки получились. Понянчить их до окончания школы хотелось, да видно, не придется теперь...

Гера, оставляя бесполезную старуху за спиной, с расстройства минует несколько перспективных душ, приземляясь у следующей, кажущейся на первый взгляд не такой перспективной. Отдельно от всех – в полном одиночестве и прострации – дожидается очереди небритый мужчина в тренировочных штанах.

Гера (с досады не так вежливо): Привет.

Мужчина в тренировочных штанах (неожиданно внятно, даже разумно): Здравствуйте, молодой человек.

Гера: От цирроза печени скончались?

Мужчина в тренировочных штанах: От цирроза.

Гера: Как вам в раю? Не дует?

Мужчина: Здесь сквозняков нет...

Гера взлетает.

Только вы ошибаетесь: это не рай.

Взлетевший было Гера тормозит на полном ходу.

Гера: Так-так-так... А что это за место, по-вашему?

Мужчина (*подтягивая спадающие тренировочные штаны*): Это распределитель.

Гера: Распределитель чего? Ах, да, догадываюсь... Но вам доподлинно известно, что распределитель?

Мужчина: А по-другому быть просто не могло.

Гера: Почему так?

Мужчина: Долго объяснять. Вы, позвольте спросить, читали мои «Начала темной и светлой сторон бытия»?

Гера (*удивляясь*): Нет.

Мужчина: А мою «Экуменистическую теодицею с двенадцатью примечаниями»?

Гера: Увы-увы, позорная необразованность. Не читать не только вашу «Экуменистическую теодицею», но и ни одного из двенадцати примечаний к ней! Стыдно признаться, но в последнюю минуту подписался на полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. Денег на вторую подписку элементарно не хватило. Но может быть, вы мне сейчас все растолкуете – если, конечно, не торопитесь?

Мужчина (*подтягивая штаны*): Начать с того, что имманентным эквивалентом трансцендентальности до-бытия и после-бытия является чистая субстанциональность, которой, в идеалистическом смысле, противостоит трансцендентная интеллигибельность...

Гера: У меня, видите ли, реальное экономическое образование.

Вас не затруднит пообщаться на более конкретные темы?

Мужчина: Конкретное – специфическое проявление всеобщего.

Очередь движется.

Гера: Полностью вас поддерживаю. Однако, если я правильно ухватил вашу мысль, после изъятия из распределителя, то есть после попадания вон в ту дверцу (*тыкает пальцем*), нас всех куда-то распределят?

Мужчина (*взглядывая на дверной проем, втягивающий в себя очередные души*): В то место, которое по христианской теологической традиции именуется адом и раем...

Гера: Ага.

Мужчина (*подтягивая штаны*): Вплоть до Страшного суда.

Гера: Короче, надолго. Ясненько. Вы мне не поясните, каким образом происходит распределение?

Мужчина: По итогам прошедшей жизни, разумеется.

Эзотерика довольно единодушна в том, что касается положительных и отрицательных качеств человека: не укради, не возжелай жены ближнего, не убий...

Гера (*хмурится*): Не убий, вы сказали? А как насчет убийства по неосторожности или, скажем, сокрытия улики? Представим гипотетическую ситуацию: один приятель убил по неосторожности, а другой приятель – из чисто дружеских побуждений, естественно, – помог скрыть улики.

Мужчина: Это вряд ли приветствуется.

Гера: И у людей, виновных в подобных проступках, шансы угодить в ад?

Мужчина: Безусловно, хотя их страдания окажутся несоизмеримы со страданиями тех, кто убивал сознательно. Слышали про ступени ада? Не поручусь, конечно, за каждый отдельный случай – все решают праведники.

Гера: Стоп-стоп-стоп. При чем здесь праведники? Какие такие праведники? Разве распределение происходит не решением (*показывает пальцем вверх*)... ну, его... (*смуцинно откашливается*)... Создателя всего сущего...

Мужчина: Вы, молодой человек, путаете Страшный суд, осуществляемый Демиургом, с предварительным распределением в рай и ад, выполняемым праведниками. Предварительное слушание осуществляется праведниками, назначаемыми Демиургом.

Гера: Понимаю, понимаю, это вроде присяжных заседателей. Большая загруженность Демиурга текущей работой: создание там новых миров, починка старых... И что же, эти назначенные праведники прокрутят нашу жизнь, решая, кому уготованы вечные муки, а кому блаженство?

Мужчина: Скорее, они будут основываться на наших же показаниях. Праведники – превосходные физиономисты, по ответам способные распознать чистоту души, требуемое для нее местопребывание.

Гера: Они будут задавать вопросы, а мы отвечать? Что-то вроде экзамена?

Мужчина: Почему нет? Философский принцип «все во всем» позволяет реконструировать целое по самой малой его части. Праведнику достаточно выслушать рассказ, к примеру, о вашей кончине, чтобы понять, с кем имеет дело. Именно поэтому – заключаю хотя бы из того, что в дверь втягивается одновременно несколько душ, – слушание происходит одновременно для нескольких человек, связанных общими причинами жизни и смерти. Так проще установить объективную картину.

Гера: Рядом с вами никого нет...

Мужчина (*подтягивая штаны*): Потому что – на кой ляд они мне сдались? Имманентным эквивалентом трансцендентальности до-бытия...

Гера: Да, да, я понял. А скажите, пожалуйста, разве наша жизнь не записывается на небесах? Ну, вроде как на катушку или жесткий компьютерный диск?

Мужчина: Да где же столько компьютерных дисков взять, чтобы на них вся информация о мироздании поместилась?

Гера: До свидания, вы мне очень помогли.

Мужчина трогает недельную щетину на подбородке и подтягивает тренировочные штаны. Потом впадает в задумчивость, заставляющую окружающий мир эманировать в чистой интеллигбельности. Кому-то может не понравиться, а автору «Начал темной и светлой сторон бытия» и «Экуменистической теодицеи с двенадцатью примечаниями» – самое оно.

Сцена 5

Гера возвращается, переполненный впечатлениями.

Хрюк: Почему так долго?

Гера: Общался с полезными людьми. Знаешь, Хрюк, какая занятная картина вырисовывается? Это не рай, а всего лишь распределитель, причем распределение будет осуществляться некими назначенными Демиургом праведниками. Праведники допросят нас об обстоятельствах гибели и, основываясь на ответе, распределят в ад или в рай. Но не навсегда – только до Страшного суда. А вот на Страшном суде держись: выносить решение будет лично Демиург.

Хрюк: А кто такой Демиург, Гера?

Маринка: Это все равно что Бог.

Гера: Точно.

Хрюк: И если я плохо себя вел, я попаду в ад?

Гера: Ага.

Хрюк заметно раскисает, бормоча:

Хрюк: Зачем же в ад? Мне и тут нормально...

Маринка: Жалко, Витёк вместе с вами не утонул. Идиот проклятый!

Вытирает слезы. В это время несколько неожиданных слезинок скатываются и по толстым щекам Хрюка.

Гера (оторопело): Хрюк, ты чего?

Хрюк: Теперь я попаду в ад. Знаешь, Гера, я никому не рассказывал, это давно было. Я тогда маленький был, ходил в детский сад и там подружился с одной девочкой по имени Катенька. Мы с Катенькой очень крепко дружили, играли в кубики и на прогулках вместе держались. И вот однажды в нашу группу из другого детского садика перевели мальчика по имени Виталик. Я с Виталиком тоже подружился, но однажды – на второй или на третий день нашей дружбы – новый друг спросил меня, зачем я вожусь с девчонкой. Я ответил: «Ну и что, что вожусь?». А Виталик сказал, что мальчику водиться с девчонкой нельзя, потому что над ним будут смеяться. Я послушался Виталика, и когда Катенька подошла ко мне с лопаткой в руке – наверное, хотела поиграть в кулички, – сильно ее толкнул, так что Катеньку упала в песочницу.

Гера: И что?

Хрюк: Я вот сейчас думаю: зачем я толкнул Катеньку в песочницу? Если бы мне сказали, что я попаду за это в ад, я бы не стал толкаться.

Гера: Таких закоренелых грешников, как ты, Хрюк, еще поискать!

Хрюк: Потом, правда, Катенька поднялась на ноги и ударила меня лопаткой по лицу. У меня все лицо оказалось залито кровью, пришлось двенадцать швов накладывать. Правый глаз после этого плохо видит. Но все равно, я ведь первый Катеньку толкнул. Если бы я не послушал Виталика, не пришлось бы мне теперь гореть в аду. Как ты думаешь, а?

Гера: Жуткая история.

Поблизости раздается легкий хлопок.

Хрюк: Гера...

Маринка (всхлипывая): Еще кто-то умер.

Гера: Снова перестаю что-либо понимать. Мужик в тренировочных штанах сказал: рядом находятся души, связанные обстоятельствами общей гибели. Кто к нам в гости пожаловал?

Из темноты земной жизни кто-то к ним направляется. Гера, Хрюк и Маринка, ничего подобного не ожидавшие, наблюдают, затаив дыхание.

Это же...

Душа приближается и оказывается их старым знакомым Витьком.

Хрюк: Ты?

Гера: Витёк, старина, и ты здесь? Сколь радостно среди толпы народной встретить соратника по учебе!

Витёк: А? Что?

Гера (*показывая остальным на колбасный нож, торчащий из Витькова живота*): Батюшки, тот самый, которым Маринку зарезали. Да что же это такое делается сегодня, прямо какая-то ночь длинных ножей! Кто же тебя так, бедолага, ведь на острове никого из посторонних не было? Неужели Колдобина? Догадываюсь, догадываюсь. Слабые девичьи нервы не выдержали эмоционального перенапряжения, и Колдобина с криком: «Все кончено, Витя, любимый!» – пронзила тебя кинжалом.

Витёк: Я, когда очухался, смотрю: кругом лес. Пошел вас искать. Гляжу, Колдобина у костра сидит и горько так, безутешно рыдает. Дай-ка, думаю, ее попугаю, а то больно грустная. Подкрался потихоньку со спины, как шутки ради обхвачу ее за плечи, как заору во весь голос...

Гера: Да, представляю радость Колдобиной от такой шутки.

Витёк: ...а эта дура возьми, да и ударь меня ножом в живот, зараза. Совсем сбрендила. От неразделенной любви, что ли?

Гера: Или шутка показалась слишком остроумной.

Маринка: Убийца! Убийца!

Бросается на Витьку, пытаясь дать ему пощечину.

Витёк (*очумело*): Ты чего, Марин?

Маринка: Ты хоть помнишь, что сделал, чучело? Ты же меня зарезал!

Витёк: Я? Тебя?

Гера (*Хрюку, с печальным философским осознанием собственной правоты*): Теперь понял, толстый, отчего с прокуратурой связываться не стоило? Я сразу предупредил.

Хрюк: Ну, не знаю... Так, что ли, лучше получилось?

Маринка (*Витьку*): Меня! Меня зарезал! Это, по-твоему, кто сделал?

Показывает на кровоточащую дырку в животе, аналогичную Витьковой.

Витёк: Спокуха! Меня самого чуть не пришили.

Маринка: Ах ты...

Снова бросается на Витьку.

Гера: Полегче, полегче, однокашники. Разумеется, Маринка недовольна поведением Витьки, однако Витёк тоже свое получил, и напрасно он подчеркивает: чуть не пришили. Пришили, пришили, Витёк, и тебя тоже за милую душу...

Витёк: Колдобина ненормальная. (*Трогая живот*). Спасибо, уже не болит – вот что значит алкогольная анестезия.

Гера: Какая там анестезия? Ты что, Витёк, не протрезвел еще? Колдобина тебя по-настоящему пришила. Ты вместе с нами находишься на том свете.

Витёк: Хм.

Гера: Вот тебе и хм.

Витёк: Спокуха!

Гера: Вот тебе и спокуха.

Витёк: Допустим, я пришил Маринку, а меня пришила Колдобина. А вас-то с Хрюком кто пришил, в толк не возьму?

Гера: Мы утонули, когда везли Маринку в больницу. Но дело не в этом, а в нашем текущем положении, которое, скажу откровенно, аховое. Поясняю специально для Витьки. Мы находимся в распределителе того – нет, теперь уже этого – света и в ближайшее время будем перераспределены, кто в рай, а кто, из числа недостойных, прямиком в ад. Распределение будет осуществляться праведниками на основе совместных показаний. Как покажем, туда и распределимся. Понятно?

Витёк: Спокуха!

Летает.

Гера: Этому хоть кол на голове теши... (*Маринке*). Можно тебя на минуточку, подруга? *Отводит Маринку в сторону.*

Маринка: Тебе чего?

Гера: Простила бы ты Витька. Он же ненарочно – пьяный был и сам по пьяни своей пострадал.

Маринка: Сволочь!

Гера: Сволочем родился, сволочем помер.

Маринка: Мама этого не переживет.

Гера: Чем быстрее не переживет, тем быстрее с ней увидишься. И вообще, Маринка, не трави душу бесполезными причитаниями. Ты что думаешь, Витёк или я с Хрюком беспризорные? У всех родители, все по детишкам убиваться будут. Особенно у Витька – они у него, не представляешь, какие чадолюбивые.

Маринка (*с подозрением*): Не узнаю тебя, Гера. Чего это ты за Витька волнуешься?

Гера: Знаешь, что Витьку грозит? Адские мучения. А за что, спрашивается? Только за то, что в темноте на кочке оступился. Оступился, руку с этим ножичком перочинным вперед машинально выбросил, а тут ты откуда ни возьмись. Я предупреждал: не ходи за Витьком, Маринка, ничего путного из этого не получится. Так оно и вышло.

Маринка: От меня чего надо?

Гера (*оглядываясь*): Есть шанс погудеть в раю вместе, всей компанией.

Маринка: Я при чем?

Гера: При том. Прости Витька, не доноси на него праведникам – глядишь, тоже в раю очутишься. Если разобраться, это ты, Маринка, его подставила...

Маринка: Пусть попарится!

Гера: Так-то ты о бывшем однокласснике, Маринка, заботаешься? Мне за тебя стыдно, право слово. Всегда считал тебя надежным товарищем и широкой натурой, но как видно, жестоко ошибался. Ты эгоистка и мелкотравчатая душонка, которая пальцем не пошевелит, чтобы избавить приятеля от нечеловеческих страданий. Помню, ты в третьем классе не дала мне списать контрольную по математике. Многозначительный факт, между прочим. Жаль, я тебя при жизни не раскусил – иначе, заметив вчера на бульваре твой рыжий затылок, не окликнул бы. И мы были бы целы, и родители не осиротели.

Маринка (*ощупывая дыру в животе*): Все равно сволочь.

Гера: Вижу, по глазам вижу, что согласна. Ты, Маринка, в глубине души добрая, а строгой только притворяешься. Тем более, что Витёк сам переживает. Я ж замечаю, он в твою сторону даже глянуть стесняется, бедолага.

В это время упомянутый Витёк тестирует летательные способности, перекувыркиваясь в эфире через голову и вообще всячески развлекаясь.

Маринка (*с сомнением*): А если согласна, то что?

Гера: Вот это по-товарищески, это гуманно – извлечь одноклассника из адской бездны! (*Пожимает Маринкину руку*). Собственно, ничего особенного от тебя, Маринка, не требуется... Разве что праведникам поклясться, что Витёк тебя не спяну пырнул ножом, а скажем... кгм... оперировал.

Маринка: Чего-о?

Гера: У тебя... так, чего бы послезливей придумать?... аппендицит случился, а Витёк как медицинский работник, присягнувший клятвой Гиппократ, пытался тебя оперировать. Но неудачно.

Маринка: Кто ж этому поверит?

Гера: Поверят, поверят! Не напрасно Витёк в Медицинском институте обучается. Медицина призвана спасать людей, вот пусть и спасает. (*Остальным*). Эй, Гагарины хреновы, планируйте сюда!

Подлетают Хрюк с Витьком.

Витёк, по данным из достоверных источников, за преднамеренное убийство тебе грозят адские муки.

Витёк: Спокуха!

Гера: Нет, Витёк, на этот раз ты ошибаешься: это не спокуха, а полный абзац на букву «П». Это тебе не в ментуре за разбитую витрину объясняться, здесь расквашенной мордой не отделаешься. В аду люди серьезные, и разборки у них проходят по серьезному, с использованием передовых подземных технологий. Тебя, Витёк, укоры совести никогда не мучили? Душа твоя бессмертная одинокой себя не ощущала? Интеллект неразрешимыми вопросами бытия, ну как при чтении Гегеля на немецком, не мучился? Не расстраивайся, все у тебя впереди. А если Гегель не подействует, обычный бандитский утюг обещаю. Ты не бледней, не бледней, Витёк, раньше времени, не все еще потеряно. Гегель с утюгом тебя еще вполне миновать могут. Наша человеколюбивая одноклассница за тебя похлопотать обещала. Скажем праведникам, что у Маринки случился приступ острого аппендицита, а ты ее неудачно прооперировал. Ты как никак хирург с незаконченным высшим образованием, которое, если память меня не подводит, приравнивается к законченному среднему.

Хрюк: Гера, а мы как же?

Гера: Про себя, добрая душа, совсем забыл. Мы с Хрюком повезли прооперированную Маринку на лодке, однако не довезли. Лодка перевернулась, и мы, пытаясь спасти беспомощную девушку, утонули. Достойная смерть. Здесь и выдумывать особо не придется.

Хрюк: А Колдобина? Колдобина не подтвердит.

Гера: Колдобина на этом свете, а мы на таком. В распределителе она окажется лет так через пятьдесят, в ранге прабабушки с помутившейся от старости памятью. На восьмом десятке она не только, как Витька зарезала, не вспомнит, а своего школьного знакомого от Рабиндраната Тагора не отличит. Вот ты, Хрюк, знаешь, кто такой Рабиндранат Тагор?

Хрюк: Нет.

Гера: Вот и она знать не будет. Мы к тому времени полвека будем всей компанией нежиться в райских кущах, вплоть до Страшного суда. Насколько я понимаю, приговоры даже в распределителе пересмотру не подлежат... По рукам, други?

Очередь к двери, за которой заседают праведники, неумолимо приближается.

Витёк: Маринка, ты это... Если я тебя действительно ударил, прости. Выпивши был, ничего не помню.

Маринка кривит губы.

Гера: Ну вот и чудненько. А теперь разучиваем роли – до премьеры недолго осталось.

Сцена 6

Репетиция памятного дня на острове покойников.

Гера: Сидим у костра и поем «Милая моя, солнышко лесное»... Всем петь, я сказал!

Все:

Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, а каких краях
Встретимся с тобою?

Гера: Отлично, продолжаем... Разговоры у костра. Ну же, говорите, говорите...

Хрюк (*недоумевая*): О чем говорить, Гера?

Гера: О чем тогда говорил, о том и сейчас говори. Только помни: ты даешь показания на суде праведников. Вспоминайте, о чем говорили у праздничного костра?

Хрюк: Витька с днем рождения поздравляли.

Гера: Ну так и поздравляй, толстый! Мы ж репетируем.

Хрюк (*искусственно приподнятым тоном*): Поздравляю тебя с днем рождения, Витёк.

Маринка: Будь счастлив, Витёк! (*Не удерживаясь*). Сволочь!

Хрюк: Желаю окончить Медицинский институт с красным дипломом.

Витёк: Клал я...

Гера: Я тебе сейчас положу, урод!

Витёк (*исправляясь*): Спасибо, друзья.

Гера: Все некогда было спросить. Почему это ты, Витёк, в Медицинский институт поступил?

Витёк: Кхе, зачем?... Мечтаю спасти человеческие жизни.

Гера: Какой молодец! Я бы, к примеру, в Медицинский ни за что не пошел, если бы меня даже на аркане тянули.

Маринка: Почему это? Не нравится спасать человеческие жизни?

Гера: Почему-почему? Крови я боюсь, понятно?! Лучше на другом месте пользу Родине приносить буду.

Маринка (*с пониманием*): Ну, если Родине...

Хрюк: У меня соседка...

Гера: Что соседка?

Хрюк: Померла, потому что ей вовремя медицинскую помощь не оказали.

Гера: Не верю.

Хрюк (*не знакомый с первоисточником*): Зачем мне врать, Гера?

Гера: Затем, что на суде праведников говорить об отечественном здравоохранении непрактично и негигиенично. Пошевели извилинами, толстый, придумай что-нибудь более жизнерадостное. Итак, я тебя спрашиваю: что соседка?

Хрюк (*на него неожиданно находит вдохновение*): Сломала ногу. Так неудачно сломала, что из больницы специально позвонили швейцарскому хирургу, лауреату Нобелевской премии, чтобы приехал и провел операцию. Очень сложный перелом был. Если бы не швейцарец, воспаление на ноге могло бы образоваться. А сейчас ничего, через две недели зажило вовсе. Тетка добрая, я с ней все время здороваюсь, когда в магазине бываю. Она в универсаме кассиром работает.

Гера: Bravo, Хрюк, bravo! Ты прирожденный артист, просто Вахтангов и Комиссаржевская в одном флаконе. Всем брать пример с Хрюка: больше экспрессии, больше выгодных для подсудимых подробностей!

Маринка: Каких еще подробностей?

Гера: Подробных. Чем мы на острове еще занимались?

Маринка: Колдобина купалась.

Гера: Так... Колдобиной нет, я за Колдобину. (*Высоким голосом*). Витенька, дорогой, пойдем искупаемся?

Витёк: Не пойти ли тебе, Колдобина...

Гера (*своим голосом*): Я те сейчас пойду, урод!

Витёк: С удовольствием освежусь, дорогая.

Гера: Так, Витёк с Колдобиной уходят купаться. О чем мы говорили у костра, пока они купались?

Маринка (*мечтательно*): О любви.

Гера: Точно – о любви. О том, что Витёк и Колдобина жизнь друг за друга отдадут, не раздумывая.

Хрюк: Первый тост за Витька.

Гера: Нехорошо без именинника начинать. И вообще, Хрюк, намотай на ус: употребляли не водку, а кагор.

Хрюк (*расстроенный*): Не водку?

Гера: Если, конечно, не желаешь за компанию с Витьком...

Хрюк: Ладно, ладно. Пусть будет кагор.

Гера: Как там дальше дело было, когда Колдобина с Витьком с купания возвратились?

Маринка: Я почувствовала себя плохо. Живот страшно заболел, а больше я ничего не помню... устраивает?

Гера: Еще бы не устраивало! Витёк, следующий.

Витёк: Я... это... диагностировал у Маринки острый аппендицит.

Гера (*понемногу вживаясь в роль*): Ее срочно нужно доставить в больницу. Хрюк, сталкивай лодку, выплываем немедленно!

Хрюк: Против течения часа три грести. Успеем?

Витёк: Никак нет, утверждаю как медик с незаконченным высшим образованием.

Гера: А Маринка, бедная, в это время стонет, стонет... Маринка, стони.

Маринка стонет.

Жалостливей.

Маринка стонет жалостливей.

Еще жалостливей.

Маринка стонет совсем жалостливо.

(*Заламывая руки в отчаянии*). Боже мой, что делать? Мы обязаны спасти эту юную жизнь, этот еще не распустившийся бутон на естественнонаучном древе...

Маринка, против воли, ржёт.

Маринка: Не переигрывай, Гера.

Гера: По-моему, убедительно. Думаешь, праведники не поверят?

Маринка: Ни за что не поверят. Дурак.

Гера: Поверят, поверят. Ты посерьезней к делу относись, а то отправишь Витька в преисподнюю. Ну, лицедеи, чего остановились на полдороге? Продолжаем. Итак... (*Заламывает руки*)... Что же делать? Что же делать?

Витёк: Ре-е-зять! Ре-е-зять!

Гера (*делая вид, что изумлен*): Как, прямо здесь? В антисанитарии?

Хрюк: У меня в загашнике бутылка водки. Вместо этого, как его – хлороформа – сойдет.

Маринка делает вид, что теряет сознание.

Витёк: Минута промедления, и наступит летальный исход. Хрюк, стакан водки и нож. А ты, Колдобина...

Гера: Я за нее.

Витёк: ...иголку с ниткой. Я знаю, ты всегда с собой носишь.

Гера (*голосом Колдобины*): Нитки белые или черные, мальчики?

Витёк: Лучше белые – шов не так заметен будет.

Хрюк гогочет.

Гера (*гробовым голосом*): И тогда Витёк вспарывает Маринке брюшную полость, вырезает аппендикс, и быстренько зашивает. Хрюк в это время стоит на подстраховке с бутылкой водяры, которую вливает в горло больной по мере необходимости, страдая при этом больше самой оперируемой.

Хрюк: Один кубик водки? Два кубика водки? целый стакан?

Витёк: Скальпель?

Гера (*за Колдобину*): Есть скальпель.

Витёк: Зажим?

Гера: Есть зажим.

Витёк: Противогаз?

Гера: Есть противогаз... Стой, Витёк, какой к чертовой матери противогаз, когда ты Маринке аппендикс вырезаешь? Я тебя пытаюсь из преисподней вытащить, а ты чего выкаблучиваешь?

Витёк (*вытирая пот со лба*): Спокуха! Хирургическое вмешательство завершено успешно. Те не менее борьба за жизнь больной продолжается. Необходимо как можно скорей доставить Маринку в амбулаторию, для принятия антибиотиков и измерения внутричерепного давления.

Хрюк (*мужественно*): Мы поплывем.

Гера: А небо в это время застилают жуткая грозовая туча, из которой бьют длинные молнии. Река, и в другое время шумная и быстроходная, становится полностью непроходимой. Нет, природа, шалишь! Для спасения бывшей одноклассницы мы с Хрюком решаем рискнуть и пускаемся в полный превратностей и неожиданностей путь. Плавсредство отчаливает, но ему не суждено достигнуть городской пристани. В пути из-за отсутствия антибиотиков Маринке становится невмоготу, и девушка – да будет река ей пухом! – отходит в лучший из миров, в то время как мы с Хрюком, не зная об этом и полагая, что Маринка всего лишь потеряла сознание, пытаемся догresti хотя бы до противоположного берега. Тщетно! Девятый вал переворачивает лодку. Мы с Хрюком, оказавшись в воде, из последних сил поддерживаем бездыханное Маринкино тело на поверхности воды, пока сами не пускаем пузыри.

Хрюк (*якобы глотая мутную речную воду*): Буль. Буль. Буль.

Маринка: А Витёк?

Гера: Витёк, ты чего молчишь? Монолог, пожалуйста.

Витёк: Они погибли? Или они не погибли? Кого ты пытаешься обломать – извините, обмануть, – мой разум? Ты, Виктор, всю жизнь мечтал стать медицинским работником, и вот теперь, когда волею судеб в твоих руках оказалась жизнь одноклассницы, не смог ее спасти. Я знаю, я чувствую, они не доплывут, а если даже доплывут, Маринка скончается в лодке от общего сепсиса брюшной полости, так и не придя в сознание. Моя жизнь тоже закончится с Маринкиной смертью, ибо – зачем мне жить, если я не сумел спасти своего первого пациента? Любому врач держит экзамен на первом пациенте: если пациент выздоравливает, врачебная карьера открыта, но если нет... Нет, нет – какое ужасное слово! Нет – означает: мне никогда не стать врачом, не взять в руки ингалятор, не поставить больному клизму, и это мне,

студенту-четверокурснику Медицинского института, потомственному медику в первом поколении. Никогда не взять в руки клизму? Но зачем тогда жить?

Выхватывает нож, торчащий у себя в животе, и всовывает обратно.

Падает, сраженный.

Гера: А Колдобина в это время кричит: «Витя, Витя, любимый! Не надо, умоляю тебя».

Витёк (с трагической миной): Поздно, Колдобина, я сделал себе харакири.

Якобы умирает.

Сцена 7

До суда праведников остаются считанные секунды.

Гера: Запомнили, как дело было? Но предупреждаю: не халтурить, врать слаженно, иначе загремим в тартарары дружной кодлой. Усекли?

Витёк: Да усекли мы, усекли...

Хрюк: Спаси меня, Господи!

Маринка (*шмыгая носом*): Какие вы все-таки...

Гера: Если пройдет гладко, можем сами в праведники выбиться. Вот это будет номер: мы праведники и сами решаем, кого казнить, кого миловать. Представляете, а?

Маринка: Мечтать не вредно.

Дверь приотворяется, но ненадолго – происходит заминка. Раздается легкий хлопок, знаменующий появление новопреставленной души.

Хрюк: Как, еще кто-то?

Гера: Что за...

Из темноты земной жизни медленно, очень, очень медленно проявляется Колдобина. Она держится за живот.

Колдобина: Мальчики?

Маринка: Колдобина?

Колдобина (*обрадованно*): Витя, и ты здесь?

Все, мягко говоря, ошарашены.

Витёк: Ты зачем меня ножом ударила, психанутая?

Колдобина: Испугалась...

Гера: Тебя-то саму кто уделал, Колдобина? На острове никого не осталось.

Колдобина: Живот схватило. Думала, умру от боли.

Гера: И умерла.

Витёк: Перитонит, гадать нечего. Мы его на первом курсе проходили.

Гера (*с гордостью*): Ай да Гера, ай да сукин сын! Если я не праведник, то предсказывать будущее по крайней мере научился.

Колдобина: А где это мы, мальчики, а? А вы почему здесь? Я боялась, вы умерли.

Дверь снова отворяется, на этот раз настежь. За дверью мелькают обрамленные седыми бородами лица праведников.

Гера: Поздно объяснять, Колдобина, поэтому умоляю: молчи. Молчи от греха подальше! Молчи, о чем бы тебя ни спросили, а мы за тебя всю правду расскажем. (*Остальным*). А вы, други, если что не по плану пойдет, действуйте экспромтом. Помните, речь идет о том, где нам кантоваться до Страшного суда. Это черт знает сколько времени.

Занавес

Из жизни менеджеров

Действующие сотрудники:

Департамент плановых продаж:

Зубова, руководитель Департамента, 39 лет.

Лиля Михайловна, заместитель руководителя, 43 года.

Антон, ведущий специалист, 26 лет.

Сережа, специалист, 25 лет.

Бобылкин, специалист, 53 года.

Зина, секретарша, 30 лет.

Департамент альтернативных продаж:

Турындыкин, руководитель Департамента, 27 лет.

Действие происходит в офисе крупного московского дистрибьютора по продаже растительного масла.

Сцена 1

Офисное помещение. На переднем плане коридор, далее разделенные перегородками рабочие места, на заднем плане – стеклянная стена, сквозь которую видны крыши соседних зданий. Где-то сбоку – кабинет руководителя департамента плановых продаж Ирины Витальевны Зубовой. Рабочий день в разгаре: слышится непрерывный стук пальцев по клавиатуре, телефонные звонки, шум работающего принтера.

Зина *(по телефону)*: Департамент плановых продаж. Да, счет отправлен по факсу. Отправить на электронный адрес? Хорошо, но официальную заявку в следующий раз тоже подавайте на электронный адрес.

Сережа: Лиля Михайловна, как вы думаете, в Мурманск нужно немного оливковой «Олейны» отправить или только подсолнечной?

Лиля Михайловна: А ты сам как думаешь, Сережа?

Сережа: Даже не знаю.

Лиля Михайловна: Нет, Сережа, не ловишь ты мышей, совсем не ловишь. Бери пример с Антоши.

Сережа: Антон, в Мурманск сколько оливковой «Олейны» послать?

Антон: Тонны полторы микста, на пробу. *(По телефону)*. Алло, алло, Петр Владиславович, это Сорин из дистрибьюторской компании, здравствуйте. Звоню узнать, все ли благополучно с «Золотыми семечками». Что, все хорошо? Очень рад слышать. Как только реализуете тридцать тонн, сразу звоните мне, я вам следующую партию с бонусом подготовлю. Спасибо, до свидания.

Зина включает радио – вроде бы негромко, для себя, но соседям тоже слышно.

Радио: Певица Эсмеральда исполосовала ножом своего бойфренда. Передаем ее знаменитый хит «Фиолетовая любовь».

Сережа: Зина потише можно? Не переносу радио.

Лиля Михайловна: Сережа, разве хорошая песня может помешать продаже растительного масла? Антоше вот не мешает.

Зина прибавляет громкости – из вредности. Из кабинета выходит Зубова. За ней следует Бобылкин, неприметный и немолодой уже человек с животиком.

Зубова: Мальчики! Девочки!

С целью привлечь внимание, хлопает в поднятые над головой ладоши. Все с готовностью поднимают головы. Зина выключает радио. Воцаряется полная, насколько это возможно в условиях действующего офиса, тишина.

Разрешите представить вам нового сотрудника. Бобылкин Иван Владимирович, прошу любить и жаловать.

Лиля Михайловна *(про себя, но чтобы всем было слышно)*: Какой представительный мужчина!

Зубова: А это Лиля Михайловна Калганова, мой заместитель, в непосредственное распоряжение которой вы, Иван Владимирович, поступаете. С Зиной, секретаршей, вы уже познакомились, она вам временный пропуск оформляла. Это наши специалисты: Антон Сорин и Сережа Рябинин.

Бобылкин всем кивает и принужденно улыбается.

Вот ваше рабочее место, Иван Владимирович, работайте. Я на ваш опыт очень надеюсь.

Бобылкин: Да... Конечно... Сделаю, что могу...

Зубова *(хлопая в ладоши)*: Работаем! Работаем! Не забываем, что до объединенного финансового совещания осталось две недели.

Возвращается в кабинет.

Лиля Михайловна (*Бобылкину, оказавшемуся в центре внимания*): Иван Владимирович? А в какой фирме вы раньше трудились, Иван Владимирович?

Бобылкин: «Балашиха-Трейд Лимитед».

Лиля Михайловна: Растительное масло дистрибутировали?

Бобылкин: Да... и растительное тоже.

Лиля Михайловна: Ну ясно.

Бобылкин (*нерешительно*): Мне бы с товарной номенклатурой для начала ознакомиться, войти в курс дела...

В это время по коридору проходит важный молодой человек, появление которого заставляет сотрудников Департамента плановых продаж примолкнуть.

Лиля Михайловна: Здравствуйте, Альберт Александрович.

Альберт Александрович малозаметно кивает и удаляется. Зина сдержанно хмыкает. Остальные сотрудники смотрят происшедшему вслед.

Бобылкин: Кто это?

Лиля Михайловна: Руководитель Департамента альтернативных продаж Альберт Александрович Турындыкин. Очень достойный работник.

Зина хмыкает уже не сдерживаясь.

Не надо хмыкать, Зиночка. Повторяю, очень достойный и перспективный работник. А что Альберт Александрович под наш Департамент копает, это ничего. Просто он искренне считает, что будущее дистрибуции за его альтернативными продажами.

Все, кроме Бобылкина, криво улыбаются. Особенно женщины.

(*Подчиненным*). Меньше надо отвлекаться на посторонние вопросы, а больше трудиться! Не то Альберт Александрович на объединенном финансовом заседании выступит и что-нибудь про низкую производительность труда нашего Департамента ляпнет.

Зина: Слабó ему ляпнуть!

Лиля Михайловна (*притворно строго*): Не выражайся в моем присутствии, Зиночка.

Зина: Я бы еще не так выразилась.

Постепенно сотрудники возвращаются к нормальному ритму деятельности.

Бобылкин (*в пространство*): Мне бы с товарной номенклатурой для начала ознакомиться...

Зина включает радио.

Сцена 2

Через неделю. Десять минут до начала рабочего дня. На месте Антон и только что подошедшая Лиля Михайловна.

Лилия Михайловна: Здравствуй, Антоша.

Антон: Здравствуйте, Лилия Михайловна. Мама просила вам привет передать.

Появляется Зина.

Зина: Всем здравствуйте. А Бобылкина еще нет?

Лилия Михайловна: Что такое, Зиночка? Ты на Ивана Владимировича случайно глаз не положила?

Зина: Ну вы пошутите, Лилия Михайловна, так пошутите. Просто мне Ирина Витальевна наказала следить, чтобы сотрудники на работу не опаздывали. Вчера Бобылкин на полминуты опоздал.

Лилия Михайловна: Нельзя быть такой нетактичной, Зина. Может, Иван Владимирович привык в своей Балашихе на работу опаздывать и теперь перестроиться не может? Не надо к человеку придирааться.

Подходит Бобылкин.

А мы, Иван Владимирович, сейчас как раз ваши производственные успехи обсуждали, как удачно вы три тонны оливкового масла в Саратов пристроили.

Бобылкин: Да?

Лилия Михайловна: Антоша за это время в Нижний пятнадцать тонн отгрузил, с предоплатой.

Бобылкин: Мне еще рановато с ним тягаться.

Зина: А когда будет не рановато?

Лилия Михайловна: Зина, что ты себе позволяешь? Нельзя так грубо намекать Ивану Владимировичу на возраст. Да, Иван Владимирович в отделе самый возрастной, ну и что же? Ему нужно войти в курс дела, тогда он всем нам фору даст, не смотри, что он рядовой специалист. В конце концов, Иван Владимирович у нас всего без году неделя работает.

Бобылкин: А вы сколько в Нижний отгрузили, Зина?

Лилия Михайловна: Ого!

Зина: Я на секретарской работе, в мои обязанности не входит подсолнечное масло отгружать.

Бобылкин (смущаясь): Да нет, ничего... Это я так, спросил только.

Подходит Сережа.

Сережа: Здравствуйте.

Лилия Михайловна: Сережа, ты опоздал на десять секунд. Я-то ничего, но вот Ирина Витальевна этого не одобряет. Есть же корпоративная этика, в конце концов.

Внезапно снаружи, за стеклянной стеной помещения, что-то происходит.

Слышится тяжелый удар, затем возмущенные автомобильные гудки.

Лилия Михайловна: Что там такое? Работать не дают.

Зина заглядывает вниз, на улицу.

Зина: Пробка из-за автомобильной аварии.

Лилия Михайловна: И это в начале рабочего дня!

Зина: «Вольво» в телефонный столб врезалась.

Лилия Михайловна: Ездят как бешеные. Пойти, что ли, и мне полюбопытствовать.

Подбегает к стеклу и начинает любопытствовать.

Зина: «Вольво» такое же, как у Турындыкина.

Лиля Михайловна: Зиночка, да ведь это же турындыкинское «Вольво» и есть. Смотри, двери от удара заклинило, и он не может выбраться. А из мотора идет дым, вот-вот машина взорвется. Бедный Альберт Александрович! Теперь он умрет от удушья, а еще лучше – сгорит заживо.

Оставшиеся сотрудники тоже вскакивают со своих мест и бросаются смотреть. Бобылкин, только глянув, опрометью убегает куда-то по коридору и скрывается из глаз.

Зина: Дыма все больше и больше.

Лиля Михайловна: Зиночка, о чем ты говоришь? Это уже не дым, а пламя. Видишь, сквозь капот вырывается?

Сереза: Неужели все четыре двери заклинило?

Антон: Так бывает, если электроника отказывает.

Зина: Может, он раненый?

Лиля Михайловна: Как ты можешь так говорить, Зина? Разве в такой страшной аварии можно выжить? Альберт Александрович наверняка уже мертвый.

Зина: Как же мертвый, когда руки сквозь разбитые стекла просовывает?

Лиля Михайловна: Это у него предсмертная агония.

Сереза: Капот у машины смяло, а то можно было бы через лобовое стекло вылезти. Вот гадство!

Лиля Михайловна: Сереза, несчастье с Альбертом Александровичем не повод нецензурно выражаться в присутствии женщин.

Сереза: Извините, Лиля Михайловна, не сдержался.

Зина: А это кто?

Лиля Михайловна: Где? Где?

Зина: Вон, в желтом спортивном костюме и маске...

Антон: Это, по-моему, не спортивный костюм, а трико. Откуда этот мужик взялся, из цирка, что ли? Да ведь это же...

Сереза: Флаймэн. Человек-муха.

Зина: Смотрите, что делает!

Антон: Во дает!

Лиля Михайловна: Где? Где? А вон, вижу. Боже правый, да ведь он переворачивает «Вольво» Альберта Александровича набок и разрывает машину надвое голыми руками!

Зина: По-моему, Турындыкин живой.

Лиля Михайловна: Господи Иисусе!

Сереза: Впервые такое вижу.

С азартом наблюдают за происходящим.

Зина: Народу сколько! Из-за них Турындыкина не видно.

Сереза: А где Флаймэн?

Антон: Тю-тю-тю! Улетел. Он же человекомуха!

Лиля Михайловна: Не человекомуха, а человекомух. Мужского рода.

Зина: Кажется, Турындыкина куда-то несут.

Лиля Михайловна: Неужели там же, на газоне, и похоронят?

Сереза: Как похоронят? Турындыкин живой, его Флаймэн спас.

Появляется Зубова.

Зубова: Здравствуйте, мальчики и девочки.

Все, кроме отсутствующего Бобылкина, моментально оказываются в рабочих креслах.

А где Иван Владимирович? Приболел?

Лиля Михайловна: Отошел на минуту. *(Взволнованно).* Ирина Витальевна, вы видели?

Зубова: Да видела, видела. Можно сказать, все на моих глазах происходило – и авария, и спасение.

Лиля Михайловна: Спасли-таки?

Зубова: Альберта Александровича увезли на «Скорой помощи». Он в сознании. Говорит, отделался легким испугом. Шутит даже по поводу разбитой машины.

Подходит Бобылкин. Он запыхался.

Бобылкин: Здравствуйте, Ирина Витальевна.

Зубова: Здравствуйте. *(Хлопает в ладоши)*. Работаем! Работаем!

До совещания неделя.

Скрывается в кабинете.

Зина: Ну, Иван Владимирович, вы такое пропустили...

Бобылкин: Самое начало я видел, а потом у меня от страха живот скрутило. Чем кончилось-то?

Сережа: Флаймэн спас Турындыкина.

Бобылкин: Правда?

Лиля Михайловна: Прекращаем разговоры. Ирина Витальевна сказала работать.

Все работают.

Зина: И чего Флаймэну вздумалось Турындыкина спасать? Как вы думаете, Лиля Михайловна, если бы Альберт Александрович в машине взорвался, то не смог бы присутствовать на объединенном финансовом заседании?

Лиля Михайловна: Зиновья, не говори глупостей. Ты говоришь как бессердечная эгоистка. А ведь Турындыкин тоже живой человек, несмотря на то, что сволочь порядочная. И вообще, если хочешь знать, он наполовину еврей, а наполовину эскимос, хотя в паспорте у него записано: русский.

Зина *(поражаясь)*: В самом деле эскимос?

Лиля Михайловна: Да я-то откуда знаю, почему ты у меня спрашиваешь? *(Явно подражая Зубовой, хлопает в ладоши)*. Работаем, работаем! Если с утра не повезло, давайте работать. Слышали, что Ирина Витальевна сказала? До объединенного финансового совещания остается неделя.

Все работают.

Сцена 3

На следующий день, во время обеденного перерыва. На рабочих местах только Зина и Сережа. Зина слушает включенное на полную громкость радио. Сережа, зажав уши ладонями, уставился в компьютер.

Радио: А теперь переходим к столичным событиям. У МЧС серьезные проблемы, только не подумайте, что с чрезвычайными происшествиями, наоборот, с их отсутствием. Теперь спасательные операции за столичное МЧС выполняет Флаймэн. Похоже, этот легендарный спасатель перебазировался из Балашихинского района Подмосковья в центр. Во всяком случае, вчерашняя операция проведена им в центре. Около 9 часов утра в Д-ном переулке из кузова разбившегося «Вольво» извлечен неосторожный водитель. Машина МЧС успела, что называется, к шапочному разбору, когда дело было сделано. МЧСовцам достался лишь переломленная надвое иномарка: ни пострадавшего, увезенного на машине «Скорой помощи», ни Флаймэна, как всегда, бесследно исчезнувшего с места происшествия, они не застали. Если московские власти относятся к деятельности Флаймэна в целом положительно, то МЧС в большом затруднении. В коридорах начинают поговаривать, что большая часть спасательных работ в Подмосковье выполняется Флаймэном, поэтому МЧС следует сократить финансирование. В министерстве, напротив, собираются предъявить Флаймэну крупный денежный иск за неоднократные ложные вызовы технической помощи. Сам-то Флаймэн никого не вызывал, но спасателям обидно: приехали, а спасать некого – все уже спасены. А теперь соната «Ля-минор»

Себастьяна Баха...

Из столовой возвращаются отсутствовавшие сотрудники.

Зина (продолжая начатый разговор): По-моему, они даже во время обеда какие-то каверзы замышляют. Сидят за столом, а сами шу-шушу. Прожуют котлету и снова шу-шу-шу, и в нашу сторону постоянно косятся.

Лиля Михайловна: Зиночка, ну почему чуть что, сразу замышляют каверзы? Может, они не замышляют, а размышляют.

Зина (недоверчиво): О чем им размышлять?

Лиля Михайловна (с торжеством, с каким обычно рассказывают концовку анекдота): Как Ирину Витальевну лучше подсидеть! Они же работники Департамента альтернативных продаж, вот и размышляют целыми днями. Это еще Турындыкин в больнице, а под его руководством совсем бы распоясались.

Радио: Внимание, прерываем трансляцию сонаты «Ля-минор» Себастьяна Баха в связи с экстренным сообщением. Только что в районе Н-ской улицы исламскими террористами захвачен автобус с детьми. По счастливой случайности, вблизи от места происшествия находится наш специальный корреспондент Люся Булкина... Люся, что там происходит?

Далее радио говорит голосом специального корреспондента Люси Булкиной.

Я нахожусь в начале Н-ской улицы, посередине которой остановился автобус с детьми, а по бокам сосредоточены милицейские патрули, которые полностью перекрыли движение и отводят случайных прохожих за установленные ограждения.

Зина: Н-ская улица? Это же совсем под боком.

Все кидаются к стеклянной стене.

Лиля Михайловна: Ничего не видно.

Бобылкин: Где эта Н-ская улица?

Лиля Михайловна: Вон тем домом загорожена. Отсюда не увидеть.

Бобылкин убегает.

Зина: Чего это с ним?

Лиля Михайловна: Зиночка, нетактично спрашивать, что с человеком, у которого прихватило живот.

Зина: Какой-то Иван Владимирович слабый на живот. Чуть что случается, у него сразу живот прихватывает... Нет, без толку смотреть, все равно ничего отсюда не увидишь. Пошли работать.

Делает радио погромче.

Радио: В автобусе не менее двадцати детей в возрасте от восьми до двенадцати лет. Бабушка, которая стоит со мной за оцеплением, говорит, что это школьная экскурсия в Грановитую палату. Дети высовывают из автобуса свои заплаканные личики и умоляют о помощи. Сквозь стекла мелькают озверевшие оскалы захвативших автобус исламских террористов. Сколько их? Трое или четверо, отсюда не разглядеть, но все с автоматами.

Антон (по телефону): Что? Как не поступила фактура? Как не сможете оплатить?

Лиля Михайловна: Кто там чего не сможет оплатить?

Антон: Челябинск фактуру на двадцать тонн отказывается оплачивать.

Лиля Михайловна: Как отказывается? Что значит не смогут оплатить? Переключи на меня, Антоша. *(По телефону)*. Алло? Челябинск? Заместитель руководителя Департамента плановых продаж Калганова Лиля Михайловна. Почему не поступила фактура? Почему не сможете оплатить? Ах, фактура поступила, но вам предпочтительно разбить ее на две части, тогда по частям оплатите? Так бы сразу и сказали. Так, записываю... Хорошо, сейчас перепишем и отправим, но чтобы оплатили вовремя. До свидания. *(Кладет трубку)*. Напугали, черти, до смерти. Двадцать тонн не шутка, особенно в конце квартала.

Антон: Я сам испугался.

Радио: Из машин выгружается вооруженный спецназ и окружает захваченный автобус кольцом. К автобусу, с белым флагом, направляется переговорщик. Останавливается у закрытых дверей, обменивается с террористами немногочисленными репликами и уходит. Бабушка, которая стоит со мной за оцеплением, говорит, что террористы требуют вертолет, в обмен на который предлагают выпустить половину заложников. Милицейское начальство, после недолгих консультаций с юридическим отделом Городской Думы, принимает требования террористов. Другого выхода нет, иначе захваченных детей не освободить.

Сереза: Боже, и это происходит всего в квартале от нас!

Лиля Михайловна: Можешь, Сереза, после работы сходить посмотреть, если к тому времени еще не закончится.

Зина: А вы пойдете, Лиля Михайловна?

Лиля Михайловна: Я не успею, у меня три договора на согласовании.

Радио: Слышу гул вертолета. Небольшой четырех- или пятиместный вертолет кружит между зданиями и приземляется на асфальт недалеко от автобуса. Бабушка, которая стоит со мной за оцеплением, говорит, что это американский вертолет «Робинсон» марки R22 Beta II, развивающий крейсерскую скорость до 175 км/ч при среднем расходе топлива, составляющем от 30 до 40 литров в час. Салон вертолета оснащен комфортабельными сидениями для двух человек с возможностью установки съемных дублирующих органов управления со стороны пассажирского места. Я вижу, как летчик вертолета выбирается из кабины и бежит по направлению к милицейскому ограждению. Видимо, кто-то из террористов обучен управлять вертолетами этой системы, поэтому террористы не нуждаются в пилоте. Террористы готовы обменять пилота на лишнее посадочное место. Вопрос в том, сколько детей будет освобождено, а сколько поместится в «Робинсоне» и улетит вместе с террористами.

Сереза: Неужели детей не спасут?

Радио: Закутанные в чалмы и заслоненные толпой детей, террористы выходят из автобуса и двигаются в направлении вертолета. Некоторые из ребятишек плачут, им нужна срочная медицинская помощь. Детишки голодны, неужели никто не может накормить их? Они уже

рядом с вертолетом. Близится трагическая развязка очередного теракта. Но что это, что такое? Сверху, с крыш близлежащих домов, на сгрудившуюся у вертолета группу планирует человек в желтом трико и маске. Бабушка, которая стоит со мной за оцеплением, говорит, что это Флаймэн. Конечно же, это Флаймэн, знаменитый и до сих пор неопознанный человек-муха! Одним движением Флаймэн сбивает террористов с ног, отделяет от них детей и уводит в безопасное место, под защиту спецназа, после чего, по своему обыкновению, пытается как можно скорее покинуть место происшествия. Террористы в ярости. Они запрыгивают в вертолет – это, как мы выяснили, американский вертолет модели «Робинсон» с крейсерской скоростью до 175 км/ч, – и с автоматами в руках преследуют Флаймэна, который то свободно парит между домами, то легко взбирается по вертикальным стенам. Пока спецназ – даже из-за оцепления заметно, что он не в меньшей ярости, чем террористы – дозванивается до штаба военно-воздушных сил с просьбой прислать истребители-перехватчики, Флаймэн, преследуемый захваченным террористами вертолетом, скрывается за углом дома.

Сережа: Как камень с плеч.

Лиля Михайловна: А у тебя, Сережа, отказов в оплате нет? Смотри, до объединенного финансового заседания неделя осталась.

Сережа: Нет у меня отказов. Где это шумит?

Лиля Михайловна: Как шумит?

Зина: За окнами.

Антон: Действительно, шумит за окнами. Я тоже слышу.

Шум за окнами быстро нарастает. Не успевают сотрудники Департамента плановых продаж подойти к стеклянной стене, как с обратной стороны на нее, в самом деле напоминая большую жирную муху, одетую наполовину в желтое трико, а наполовину в деловой костюм, выползает Флаймэн. Он свободно перемещается по вертикальной стене – по всей видимости, за счет расположенных на ладонях присосок.

Возможно, присоски расположены также на его плотно прижатом к стеклу животике, в данную минуту мерно пульсирующем из-за сбившегося дыхания. Флаймэн непроизвольно заглядывает внутрь офиса, по стеклам которого проползает, и невольно содрогается. Непроизвольно заглядывая в глаза Флаймэна, сверкающие изнутри желтой сетчатой маски, содрогаются и сотрудники Департамента плановых продаж, столь знакомое и вместе с тем отчаянное чудится под маской, в глубине флаймэновских глаз. Следом за Флаймэном откуда-то снизу выныривает вертолет с террористами на борту. Видны два исламских террориста, сидящие на передних сиденьях вертолета: в грязных чалмах, небритые, с горящими глазами и оскаленными ртами. Один из террористов управляет вертолетом, а второй держит в руках крупнокалиберный пулемет, пытаясь поймать Флаймэна на мушку. Отведя взгляд от застывших с открытыми ртами сотрудников Департамента плановых продаж, Флаймэн уползает вверх, на верхние этажи, и следом за ним взмывает преследующий его вертолет. Через несколько секунд слышится какой-то шум, после чего «Робинсон» с террористами, беспорядочно размахивающими руками и вопящими «Аллах акбар!», пронесется вниз. Сильные руки Флаймэна завязали несущие вертолетные винты бантиком, поэтому шансов спастись у террористов ноль целых ноль десятых. Вскоре доносится мощный взрыв – с земли, откуда взмывается черно-красный столб дыма и пламени. Дети освобождены, с террористами покончено.

Радио: А теперь продолжаем трансляцию сонаты «Ля-минор» Себастьяна Баха...

Потрясенные сотрудники Департамента плановых продаж остаются с открытыми ртами. Их своего кабинета, в схожем состоянии, вываливается Зубова.

Лиля Михайловна: Ирина Витальевна?

Зубова: Лиля Михайловна?

В это время объявляют:

По громкой связи: Вниманию сотрудников! Вблизи от здания нашей компании завершена милицейская спецоперация по обезвреживанию исламских террористов. Опасности для гражданских лиц никакой, поэтому просьба ближайшие тридцать минут не покидать помещения. Компания работает в обычном режиме.

Зубова (*приходя в себя, хлопает в поднятые над головой ладоши*): Мальчики! Девочки! Работаем в обычном режиме, объединенного финансового совещания никто не отменял.

По коридору крадется Бобылкин. Он старается как можно незаметней попасть на свое место, но привлекает внимание истерзанным видом.

Бобылкин потный, в съехавшем набок, даже порванном костюме.

Сквозь дыру просвечивает что-то желтое, похожее на майку. Кроме того, на щеке у него свежая царапина, а выпуклый животик мерно пульсирует из-за сбившегося дыхания.

Бобылкин: Прошу прощения... у меня слабый желудок.

Не могу слышать о насилии, сразу всего наизнанку выворачивает.

Сотрудники Департамента плановых продаж смотрят на коллегу со все возрастающим недоумением, постепенно перерастающим в уверенность.

Сцена 4

На следующее утро. Мужчины на своих рабочих местах: Бобылкин – в новом костюме взамен порванного. Подходят, продолжая начатую в вестибюле беседу, Лиля Михайловна и Зина.

Зина: А клумба внизу вся выжжена.

Лиля Михайловна: Что ты хочешь, Зиночка, когда на нее упал горящий вертолет с террористами?

Зина: И стекла на нижних этажах повыбиты.

Лиля Михайловна: Уже вставляют.

Зина: Только я не пойму, кто за это безобразие отвечать будет? Здравствуйте, Иван Владимирович.

Смотрит на Бобылкина.

Лиля Михайловна: А вы, Иван Владимирович, как считаете, это обыкновенный форс-мажор или за вчерашнее безобразие человекуух ответить должен?

Обе с вежливым злорадством смотрят на Бобылкина.

Бобылкин (делая вид, что углублен в бумаги): Да, да... Здравствуйте.

Зина: Дорого, наверное, ему обойдется.

Лиля Михайловна: Конечно, дорого, Зиночка, а ты как думала? Офисные стекла очень, очень дорогие. Не говоря уже о клумбе.

Роскошная была клумба.

Бобылкин вжимается в кресло.

Зина: Остается найти Флаймэна...

Лиля Михайловна: А чего его искать, Зиночка...

Бобылкин вздрагивает.

...когда у нас собственная служба безопасности? Там ребята серьезные, раньше в органах работали. Кстати, по поводу органов. Не исключаю, органы тоже будут привлечены для расследования. Одно дело – у захваченного террористами вертолета пропеллер бантиком завязать, совсем другое – нанести ущерб офисному помещению.

Сережа: Что вы такое говорите, Лиля Михайловна?! Флаймэн герой, он детей спасал! Что вы к Ивану Владимировичу прицепились?

Лиля Михайловна (оборачиваясь): А я что говорю, Сережа? Флаймэн герой – конечно, герой, самый героический из всех человекоухов, – только при чем здесь Иван Владимирович? Кстати, Сережа, ты спецификацию вчера в Хабаровск отправил?

Сережа: Нет еще. Вы же говорили, до конца недели.

Антон: Я отправил, Лиля Михайловна.

Лиля Михайловна: Видишь, Сережа, а ты отложил до конца недели. Не ловишь ты мышей, совсем не ловишь. Не нравится тебе, наверное, в нашем Департаменте работать, ох, не нравится! (Нервно). В следующий раз не перебивай старших, свиненыш, когда не спрашивают.

Зина: Лезет, тоже мне.

По коридору проходит перебинтованный Турындыкин.

Лиля Михайловна (очарованная пикантным зрелищем): Здравствуйте, Альберт Александрович!

Турындыкин наддает ходу.

Как ваше здоровье? Мы за вас так переживали, когда вы в своей машине изнутри по крыше колотили.

Турындыкин неожиданно для всех подходит к Бобылкину. Горячо пожимает ему руку и, не теряя достоинства, стремительно удаляется.

Зина: Ничего себе!

Лиля Михайловна (*с почти искренним возмущением*): Иван Владимирович, как это понимать?

Бобылкин: Не знаю... Право, не знаю... Наверное, познакомиться с новым сотрудником решил.

Зина: Турындыкин? Познакомиться? С НАШИМ новым сотрудником?

Лиля Михайловна: Зиночка, какое твое дело? Если Иван Владимирович подружился с Турындыкином, это не наше с тобой дело. Только Ирине Витальевне это очень, очень не понравится.

Бобылкин: О чем вы, Лиля Михайловна? Что значит подружился с Турындыкином? Я не понимаю... Кажется, у вас какое-то болезненное ко мне предубеждение...

Сережа: Что ему, не здороваться, что ли, если Турындыкин первый поздоровался?

Лиля Михайловна: Я и говорю, обыкновенный акт вежливости.

Подходит Зубова.

Здравствуйте, Ирина Витальевна.

Зубова: Здравствуйте, девочки и мальчики... Иван Владимирович, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет. У меня к вам серьезный разговор.

Лиля Михайловна (*победным тоном*): Обыкновенный акт вежливости.

Зина: О-ля-ля! Кажется, начинается.

Понурый Бобылкин бредет в кабинет Зубовой.

Сцена 5

В кабинете Зубовой.

Зубова: Рассказывайте, Иван Владимирович.

Бобылкин: Что, Ирина Витальевна?

Зубова: Все.

Бобылкин *(со вздохом)*: В Вологде брать «Золотое семечко», к сожалению, отказались. И в Курске тоже. Надеюсь пристроить восемь тонн в Астраханскую область.

Зубова: Нет, Иван Владимирович. Не о том вы рассказываете.

Бобылкин: Простите?

Зубова: Иван Владимирович, поймите правильно. Мне необходимо иметь ясное и полное представление обо всем, что творится во вверенном мне Департаменте. Служба безопасности кое-какой факт вашей биографии откровенно проворонила, но не нужно принимать нас за наивных слепых котят.

Бобылкин: Ирина Витальевна?

Зубова: Лично я вашими подвигами восхищаюсь. Вы смелый и благородный человек, Иван Владимирович, но должны были предупредить об этом заранее. Автобиографию при приеме на работу составляли?

Бобылкин: Да... разумеется.

Зубова: Почему не указали, что умеет ползать по вертикальным стенам и летать? Вы, Иван Владимирович, Флаймэн – не смейте отрицать этого. Это и без того очевидно.

Бобылкин *(после непродолжительной заминки, почти шепотом)*: Я и не отрицаю.

Зубова: Почему не поставили в известность?

Бобылкин: Мне казалось, это личное...

Зубова: Личное, но не настолько. *(Мягче)*. А теперь, Иван Владимирович, рассказывайте. Первый и самый важный вопрос: когда и при каких обстоятельствах вы стали Флаймэном?

Бобылкин: С детства. У нас это передается по мужской линии. У меня и дед, и отец такими же были. Дедушка до войны работал в Наркомате тяжелой промышленности. Однажды, когда Енисей вышел из берегов, он сдвинул две сопки, чтобы образовать запруду. Это дедушка чугунолитейный завод спасал от затопления, а его... энкэвэдешники... *(Делает глотательное движение)*. Отец инженер, всю жизнь просидел в НИИ гражданской авиации, в группе паранормальных исследований. Ему удалось убедить начальство, что мне отцовские способности не передались, и меня вычеркнули из списков. Времена были не те, чтобы о суперменах пресса писала. Тогда были другие герои.

Зубова: С тех пор скрываете свою деятельность?

Бобылкин: Ну... в общем... стараюсь не афишировать.

Зубова: То есть – я правильно поняла? – никаких посторонних организаций к спасательной деятельности вы не подключали?

Бобылкин *(даже машет руками)*: Чур меня, чур меня, Ирина Витальевна! Только организаций мне не хватало! Ближайшим родственникам, сами понимаете... Жене, детям на даче иногда помогаю.

Зубова: Но вы, Иван Владимирович, отдаете себе отчет, что я обязана доложить по начальству? У вас свое начальство, у меня свое.

Бобылкин *(сникая)*: А без начальства нельзя?

Зубова: Без начальства, Иван Владимирович, никак. Вы уже немного в курсе, какая тяжелая ситуация складывается. Через неделю объединенное финансовое совещание. Представители Департаментов будут отчитываться о выполнении плана, представлять тактические

и стратегические концепции. От этого совещания многое зависит, Иван Владимирович. Очень многое.

Бобылкин: Восемь тонн «Золотых семечек», в Астраханскую область...

Зубова: Да оставьте вы Астраханскую область в покое! Что эти восемь тонн для компании? Мизер. Я предлагаю задуматься о стратегической концепции продаж. Вы же Флаймэн, а Флаймэн – публичное лицо, раскрученное в средствах массовой информации! Понимаете, к чему я вас подталкиваю?

Бобылкин: Не совсем.

Зубова: Вы, Иван Владимирович, можете стать брэндом нашей компании.

Бобылкин: Я? Брэндом?

Зубова: Не вы, конечно, а Флаймэн. Его желтое трико, желтая маска – все это как нельзя лучше гармонирует с желтым цветом растительного масла. Флаймэн советует покупать подсолнечное масло. Флаймэн такой сильный, потому что употребляет в пищу очищенное масло. Представляете рекламные слоганы?

Бобылкин: Это... довольно неожиданно.

Зубова: Не скрою, для вас мое предложение не только шанс закрепиться в компании, но и перейти в более высокое служебное качество. Кроме того, компания сможет взять на себя вашу юридическую и физическую защиту. После того, как вы справились с террористами, могут возникнуть неприятности не только по милицейской, но и по исламской линии. А вам, Иван Владимирович, это нужно? Не дай Бог, милиционерам или террористам удастся выяснить, кто скрывается под маской Флаймэна... Ну, вы меня понимаете. Стать официальным брэндом компании – наилучший способ легализовать и обезопасить себя.

Бобылкин: Правда?

Зубова: Я хочу, чтобы вы передали компании права на использование образа Флаймэна в продажах растительного масла. Это новаторская концепция продаж, которая выведет нас на новый уровень дистрибуции.

Бобылкин: Но...

Зубова (тоном, не допускающим возражений): Могу я считать, что предварительная договоренность достигнута?

Бобылкин: Да... если вопрос стоит таким образом...

Зубова: И еще, Иван Владимирович, пожалуйста, не исчезайте в рабочее время – по крайней мере, пока решение о новом брэнде не принято окончательно. Давать повод для досужих сплетен было бы опрометчиво. Если потребуется, берите командировочное предписание – я вам его с радостью подпишу.

Бобылкин: Я понимаю... по возможности...

Зубова: Наш Департамент гордится вашими подвигами, Иван Владимирович. Так держать!

Бобылкин (вконец смуцаюсь): Спасибо.

Зубова: Вы, Иван Владимирович, кофе пьете?

Бобылкин: Пью.

Зубова: Предлагаю с коньяком. У меня есть хороший, французский. В честь рождения нового брэнда. (По телефону). Зина, принесите нам кофе.

Достает рюмки и бутылку с коньяком.

Зина (заходя с подносом): Кофе, сахар, печенье...

При виде бутылки с коньяком застывает как вкопанная: коньяк Зубова распивает не каждый день. Из раскрытой двери доносятся звуки включенного Зиной радио.

Радио: Вы только что прослушали знаменитый хит певицы Эсмеральды «Фиолетовая любовь». А теперь последние городские новости. Как нам только что сообщили, на складе новогодней пиротехники, расположенном почти в центре Москвы, на К-вой набережной,

вспыхнул сильный пожар. Выходы заблокированы, а пожарные не могут справиться с огнем. Количество людей, находящихся в горящем здании, уточняется.

Бобылкин вздрагивает и срывается с места.

Зубова: Иван Владимирович, вы куда?!

Бобылкин: В туалет... Извините, Ирина Витальевна, мне... очень надо...

Зубова (с улыбкой понимания): Командировочное предписание подпишите.

Бобылкин: Потом, потом.

Убегает.

Зина: Какое хамство.

Зубова: Не скажите, Зина – Иван Владимирович не простой человек, и относиться к нему следует с пониманием. Терпимей надо друг к другу относиться, девочки и мальчики. Ступайте работать, Зина.

Остается в одиночестве. Напряженно, до ломоты в висках, размышляет над проблемами мировой дистрибьюции, пока ее не отвлекает праздничный фейерверк на улице. Это горят склады с новогодней пиротехникой на К-вой набережной. Тогда Зубова выходит из кабинета и присоединяется к остальным сотрудникам, которые сгрудились у стеклянной стены и с детской непосредственностью любят крутящимся, разбрызгивающим огни разноцветным заревом.

Занавес

Калиф и Пэри ***Фантазия на темы арабских сказок***

Действующие лица:

Калиф.

Служащие гарема:

Евнух, управляющий.

Пэри, наложница.

Муса, стражник.

Стражники при дворцовых воротах:

Пожилой стражник.

Молодой стражник.

Гончары:

Юсуф, смотрящий гончар.

Мамед, торговец гончарными изделиями.

Абдул, юродивый.

Нищий.

Дэв.

Мальчик.

Эмир бухарский.

Народ халифата.

Сцена 1

В гарем входит Калиф.

Калиф: Эй, евнух!

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Да ладно, ладно.

Евнух: ...чей ум пронизывает вселенную насквозь, а стопы упираются в земную твердь подобно слоновьим...

Калиф: Ну, это явное преувеличение.

Евнух: ...милостивейший из милосердных и победоносный из непобедимых...

Калиф: Какой там победоносный, когда эмир бухарский, чтоб Аллах изжарил этого ренегата на медленном огне, нарушил наши территориальные границы. А выглядел приличным человеком! Ему военные игрища, а мне заботы – подбирай теперь подходящую кандидатуру на пост министра обороны.

Евнух (*поднимаясь с колен*): Не корите себя, о совестливейший!

Калиф: Почему?

Евнух: Разве это территориальные границы? Так, кусок безжизненной пустыни со змеями и перекасти-полем. Нам стоило приплатить эмиру бухарскому, чтобы он забрал неплодородные земли под свое покровительство.

Калиф: Ты думаешь?

Евнух: Отрубите мне голову, если не думаю.

Калиф: Ну вот, опять. Как же вы, подданные, мне осточертели! Чуть что, сразу «отрубите мне голову», и так двадцать раз на дню! Если бы я был совестливейшим, разве стал бы рубить головы своим служащим?

Евнух: Так вы же и не рубите.

Калиф: Твоя правда, евнух. Гляди-ка, как ловко ты поддел своего властителя.

Евнух: О, наблюдательнейший из милосерднейших...

Калиф: Ладно, замаяли. Принеси лучше поднос с фруктами. После государственных дел мне необходимо подкрепиться и расслабиться.

Евнух: Вот фрукты, властитель.

Протягивает поднос.

Калиф: Я попросил не только подкрепиться, но и расслабиться.

Евнух (*вздыхая*): Могу предложить Гюзель.

Калиф: Это ту, с широкими бедрами?

Берет с подноса изюминку.

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Что там еще?

Евнух: Несмотря на крепчайшую, как ремни из конской кожи, память, вы изволили перепутать Гюзель с Гафизой.

Калиф: Значит, Гюзель не аппетитная крутобедрая брюнетка?

Евнух: Это не она.

Калиф: А какая тогда Гюзель?

Евнух: Изящная, как дикая серна, и голосистая, как райская птичка.

Калиф: А, голосистая! Теперь вспомнил. Это она в прошлый раз извивалась на постели, подобно полозу, которому отдавили хвост повозкой, и орала своему повелителю в ухо, как тысяча рожающих кошек? Я не оглох только по милости Аллаха.

Евнух: О, нежнейший...

Калиф: Нет, нет, даже не уговаривай. Отложим Гюзель на потом. Может быть, в следующем месяце...

Евнух: Как прикажете, о благоразумнейший.

Калиф: Но брюнетками, надеюсь, мой гарем укомплектован полностью?

Берет с подноса вторую изюминку.

Евнух: О да.

Калиф: Зачитай в алфавитном порядке.

Евнух разворачивает свиток.

Евнух: Абигона, Алисандра, Аспазия...

Калиф: Аспазия? Эллинка?

Евнух: Вы, как всегда правы, о памятливейший.

Калиф: Нет, обойдемся без этих распутных эллинок. Если бы ты только знал, что одна из них вытворяла со мной прошлой весной. Брр-р! Как вспомню, мурашки по коже.

Евнух: О, властитель...

Калиф: И вообще, евнух, я недоволен твоей работой. Почему гарем не пополняется? Где внимание ассортиментному минимуму? Не хочешь ли сказать, прожорливый паук, что тебе мало выделяемых дотаций? Да ведомо ли тебе, о несчастный, что расходы на гарем уже превысили третью часть государственного бюджета?

Евнух: О, властитель...

Калиф: Что ты заладил: «О властитель, о властитель»? Отвечай, когда был последний завоз?

Евнух: На прошлой неделе, о благочестивейший...

Калиф: Сколько поступило девушек?

Евнух: Двенадцать.

Калиф: Откуда?

Евнух: Финикия, Ифракия, Египет. В начале недели была эксклюзивная партия из Македонии.

Калиф: Девушки-то хоть красивые? Я это к тому, что государственные финансы нужно тратить с умом.

Евнух: Сочней спелого персика, невинней сновидений младенца.

Калиф: Невинней, говоришь? Ты внимательно смотрел? А то в прошлом году...

Евнух: Внимательней не бывает.

Калиф: Так и быть, не стану оскорблять слух напоминанием того, что случилось в прошлом году. Такого прокола, надеюсь, больше не повторится?

Евнух: Я уже тысячу раз извинялся.

Калиф: Все, проехали...

Берет с подноса третью изюминку.

Что-нибудь интересное поступило?

Евнух: Очень красивая шестнадцатилетняя македонка с большими сись... Я хотел сказать, с развитыми для ее возраста формами. Вам понравится.

Калиф: Ставлю динарий, взятая прямо с сенокоса деревенская баба. Мои отборщики тащат в гарем кого ни попадя.

Евнух: Заверяю вас, о привередливейший из заслуженных, у этой девушки прекрасные манеры. Несомненно, она благородного происхождения. Деревенские бабы не носят носовых платков, а эта, только прибыла в гарем, сразу затребовала дюжину.

Калиф: Мне-то ты про носовые платки не заливай, евнух. Я еще не забыл, на сколько процентов гарем превысил смету на текстильные изделия в прошлом месяце. (*Капризничая*). Не хочу македонку, они все сопливые.

Евнух: Берите любую, какая приглянется, о неутомимейший из выносливых.

Калиф: Подай сюда список. Давай, давай, не стесняйся.

Отбирает у евнуха список. Открывает на первом попавшемся месте.

Так, что здесь... Фарида, Фатима, Фирюза... Эй, евнух, приведи-ка мне Фирюзу, да поживее!

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Что опять?

Евнух: Несравненнейший из милосердных, милосерднейший из искусных...

Калиф: Что-то серьезное?

Евнух (*поднимаясь с колен*): К сожалению, у Фирюзы месячные.

Калиф: Ну вот, так всегда. Не успеешь огласить монарший выбор, а тебе уже плюют в лицо. А я настроился на Фирюзу!

Евнух: Не раньше, чем через три дня.

Калиф: Ну и что, что месячные? Можно...

Евнух: Нет.

Калиф: А если...

Евнух: Ни в коем случае.

Калиф: Не много ли ты берешь на себя, евнух?

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Проняло?

Евнух (*поднимаясь с колен*): Девушкам не приличествует заниматься любовью в этот период. Если не верите мне, спросите хотя бы у Ибн-Сины. Я поставлен надзирать за гаремом и не позволю вредить здоровью наложниц. Измените решение, о рассудительнейший, или отрубите мне голову!

Калиф: Опять рубить голову? Видит Аллах, не могу больше слышать про отрубленные головы! Да что же это такое, в конце концов! Мне уже начинают мерещиться по углам всякие отрубленные головы с высунутыми синими языками. А тут еще бухарский эмир, да поразит его Аллах в солнечное сплетение, бывший друг, называется! Теперь подбирай кандидатуру на пост министра обороны... Кстати, евнух, не желаешь занять пост министра обороны?

Евнух: Спасибо, не желаю. Меня устраивает нынешняя должность.

Калиф: Разумеется, разумеется, так я и думал. Каждый заботится о своей шкуре, а чтобы блюсти государственные интересы, это выкуси. Пусть родной халифат обходится без министра обороны, с него не убудет!

Евнух: Вы несправедливы, о заботливейший из озабоченных.

Каждый печется о благополучии халифата на своем рабочем месте.

Калиф: На своем пригретом местечке, хотел ты сказать? Велеречивые обещания, как они мне надоели... Ладно, евнух, что-то я у тебя сегодня засиделся, а государственные интересы не терпят отлагательств. Пойду напишу декрет... Как ты думаешь, мой народ читает мои декреты?

Евнух: Непременно, о трудолюбивейший из работающих. Все, кому не лень... Захватите фрукты, вы не доели. Берите, берите вместе с подносом, не стесняйтесь.

Вручает калифу поднос с фруктами.

Калиф: Спасибо.

Уходит с подносом. Евнух утирает пот со лба.

Сцена 1 (окончание)

Через двадцать секунд. В гарем возвращается Калиф.

Евнух (*с видимой досадой*): Вы что-то забыли, повелитель?

Калиф: О злоязычный евнух, ты чуть не заговорил меня своими любезными до бесконечности речами. Я вспомнил, что пришел в гарем вовсе не для беседы с тобой, извивающийся подземный червь, а для общения с прекрасными наложницами.

Возвращает поднос на ковер.

Евнух: Я решил, у вас разболелась голова.

Калиф: Нет, евнух, с тобой, как видно, по-хорошему не договоришься. Что тебе ни прикажешь, ты все одинаково ловко саботируешь.

Делает официальное выражение лица.

Повелеваю привести Пэри.

Евнух (*вскрикивает от неожиданности*): Как Пэри? Опять Пэри?

Калиф: Опять.

Евнух: Почему именно эту наложницу? Она такая юная.

Калиф: Именно поэтому.

Евнух: Но вы же, о усерднейший из позабывших, уже уединялись с ней на прошлой неделе?

Калиф: Что с того?

Евнух: У вас большой выбор, властитель.

Калиф: Мне хочется Пэри.

Евнух: Вашему организму, о понятливейший из воспринимающих, полезней разнообразие.

Калиф: Моему организму видней, что ему полезней. Немедленно приведи сюда Пэри, иначе скормлю твой труп гиенам.

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф (*грозно*): Ты, евнух, никак перечить мне вздумал?

Евнух: Помилуй Аллах.

Уходит, пожимая плечами.

Сцена 2

Через полтора часа. Опочивальня. Калиф и Пэри под пуховыми одеялами.

Пэри: Что мне еще сделать для своего повелителя?

Калиф: Станцуй.

Девушка выскальзывает из-под одеяла, натягивает прозрачные шелковые шальвары, и танцует стриптиз, напевая при этом:

Пэри:

На берегу Инда,
Инда или Ганга,
Персик тонколистый
Из земли пророс.

Я приду на берег
Инда или Ганга
И поспевший персик
Тихонько сорву.

Персиком румяным
Накормлю я друга,
Чтоб достало силы
Меня обнимать.

На берегу Инда,
Инда или Ганга,
Обниматься станем,
Пока не умрем.

Калиф: Какая красивая песня.

Пэри: Этой песне научила меня моя мать.

Калиф: Кем она была?

Пэри: Какая теперь разница? Ну, она была домашней проституткой.

Калиф: Домашней, потому что принимала клиентов на дому?

Пэри: Нет, потому что отец, когда бывал дома, постоянно ее домогался. Когда детей в доме стало слишком много, а еды слишком мало, родители продали меня в рабство.

Калиф: Они сделали доброе дело, одарив меня лучшей из наложниц.

Пэри (*польщенно*): О, повелитель!

Калиф: Такого возбуждения я не испытывал ни с одной из женщин.

Пэри (*кокетливо*): Что вы такое говорите?

Калиф: Правду, чистую правду. С тобой я впервые почувствовал, что значит быть мужчиной. Это было как... как будто Аллах перегородил Евфрат огромной плотиной, а потом внезапно разрушил ее. Воды Евфрата хлынули в прежнее русло, а я, по милости Аллаха, воспарил в райские кущи.

Пэри: Как красиво вы говорите.

Калиф: Благодаря тебе, Пэри, я смог расслабиться. А ведь час назад, до посещения гарема, был угнетен государственными заботами.

Этот нарушитель границы, бухарский эмир, чтоб его дэвы взяли...

Пэри: Да, я слышала. У вас неприятности, повелитель.

Калиф: Ха, неприятности. Ну, если называть неприятностями вторжение вражеских войск на территорию независимого государства, тогда, конечно, у меня неприятности. Я уж не говорю про необходимость подыскать толкового министра обороны.

Пэри: А правду говорят, что у бухарского эмира гарем больше нашего?

Калиф: Кто говорит?

Пэри: У нас в гареме говорят.

Калиф: С чего бы это гарему бухарского эмира быть больше нашего?

Пэри: Потому что пенис у эмира бухарского больше, чем у вас, о повелитель.

Калиф (*меняясь в лице*): Что такое?

Пэри: Это не я придумала, так в гареме говорят.

Калиф: Ну знаешь, всякому терпению есть предел. Мне следовало бы расформировать гарем, отдав наложниц на сельскохозяйственные работы.

Пэри: Это ходить ранним утром по полю, собирая колорадских жуков в баночку?

Калиф: Вот именно.

Пэри: Ах, повелитель!

Калиф: Не бойся, я пошутил. К тому же, это все неправда, насчет пениса: с чего бы это пенису эмира бухарского быть больше моего? Да и гарем в Бухаре так себе, ничего особенного. Был я в этом гареме года два назад, еще до того, как с эмиром поссорился. Он пытался подложить под меня какую-то рябую девчонку, но я отказался. Настоял, на правах гостя, на красивой высокорослой шведке. Так вот, эта шведка извивалась подо мной, будто ее впервые удовлетворяли. А ты говоришь, пенис у эмира бухарского больше моего! Потом она, я имею в виду эту дылду шведку... Что с тобой, Пэри? Почему ты плачешь?

Пэри: У вас слишком много женщин, повелитель! Вы скоро забудете и разлюбите свою маленькую Пэри.

Калиф: Женщины, не стану скрывать, у меня были. Но все они остались в прошлом, ты уж мне поверь.

Пэри: Я вам не верю.

Калиф: Не веришь мне, своему калифу? Да как ты... Хорошо, Пэри, успокойся. Заверяю тебя в своей искренней и самозабвенной любви. Я люблю тебя, Пэри... А ты – любишь ли ты меня столь же страстно и преданно, как я тебя?

Пэри: Любить вас – моя обязанность, о повелитель. У нас и в должностной инструкции об этом написано.

Калиф: Нет, я спрашиваю о том, ЛЮБИШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ?

Пэри: Как скажете, повелитель.

Калиф: Любимая.

Пэри: Милый.

Калиф (*растроганно*): Попробуй изюм. Он вкусный.

Берет с подноса изюминку, пододвигая к Пэри поднос с остальными фруктами.

Пэри: Вы такой заботливый.

Калиф: Это что! Я калиф, я еще и не то могу. Проси у меня, что пожелаешь, все обещаю исполнить.

Пэри: Мне ничего не нужно, хотя...

Калиф: Выкладывай, выкладывай, не стесняйся!

Пэри: Я не решаюсь.

Калиф: Нельзя быть такой скромницей, Пэри. Я повелеваю тебе.

Пэри: Ну, если повелеваете. Мне бы хотелось, чтобы меня ненадолго, хотя бы два-три раза в неделю, выпускали из гарема.

Калиф давится изюминкой.

Калиф: Я не ослышался? Повтори, что ты сказала.

Пэри: Хочу, чтобы меня выпускали из гарема на базарную площадь. Мне нужны хорошие румяна. Здесь, в гареме, таких не достать.

Калиф: Попроси евнуха. Он купит.

Пэри: Ах, нет, только не евнух! Он же мужчина, он не сможет правильно выбрать.

Калиф: Какой же евнух мужчина?

Пэри: Я имела в виду, не женщина. Так вы распорядитесь, чтобы меня выпускали? Я ненадолго, на полчасика, туда и обратно. Мне нужны особые полуденные румяна, я не смогу объяснить евнуху, какие. Я бы сама потолкалась среди торговцев и выбрала.

Калиф: Это совершенно исключено – толкаться среди торговцев.

Пэри (*мрачно*): Ну вот, так и знала.

Калиф: Обиделась. Скушай изюминку, любимая. Каждая напоена солнечными лучами, падавшими на нее в течение лета.

Пэри: Не хочу сухофруктов. И не заговаривайте мне зубы, я все равно пропускаю ваши льстивые слова мимо ушей. Вы меня не любите, только притворяетесь.

Калиф: Точно обиделась.

Пэри (*заламывая руки*): Я покорная рабыня, делайте со мной все, что захотите. Можете хоть голову отрубить.

Калиф: О, Аллах, снова про голову, я этого не вынесу, в конце концов! Чувствую, все закончится трагически: я и в самом деле отрублю кому-нибудь голову.

Пэри (*рыдая*): Рубите! Рубите! Лучше быть с отрубленной головой, чем наложницей в вашем ужасном гареме.

Калиф: Надеюсь, это гипербола?

Пэри: Вы меня не любите, а пользуетесь моим телом! Я для вас никто – так, одна из рядовых наложниц.

Калиф: Тоже не соответствует действительности. Ты нравишься мне гораздо больше рядовых наложниц, поэтому тебя нельзя называть рядовой. Ты любимая наложница повелителя, Пэри.

Пэри: Я вам не верю, не верю, не верю!

Калиф: Если не веришь моим словам, могу издать специальный декрет. В нем черным по белому будет написано, что ты любимая наложница калифа. Каждый из декретов скрепляется большой печатью Дивана, между прочим.

Пэри (*продолжая заламывать руки*): Не верю ни вам, ни вашему декрету!

Калиф: Большой печати Дивана тоже не веришь?

Пэри: Печати особенно!

Калиф: Хорошо, решим дело полюбовно. Я позволяю тебе раз в неделю выходить на базар в сопровождении евнуха, а ты разрешаешь мне подстригать волосы на твоём лобке. Стрижка лобка меня здорово заводит.

Пэри: Волосы на лобке? Нет, ни за что! Это же извращение.

Калиф: Ничего не извращение.

Пэри: Нет, извращение.

Калиф: И это говорит женщина, которая не более получаса тому назад...

Пэри: Ах, вы, мужчины, ничего не понимаете – меня обсмеют!

Калиф: Но почему?

Пэри: У нас в гареме это не принято. Волосы на лобке нам, по расписанию, подстригает евнух. Он знает, как.

Калиф: Я начинаю завидовать этому калеке... чуть не сказал – коллеге. Что же, в таком случае аудиенция закончена.

Тянется к халату.

Пэри (*быстро*): А вы правда разрешите мне выходить на базарную площадь дважды в неделю?

Калиф: Правда... Постой, я же сказал: один раз в неделю!

Пэри: Одного раза мало, повелитель.

Калиф: Аллах с тобой, пусть будет дважды. А сейчас иди ко мне, любимая. Я уже трепещу в предчувствии того райского наслаждения, которым ты намерена меня одарить. Неси поскорей ножницы.

Пэри убегает за ножницами.

Хотя кто бы мне объяснил, чем одно райское наслаждение отличается от другого, и с какой стати меня, словно колдовством, тянет к этой взбалмошной девчонке, а не к какой-нибудь другой, более образованной, красивой и умеренной женщине. Правду говорят мудрецы, любовь – штука иррациональная.

Сцена 3

Калиф выходит из опочивальни. При виде его, евнух опускается на колени.

Евнух: О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Можешь не продолжать. Скорей разожги кальян – я вымотался, будто не слезал с лошади в течение суток.

Евнух: Лошадка была послушной, не брыкалась?

Приносит и разжигает кальян.

Калиф: О, Пэри была на высоте. Какая же она гибкая, трепетная и соблазнительная! Это ты обучил ее всяким эротичным па?

Евнух: Всего лишь показал несколько движений.

Калиф: Молодец, достоин поощрения. В следующем году подниму на Диване вопрос об увеличении финансирования гарема.

Евнух: Спасибо, о щедрейший.

Калиф: Послушай, евнух, ты случайно не знаешь, какого размера пенис у бухарского эмира?

Евнух: О, любопытствующий...

Калиф: Не знаешь, значит. А курнуть хочешь? На, кури, будем затягиваться по очереди.

Курят по очереди.

(Продолжая прежнюю мысль). А как она двигает бедрами! Скажи, отчего другие наложницы так бедрами не двигают? Не мог бы ты показать несколько движений и остальным девушкам?

Евнух: Это у Пэри природное.

Калиф: Я так и думал. Аллах знает, как это у нее получается. К слову, я разрешил Пэри дважды в неделю выходить на базар, в твоём сопровождении. За ее безопасность ты, евнух, отвечаешь головой.

Евнух: Это уж как водится.

Калиф: Я опять упомянул голову? Похоже, начинаю заговариваться. Ладно, забыли и затянулись... Но Пэри, Пэри – эта юная наложница почему-то все время стоит перед глазами. Разве так бывает, евнух? Вот она проплывает перед тобой в танце, обнаженная, или примеряет перед зеркалом блестящие побрякушки, или занимается с тобой любовью. Ничего из ряда вон выходящего, а вместе с тем понимаешь: эта женщина – назначенный тебе Аллахом фатум... А ты, евнух, когда-нибудь испытывал чувство, что женщина, с которой ты занимаешься любовью, есть назначенный тебе фатум?

Евнух: Куда уж мне заниматься любовью.

Калиф: Прости, как-то не подумал. С языка слетело.

Евнух: Я привык.

Калиф: Все забываю спросить тебя, евнух. Ты ведь в гареме давно, еще отцу моему служил. А как ты пошел в евнухи? Ну, с чего все началось?

Евнух: Это долгая история, о любопытнейший из познавших.

Калиф: Я весь внимание.

Евнух: Да будет вам известно, о внимающий, что родился я в зажиточной крестьянской семье, которая, тем не менее, ко дню моего шестнадцатилетия окончательно разорилась. Отец, надумав сделать в коровнике ремонт, взял у менялы кредит и не смог по нему расплатиться. Проценты все нарастали и нарастали, пока в один несчастливый день не превысили стоимость всего нашего хозяйства со всеми его орудиями и животными. От непосильных тягот отец заболел и умер. Тогда, не успели заплесневеть лепешки со скудного поминального стола, меняла

распорядился отобрать у нас дом со всем, что в нем было, и продать в счет погашения долга. После расплаты с менялой у нас с матерью осталась лишь жалкая лесная лачуга, которую мы когда-то использовали для хранения дров. В этой лачуге мы и стали жить, питаясь лесными ягодами и кореньями.

Однажды, бродя по лесу в поисках съестного, я споткнулся о длинный и гладкий, торчащий из-под земли столб. Удивившись, я попытался вытащить этот непонятный столб из земли, что после нескольких безуспешных попыток мне наконец удалось. И как только я его вытащил, в том месте, где от вытаскиваемого столба образовалась в почве глубокая дыра, разверзлась земля и из-под нее выскочил огромный и страшный дэв, держащийся за свою ступню.

«О, Аллах! – вскричал дэв громоподобным голосом, от которого у меня по всему телу прошел холодный озноб. – Три тысячи триста лет и еще тридцать три года с одной третью я не мог вытащить из ноги эту проклятую занозу, и ни один джин или дервиш, к которым я обращался на протяжении этого длительного периода, не могли мне помочь, и только тебе, смертному человеку, оказалось по силам меня излечить. В благодарность за чудесное исцеление объявляю тебя своим товарищем. Отныне и навсегда мы с тобой товарищи. Во веки веков!»

Так объявил дэв, заключая меня в крепкие товарищеские объятия, от которых я едва не испустил дух. И тогда, обрадовавшись новообретенному товарищу, рассказал я ему о своей короткой и суровой жизни: о том, как, благодаря коварству менялы, мы с матерью потеряли дом вместе со всем нажитым добром, и какое полуголодное существование влачим теперь.

«Что я могу сделать для тебя, товарищ?» – закричал дэв, роняя крупные слезы величиной с целый арбуз.

И тогда я попросил у дэва немного денег, чтобы мы с матерью могли купить немного еды и насытиться.

«О, мой бедный измученный товарищ, – ответил тронутый моим бедственным положением дэв. – В можжевелевом лесу, в котором мы с тобой находимся, не сыскать денег, ибо в нем нет рудников цветных металлов и даже ни одного клада с монетами не зарыто. Прости, но при всем своем желании я не могу достать для тебя немного монет, чтобы ты со своей уважаемой матерью утолил мучающий вас голод. Однако не гляди на меня с такой выразительной скорбью – надеюсь, что смогу помочь твоему горю. Действуя вдвоем, мы заставим раскошелиться менялу, столь бессовестно тебя обобравшего и осиротившего».

Слова товарища показались мне не лишенными резона, и я согласился. Тогда мы договорились, как поступить.

На следующее утро я встал на голодный желудок пораньше, поцеловал на прощание спящую мать и захватил в дорогу пустой кошель своего отца, в котором давно уже ничего не звенело. И, встретившись с дэвом, набил по его наущению кошель мелкими камнями и травой, чтобы кошель выглядел, как будто он полон денег. И мы с дэвом отправились на городскую площадь, на которой, помимо торговцев разным галантерейным и оружейным товаром, располагались меняльные лавки. И на городской площади я увидел меняльную лавку своего обидчика – того самого менялы, который разорил мою семью и свел в могилу отца. И моя душа преисполнилась такой злобы и ожесточения, что, не дрогнув ни единым лицевым мускулом, я вошел вместе с дэвом в меняльную лавку.

Надо сказать, о благороднейший из великих и величайший из бессмертных, что меняла меня не узнал, так я был худ и изможден жизнью в лесной лачуге.

«Что тебе надо в моей лавке, оборванец? – закричал он на меня, только увидев. – Немедленно убирайся отсюда сам и своего дружкавеликана не забудь захватить, иначе кликну стражников и вам обоим не поздоровится!»

На что я сделал удивленное лицо и ответил:

«Разве не здесь по самому выгодному курсу меняют греческие драхмы, и португальские песо, и испанские дублоны? Наверное, я по ошибке зашел не в ту лавку».

Меняла поразился моим рассудительным словам и, перестав возмущаться, промолвил:

«Ты не ошибся, прохожий, я действительно самый честный и бескорыстный меняла во всем городе, и курс у меня самый гибкий для покупателя, однако не хочешь ли ты сказать, что зашел в мою лавку произвести денежный обмен? Насколько я могу судить по твоему халату и изможденному виду, денег у тебя давно не водится».

И тогда я вытащил из-за пояса набитый камнями кошель, показал остолебевшему меняле издали и изрек:

«Не всякий, у кого водятся деньги, любит привлекать к себе внимание. На проезжих дорогах полно разбойников, подстерегающих богато одетых людей, но разбойники не обратят внимание на человека в таком потертот халате, как у меня».

«Да ты повидавший виды путник, тебе, оказывается, палец в рот не клади, – закричал обрадованный предстоящей сделкой меняла. – Ну что же вы стоите, уважаемый, заходите, заходите внутрь вместе со своим телохранителем!»

Тогда я ответил меняле:

«Нет уж, пусть телохранитель подождет снаружи, дабы никто из мелких покупателей не вошел и случайно не помешал нашей крупной торговле».

Мой товарищ дэв остался снаружи меняльной лавки, наблюдая за тем, чтобы никто из случайных посетителей не вошел в меняльную лавку, пока в ней нахожусь я. И тогда меняла окончательно уверился в том, что я искусный и опытный купец.

«Какую валюту, уважаемый, вы намерены обменять?» – спросил он, становясь за прилавок.

И я ответил меняле, что намерен обменять пятьдесят испанских дублонов на динарии, но прежде хочу взглянуть на динарии, которые он может предложить в обмен, потому что встречаются монеты чрезвычайно истертые и непригодные к обращению. Меняла принялся выкладывать на прилавок золотые и серебряные монеты, однако, еще опасаясь незнакомого человека, не убирал с монет дрожащих от алчности рук, взглядом приглашая меня открыть кошелек и выложить на стол свои дублоны. И я достал из-за пояса свой набитый камнями кошель и кинул его меняле, которому, чтобы поймать брошенный кошель, пришлось убрать руки с динариев. Тогда, оставив кошель с камнями в руках менялы, я схватил с меняльного стола столько золота и серебра, сколько смог загрести зараз, и выбежал из меняльной лавки под горестные вопли хозяина.

И, выбежав из лавки, я увидел, что ко мне, брэнча со всех сторон оружием, уже спешат базарные стражники, но в этот момент мой товарищ дэв, к изумлению всех находящихся на базаре покупателей, оборотился чистокровным арабским жеребцом. Я, зажав в подоле халата деньги, захваченные в меняльной лавке, запрыгнул к нему на спину, и мы, подобно сверкнувшей молнии, взлетели к самым облакам, оставив изумленных стражников глотать пыль, поднятую копытами моего быстрого товарища. Так, о величайший из великих и могущественнейший из могучих, я со своим товарищем совершил первую экспроприацию.

На экспроприированные деньги я купил белоснежного, как снег, рису и других изысканных яств, которые принес в лачугу своей матери. Мы с матерью смогли утолить голод, а оставшиеся несколько монет я отдал своему товарищу дэву, так здорово помогшему мне рассчитаться с бессердечным менялой за все те нечеловеческие лишения, которые тот мне причинил.

И на следующее утро ко мне в лачугу пришел дэв и предложил пов торить экспроприацию, говоря, что денег было экспроприировано недостаточно и что не одна моя семья пострадала от скопидомства менял, а еще много подобных семей, поэтому надо рассчитаться не с одним моим обидчиком, а с обидчиками всех нищих и обездоленных, каких полно на нашей обездоленной земле. И я подумал, что все это чистая правда, и мы повторили экспроприацию, уже с другим менялой на другой площади. На вырученные деньги я снова, чтобы нам с матерью

не голодать, накупил разных кушаний, а часть денег роздал нищим в качестве милостыни, а остатки вручил своему товарищу.

Так продолжалось из недели в неделю. Я заходил в меняльную или торговую лавку, хватал с прилавка деньги или другие ценности, какие там находились, и взмывал на чистокровном арабском жеребце, в которого обращался мой товарищ, к небесам. Часть денег я тратил на пищу, часть на милостыню, а часть отдавал дэву. На деньги, остававшиеся от милостыни, я приобрел большой красивый дом, куда переехал с матерью из нашей совсем покосившейся и протекшей лесной лачуги.

Я жил и радовался жизни, о могущественнейший из прославленных и прославнейший из несравненных, только со временем приметил, что мой товарищ дэв будто чем-то опечален: с каждой неделей он становился все сумрачней и неразговорчивей, все более и более замыкаясь в себе. И тогда я прямо спросил товарища о причине его недомогания, не могу ли я нанять для него для искусного лекаря, или организовать в его честь веселую дружескую вечеринку, или оказать какую-нибудь другую обычную между товарищами услугу.

На мои заботливые речи дэв, пряча глаза, отвечал:

«Не кажется ли тебе, товарищ, что экспроприированное следует делить поровну, как то заведено между настоящими товарищами?»

И тогда, поняв, что опечалило дэва, я стал делить экспроприированные деньги поровну между нами, для чего мне пришлось сократить пожертвования на нищих и обездоленных, ибо денег с трудом хватало на содержание большого, переполненного слугами дома. Моя мать, узнав о случившемся, перестала пускать дэва на порог и страшно на меня накричала, после чего мы не разговаривали с ней неделю, однако я все равно продолжал делить деньги поровну, потому что пообещал дэву и не мог изменить однажды данному слову.

Несмотря на мое благородное поведение, дэв изо дня в день становился все задумчивей и необщительней, пока на одной из наших обычных деловых встреч не заметил:

«Не кажется ли тебе, товарищ, что еще справедливей было бы платить мне за выполняемую работу две трети, а не половину?»

«Чем же две трети справедливей, чем половина?» – изумился я неожиданно дерзким речам дэва.

«Скажи, товарищ, – произнес в ответ на мое неприятие изумление дэв, – можешь ли ты оборотиться в чистокровного арабского скакуна? Если не можешь, значит мое участие в экспроприации важнее твоего, поэтому я и говорю, что мне было бы справедливым получать две трети всех добываемых денег, тогда как тебе – лишь одну оставшуюся треть».

На это я ответил:

«Дай мне на размышление одну ночь, о товарищ. Завтра утром, посоветовавшись с матерью, я приму решение».

И пошел я к своей матери, и рассказал ей, что дэв требует две трети от экспроприруемых денег, и моя мать долго плакала и кричала на меня, что я своим бескорыстием скоро совсем ее доконаю, что слугам нечем платить и что мне следовало бы подумать о жене и детях, которыми я, безусловно, скоро обзаведусь. Вдосталь на меня накричавшись, моя мать забылась крепким старушечьим сном, я же так и не смог решить, согласиться ли с гнусным предложением дэва или ни в коем случае не соглашаться.

Каково же было мое изумление, когда наутро дэв появился в мое жилище как ни в чем ни бывало, говоря, что дико извиняется за вчерашние требования, что повел себя не по-товарищески из-за инфлюэнцы, которую нечаянно подцепил на базаре, и что готов, как прежде, обращаться в чистокровного арабского жеребца за половину экспроприруемой суммы. И я очень обрадовался, потому что не мог выносить ссор со своей матерью, и радостно пожал дэву руку, и мы пошли в заранее намеченную богатую лавку, из которой рассчитывали забрать немало ценных вещей. И когда я, следуя нашему обыкновенному плану, под истошные вопли торгов-

цев выбежал из лавки с двумя связанными тюками товаров наперевес, и торопясь перекинул их через спину чистокровного арабского жеребца, в которого оборотился дэв, жеребец внезапно толкнул меня потным крупом в плечо, отчего я упал на землю.

«Прощай, товарищ! Нам не суждено боле увидеться», – заржало предательское животное, взмывая в воздух, чтобы навеки раствориться в его прозрачной голубизне.

Но перед тем, как навеки раствориться в прозрачной небесной голубизне, чистокровный арабский жеребец пнул меня копытом прямо в промежность, отчего я, о великий из могущественных и могущественнейший из прославленных, скривился от боли и потерял сознание. Подбежавшие ко мне стражники, сочтя мертвым мое изуродованное и неподвижное тело, оставили его в канаве, на растерзание воронам и уличным собакам, среди которых спустя несколько часов я и очнулся.

С неимоверным трудом я дополз до дома, но лекари оказались не в силах восстановить пошатнувшееся здоровье. Моя несчастная мать, надеявшаяся женить меня, чтобы понянчить внуков и правнуков, от горя и переживаний за случившееся вскоре ослабла, заболела и умерла. Похоронив мать, я устыдился своего прошлого недостойного поведения, уволил слуг и, полностью разуверившись в богатстве, продал нажитый бесчестным путем дом, после чего, по протекции вашего отца, о благороднейший из благородных, устроился в гарем евнухом. С тех пор предметом моих мыслей являются наложницы, о которых я по мере своих убывающих сил стараюсь заботиться и прихотям которых потакать.

Такова грустная история о том, как я потерял товарища и стал евнухом.

Калиф: Ты грабил меняльные конторы?

У него вследствие курения заметно улучшилось настроение.

Евнух: Можете отрубить мне голову, о кровожаднейший.

Он тоже повеселел.

Калиф: А что, и отрублю на здоровье, за мной не заржавеет!

Оба прыскают.

Но единственное, чего я не понимаю, так это, почему ты со своей матерью голодал?

Евнух: Мы редко кушали.

Калиф: Отчего же вы не кушали чаще?

Евнух: Нечего было.

Калиф: Странно. Как же вам нечего было кушать, когда городские базары, не говоря уже о бескрайних полях халифата, ломаются от снеди? Мне из дворцовых окон видно. Неужели вы ленились сходить на базар?

Евнух: У нас не было денег.

Калиф: Как же не было денег, если ты голодал, тем самым не тратил имеющиеся у тебя деньги? Уж не тратил ли ты их на какие-нибудь пустые развлечения?

Евнух: О нет, любопытнейший из рассудительных.

Калиф: В чем тогда дело, не понимаю.

Евнух (*становясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Короче?

Евнух: По недостатку ума, я затрудняюсь объяснить калифу.

Калиф: По недостатку чьего ума, твоего или калифа?

Оба смеются.

Евнух: Беда в том, о остроумнейший, что калифы никогда ни в чем не нуждаются.

Калиф: Ну почему же не нуждаются? Что такое бюджетный дефицит, я прекрасно понимаю. Однако никогда не опускаю руки перед трудностями, а всегда поручаю министру финансов во всем разобраться и немедленно устранить причину.

Евнух: Это правильно, о упорнейший.

Задумываются и по очереди затягиваются.

Калиф: Твои слова, евнух, не лишены осмысленности и даже глубины: жизнь простого народа остается для меня тайной за семью печатями. А так иногда хочется оказаться в шкуре какого-нибудь простого визиря или хотя бы звездочета. О торговце или цирюльнике я и мечтать не смею. Еще лучше было бы стать бродячим дервишем, чтобы целыми сутками путешествовать по дорогам, беседуя с сирыми и убогими. Говорят, сам Гарун-аль-Рашид, дабы ознакомиться с народными страданиями, выходил из дворца, переодевшись бедным горожанином. Куда мне до этого прославленного своей справедливостью правителя: не с кем из простого народа даже словом перемолвиться!

Евнух: А вон за дверью стоит стражник, с ним и перемолвитесь.

Калиф: Со стражником?

Евнух: Вы же хотели пообщаться с простым народом, а стражник как раз оттуда, можно сказать, полномочный представитель простого трудового народа.

Калиф: А в самом деле... Эй, за дверью! Стражник, я к тебе обращаюсь.

Слышно, как за дверью кто-то бухается на колени.

Стражник: О, величайший из великих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Стражник, а стражник...

Стражник (*из-за двери, тонким дрожащим голосом*): Слушаю и повинуюсь, о непредсказуемый.

Калиф: Отворяй дверь и заползай сюда.

Стражник: Я не смею осквернять гарем своим присутствием.

Калиф: А я повелеваю.

Стражник: А я все равно не смею.

Калиф: Долго тебя еще уговаривать?

Дверь отворяется, и в гарем заползает стражник.

Стражник (*чуть не плача*): Велите отрубить мне голову, о справедливейший. Всякому, кто осквернит калифский гарем, следует отрубить голову.

Калиф и евнух переглядываются и хохочут.

Калиф: Ну, отрубить голову всегда успеется. Лучше ответь, стражник, как тебя зовут.

Стражник (*запинаясь от страха*): Меня зовут Муса.

Калиф: Значит, Муса... Как ты живешь, Муса?

Муса: А?

Калиф: Как тебе живется, Муса?

Муса: Мне живется хорошо.

Калиф (*евнуху*): Что я говорил? Видишь, ему живется хорошо.

(*Стражнику*). Муса, поднимайся с колен и садись-ка рядом с нами.

Муса: Я не смею.

Калиф: Прекрати ломаться и присаживайся рядом со своим калифом, то есть со мной. Возьми кальян и кури, ну же. Затягивайся хорошенько. Отлично... Послушай, Муса, я собираюсь потолковать с тобой о жизни простого народа. Скажи-ка мне, Муса, сколько у тебя жен?

Муса: Одна.

Калиф: Как, всего одна? А сколько детей?

Муса: Пятнадцать.

Калиф: Как, всего пятнадцать? Наверное, в твоём доме пусто, как в аравийской пустыне.

Муса: Что вы, о сострадательнейший, мы еле в него помещаемся.

Калиф: Куда еле помещаетесь?

Муса: В дом еле помещаемся, да и то только стоя. Поэтому мне со старшими детьми приходится спать во дворе.

Калиф: Я и не знал, что дети простого народа такие толстые. Евнух уверял меня, что простой народ голодает.

Муса: Что вы, о заботливейший, мы кушаем каждый Божий день.

Калиф (евнуху): Вот видишь.

Муса: Иногда и дважды на дню.

Калиф: А ты не врешь, Муса? Так, вижу, что не врешь. Быстренько поднимайся с колен и возьми с подноса изюминку. Еще я хотел пораспросить тебя, Муса, о твоей службе. Ты ей доволен?

Муса: О, всемилостивейший...

Калиф: Это же, наверное, так скучно, целыми днями стоять у дверей гарема по стойке смирно.

Муса: Что вы! Мне нравится отворять двери вашему мудрейшеству.

Калиф: Правда?

Муса: Хотите, покажу, как ловко у меня получается?

Вскакивает на ноги.

Калиф: Не надо, я уже видел... А скажи-ка мне, Муса, далеко ли от дворца ты живешь?

Муса: Полтора часа верхом на лошади и два с половиной на ишаке.

Калиф: А ты на чем едешь?

Муса: Я хожу пешком. Люблю подышать с утра свежим воздухом.

Калиф: И во сколько начинается твоя служба?

Муса: Как пропойт муэдзины.

Калиф: В такую рань! А еще говорят, что простой народ трудится до изнеможения. Да трудись простой народ до изнеможения, разве достало бы у него сил подниматься ни свет ни заря? (Евнуху). Как много интересного можно узнать, общаясь с простым народом! Наверное, мне все-таки стоит переодеться в бедное платье и побродить по городу инкогнито.

Евнух: Тогда, о мудрейший, вы сможете переплюнуть самого Гаруна-аль-Рашида... Со временем, конечно.

Все трое смеются.

Калиф: Клянусь, завтра я так и поступлю. А сейчас, Муса, мне бы хотелось отблагодарить тебя за откровенность.

Муса бухается на колени.

Денег не предлагаю, еще обидишься... А вот что мы сделаем. Эй, евнух, приведи-ка сюда какую-нибудь из наложниц! Давай эту, сопливую македонку, из последнего завоза. Пусть разденется и станцует что-нибудь из репертуара, пока мы докурим.

Муса вскакивает с колен. Ты чего?

Муса: Я сам сбегая, только скажите, куда. Зачем вашему благородному евнуху утруждаться?

Калиф с евнухом валятся от хохота на подушки.

Сцена 4

На следующий день. Восточный базар. Евнух и Пэри (она, разумеется, в чадре) пробираются сквозь толпу, обвешанные покупками.

Останавливаются напротив гончарной лавки и нищего, просящего милостыню.

Торговец: Горшки! Покупайте горшки! Лучшие на базаре горшки!

Нищий: Подайте на пропитание! Подайте на пропитание!

Евнух тянет Пэри за руку.

Евнух: Пэри, нам пора возвращаться в гарем.

Пэри: Давай еще погуляем.

Евнух: Нет. Мы гуляем с самого утра и уже закупили все, что намеревались.

Пэри: А вот и не все, не все! Китайского жемчужного масла для подмышек не нашли!

Евнух: В гарем, я сказал.

Пэри: Ну Омар, Омарчик, Омарушка, ну пожалуйста!

Евнух: Пэри, не забывай, я не обыкновенный мужчина. На меня обычные женские уловки типа «Омарушки» и складывания губок бантиком не действуют. Говорю тебе, пора возвращаться в гарем.

Пэри: Куда торопиться?

Евнух: Ты у меня не одна. К тому же, ты просила подровнять твой лобок. Это требует времени.

Пэри: О да! Повелитель так меня обкорнал, что стыдно перед подружками. Эта гюрза Зульфия захохотала при виде моего лобка, как ненормальная. Омарушка, а ты не можешь наказать Зульфию за то, что она надо мной смеялась? Ну пожалуйста.

Евнух: Не могу.

Пэри: Почему, Омарушка?

Евнух: Потому что. Если бы я наказывал наложниц по взаимным доносам друг на друга, не осталось бы ни одной ненаказанной девушки. Только за последнюю неделю не менее полусотни наложниц просили наказать тебя как можно строже.

Пэри: Кто же это?

Евнух: Так я тебе и сказал.

Пэри: Ну и не говори, сама догадаюсь. Разумеется, не обошлось без этой гюрзы Зульфии. Еще...

Евнух: Гадай, гадай, все равно не догадаешься.

Пэри: Очень было надо.

Евнух: Дворец в той стороне.

Пэри: Ой, Омарушка, смотри, а вон, рядом с гончарной, еще одна торговая лавка с благовониями! Зайдем в нее.

Евнух: Эту лавку мы посещали утром.

Пэри: Та лавка была другая. Ну пожалуйста, Омарчик, зайдем ненадолго, у тебя же остались деньги. Калиф обещал подписать декрет о том, что любит только меня, и большую Диванную печать на нем поставить.

Евнух: Мне о сем неизвестно. Но то, что калиф позволяет тебе шляться по базару – недопустимое безобразие.

Скрываются в лавке.

Торговец: Горшки! Покупайте горшки! Лучшие на базаре горшки!

Нищий: Подайте на пропитание! Подайте на пропитание!

Из толпы выходит калиф, переодетый в платье странствующего дервиша.

Калиф: Насколько же ты безразмерна, родная сторона! Нет тебе ни конца и края! Тянешься ты от бухарских до китайских границ по горизонтали и от диких гор до бескрайнего океана по вертикали. И на всем твоём протяжении обрабатывают рисовые поля трудолюбивые крестьяне, скрипят по дорогам повозки торговцев, и муэдзины затягивают с верхушек мечетей заунывные песни. Возможно ли, при виде такой изумительной картины, не поразиться талантам и духовной щедрости восточного народа, не полюбить его со всей истовостью и страстностью, на которую только способно человеческое сердце?

Торговец: Горшки! Покупайте горшки! Сделаны из лучшей глины лучшими мастерами! Лучшие на базаре горшки!

Нищий: Подайте на пропитание! Подайте на пропитание!

Калиф в восторге разглядывает горшки.

Калиф: Какие красивые горшки.

Торговец: Вай-вай-вай! Да разве они просто красивые, чудак-человек? Погляди повнимательней, дорогой. Каждый из них произведение искусства, послушай.

Калиф: Как вас зовут, торговец?

Торговец: Мамед.

Калиф: Завтра я прикажу выкупить весь ваш товар, Мамед.

Мамед: Вай-вай-вай! Почему завтра, почему не сегодня? Завтра все раскупят, забирай сегодня.

Калиф: Сегодня не могу, сегодня я знакомлюсь с чаяниями простого народа.

Смотрит на нищего.

Нищий (со вспыхнувшей надеждой): Подайте на пропитание! Подайте на пропитание!

Калиф: Я бы с удовольствием вам помог, уважаемый, но разве вы голодны?

Нищий: Конечно.

Калиф: А как же бутерброд с ветчиной, который вы жуете?

Нищий: Разве им наешься?

Калиф (удивленно): А разве нет? Он же такой большой.

Нищий: Чего ты пристал ко мне, дервиш? У меня редкая болезнь – я никогда не наедаюсь, поэтому всегда голодный.

Калиф: Поэтому вы просите милостыню, уважаемый?

Нищий: Наконец-то, дошло.

Калиф: Извините, что спрашиваю, но... На работу устроиться не пробовали?

Нищий: Какая работа, когда я насквозь больной? Я же только что объяснил. Иди, дервиш, своей дорогой, не приставай к обездоленным инвалидам.

Калиф: Так вы еще и инвалид? Какая жалость! Мне только что пришло в голову предложить вам выгодное место.

Нищий: Не интересуюсь.

Калиф: Это такое место, которое смогло бы удовлетворить любой, самый неумеренный аппетит.

Поворачивается, чтобы уйти.

Нищий: Эй, дервиш! Постой, ты куда? Что это за работа, которую ты хотел мне предложить?

Калиф: Вы не сумеете!

Нищий: Почему это?

Калиф: Вы инвалид, а для работы, которую я намеревался предложить, необходим тренированный человек.

Нищий: Я инвалид на голову, а с остальным у меня полный порядок. Можешь пощупать мускулы под халатом.

Сгибает руку в локте.

Калиф: Этого мало. Нужен человек не только сильный, но и привыкший не отворачиваться от опасности.

Ниций: Да я ей в лицо каждый день гляжу! Опасней работы, чем профессиональный нищий, не сыскать. В любом случае я мало что потеряю.

Калиф: Это грязная работа. Могу сказать, что сам от нее не в восторге, о чем заблаговременно предупреждаю.

Ниций: Не грязней, чем моя теперешняя.

Калиф: Работа с оружием.

Ниций: Дервиш, с каждым твоим словом мне становится интересней и интересней. Продолжай, да сохранил Аллах твой язык в неприкосновенности!

Калиф: И чтобы не слишком заботиться о своей совести. Лучше вовсе забыть о ее существовании.

Ниций: Я привык полагаться единственно на волю Аллаха.

Калиф: Вы, уважаемый, когда-нибудь имели дело со смертью?

Ниций (*шепчет, оглядываясь по сторонам*): Если твоя работа, дервиш, связана с тем, чтобы покарать по милости Аллаха какого-нибудь неверного, ты обратился по адресу. Мы договоримся – если, конечно, ты по достоинству оценишь мои профессиональные услуги.

Калиф: Тысяча динариев в месяц.

Ниций (*роняя ветчину в дорожную пыль*): Назови имя и считай названного тобой человека мертвым.

Калиф: Не так быстро. Я со своим окружением буду ставить текущие задачи, а вы исполнять. Помощниками и оружием будете укомплектованы, за это не волнуйтесь.

Ниций: Заметано.

Калиф: Помощников будет множество, поэтому от вас потребуются навыки руководителя. Помощники, разумеется, за мой счет.

Ниций: Они у меня по струнке заходят.

Калиф: И помните, уважаемый, речь идет не о единичном убийстве, а об убийствах десятков, а если возникнет необходимость, даже сотен людей.

Ниций: Тем лучше. Чтобы заработать по-настоящему, нужно убивать много и безнаказанно.

Калиф: Не всем ваша работа придется по вкусу. Некоторые люди станут ожесточенно, с оружием в руках, сопротивляться творимым вами злодеяниям и беззакониям.

Ниций: Еще бы, кому охота умирать?

Калиф: Только вы не пугайтесь, у вас работа в основном руководящая, а вот подчиненным придется потеть с риском для жизни. Но для вас лично риск минимальный. Если случайно попадете во вражеские руки, я заплачу выкуп.

Ниций: Сам Аллах поставил тебя на моем пути, о дервиш.

Калиф: Если согласны, приходите завтра во дворец. На воротах скажете, что калиф назначил вас министром обороны.

Ниций: Кем?

Калиф: Министром обороны. Не изумляйтесь при виде моей бывшей в употреблении одежды – я знаю, что говорю.

Ниций: Насмехаться над инвалидом вздумал, зараза?

Хватает калифа за грудки, опрокидывая его на расставленные поблизости горшки.

Мамед: Вай-вай-вай! Мой товар!

Толпа заслоняет дерущихся. Из лавки с благоговениями выходят евнух и Пэри. Количество свертков, которыми они обвешены, увеличилось.

Пэри: Ой, что там за крики? Что такое?

Евнух: Драка.

Пэри: Омарушка, пойдем посмотрим.

Евнух: Мало тебе драк в гареме?

Пэри: Ну, Омарушка, ну пожалуйста! Я никогда, как дерутся мужчины, не видела. Интересно же, из-за чего все началось.

Евнух: Наверное, вора поймали.

Пэри: И что с ним теперь будет?

Евнух: Ничего интересного: решением Дивана отрубят голову. А может, прямо на месте забьют камнями, такое тоже случается. Погуляешь по городскому базару, еще не такого насмотришься.

Уходят. Толпа помаленьку редет. Становится виден калиф, сидящий посреди глиняных черепков. Нищий убежал. Калиф держится за быстро затекающий и расцветающий правый глаз. Мамед причитает над разбитым товаром.

Мамед: Вай-вай-вай! Что ты наделал, дервиш, а еще Божий человек! (*Толпе*). А вы чего глазеете, интересно, да? Ступайте, ступайте по своим делам, без вас разберемся!

Толпа окончательно разбредается.

Калиф: Мне очень жаль.

Мамед: А уж мне-то как жаль, чужак-человек!

Калиф: Я возмещу понесенные убытки.

Мамед: Вай-вай-вай! Конечно, возместишь, а ты как думал?

Разве я могу отпустить тебя, дервиш, пока ты не возместишь убытки? О, мои бедные расколотые горшки! Каждый из них был произведением искусства.

Калиф: Вот вам десять динариев, уважаемый, примите в уплату.

Мамед: Обожди немного, дорогой. Я деньги за разбитый товар сам принять не могу. Сейчас юсуф подъедет, ему и отдашь.

Калиф (*трогая глаз*): Но этот нищий, как он посмел ко мне прикоснуться, да еще кулаком? Теперь придется посадить его на кол, в крайнем случае колесовать. А я-то, идиот, предложил ему пост министра обороны! Возьмите деньги, уважаемый.

Мамед: Я же тебе объясняю, чужак-человек, сейчас юсуф подъедет. Отдашь деньги ему. юсуф над всеми гончарными рядами главный начальник.

Калиф (*трогая скулу*): Как больно! Сначала бухарский эмир отхватил кусок территории, а теперь еще это! Два унижения подряд. Аллах ведает, я этого не переживу.

Мамед (*показывая пальцем*): юсуф едет! Видишь, дервиш, а ты боялся, что придется долго ждать. Это такой дорогой человек, что всегда вовремя прибудет, по справедливости рассудит и себя не забудет. Вай-вай-вай, вот какой человек юсуф!

На чистокровном арабском мерине подъезжает Юсуф.

Юсуф: Что произошло, Мамед?

Мамед: Вот этот дорогой человек (*показывает на калифа*) подрался и побил мои горшки. Вай-вай-вай!

Калиф: Дико извиняюсь. Возьмите, пожалуйста, десять динариев.

Юсуф (*небрежно*): У тебя водятся деньги, дервиш?

Калиф: Это ненарочно получилось, вам торговец подтвердит. Перед тем, как этот обожравшийся ветчины нищий на меня набросился, я предложил выкупить весь товар в вашей лавке, что и намереваюсь завтра исполнить. Еще раз приношу свои искренние извинения и оставляю финансовые гарантии в силе.

Юсуф: Я спросил, у тебя деньги есть? Понял, да?

Калиф: У меня за поясом пятнадцать динариев. Десять я отдаю вам, а пять оставляю себе.

Юсуф: Этого мало.

Калиф: Да как ты, ничтожный... Позвольте, но как же мало? Я полагаю, достаточно.

Юсуф: Здесь каждый горшок музейный экспонат. Слышал, наверное, да?

Калиф: Хорошо, берите пятнадцать динариев. Все, что у меня есть.

Юсуф: Мало.

Калиф: Сколько же вы просите?

Юсуф: Двадцать тысяч динариев.

Калиф (*охрипнув*): Сколько?

Юсуф: Глухой, да? На ухо недослышишь?

Калиф: Извините, но вы ошиблись в расчетах. Не могут же ваши глиняные горшки стоить четверть государственного бюджета!

Юсуф: Они бесценны, понял? Каждый горшок бесценное музейное произведение восточного искусства, да. Плати двадцать тысяч динариев, прохожий, и ступай с Аллахом.

Калиф: Но у меня нет при себе таких денег. Столько наличности даже в государственном бюджете зараз не сыщется. Как же я рассчитаюсь с вами?

Юсуф: Рассчитываешься, да. Понял?

Бьет калифа в свободный глаз. Калиф падает на глиняные черепки бездыханным.

Сцена 5

Гончарная слобода. Внутренний дворик дома Юсуфа. В открытые ворота въезжает Юсуф, с перекинутым через седло калифом. Сбрасывает калифа наземь.

Юсуф: Эй, кто-нибудь!

Из дома выбегает юродивый Абдул.

Абдул: Это кто? Это кто? Это кто?

Прыгает на одной ножке.

Юсуф: Должник. Задолжал двадцать тысяч динариев и не хочет отдавать. Понял, да?

Абдул: Куда его? Куда его?

Юсуф: Пускай, пока не очухался, во дворе побудет. Потом посмотрим, что с ним делать... Коня накорми, юродивый.

Уходит в дом.

Абдул (*чистокровному арабскому мерину, на котором приехал Юсуф*): Чего ждешь, морда? Вон твоя миска, можешь шамать.

Вертится на одном месте и поет:

Шамай, морда! Шамай, морда.

Чистокровный арабский мерин оборачивается голодным дэвом, который хватает миску и начинает с жадностью насыщаться, зачерпывая похлебку грязными руками. Абдул, еще немного поплясав, уходит в дом.

Калиф: А...

Шевелится, понемногу приходя в себя.

Где я?

Дэв (*чавкая*): В гончарной слободе, конечно, где же еще?

Калиф: Что я здесь делаю?

Дэв: Отрабатываешь долг в двадцать тысяч динариев.

Калиф: А ты кто такой?

Дэв: Я дэв. Ты меня видел на базаре, когда я был чистокровным арабским меринком. На мне прискакал юсуф.

Калиф: Мне нужно во дворец.

Дэв: Не раньше, чем сможешь отработать долг. В одном динарии тысяча филсов, а за работу здесь начисляют пол-филса в день. Четверть, правда, удерживают за еду и жилье. Считай сам, когда попадешь во дворец.

Калиф: Но мне нужно во дворец сейчас...

С трудом поднимается и, пошатываясь, бредет к воротам.

Дэв: Не советую, могут забить до смерти. Дальше гончарной слободы все равно не уйдешь – здесь повсюду охранники.

Калиф: О Аллаха, со мной ли это происходит?

Садится на землю и плачет.

Дэв: Не плачь, несчастный, ибо страдания человеческие преходящи, как плохая погода. Днем пасмурно, но с его окончанием может выглянуть солнце. Я убедился в этом на примере своей горестной судьбы и с тех пор терпеливо жду подходящей погоды.

Калиф: Поведай о своей горестной судьбе, дэв. Возможно, я тоже утешусь.

Дэв: Слушай же, о дервиш.

Когда-то я был могущественным и уверенным в себе дэвом, умевшим оборачиваться в чистокровного арабского жеребца, чем часто пользовался. Однажды мы с моим товарищем экспроприировали лавку богатого купца, и когда товарищ выбежал из нее с тюками дорогого товара, я, преисполнившись к его успехам черной, как самая черная ночь, зависти, бросил

товарища на произвол судьбы, сам же, ударив его на прощание копытом в промежность, ускорил с экспроприации рованным товаром из города.

Я скакал три дня и три ночи, не переставая радоваться, как ловко обвел вокруг пальца недавнего, а теперь ненавистного мне товарища, и по окончании этих безумных трех дней, дабы немного перевести дух и подкрепиться, остановился на залидном лугу. И пока я мирно щипал на лугу нежную весеннюю травку, не подозревая о нависшей надо мной опасности, ко мне незаметно подкрался и набросился несметный, как саранча, цыганский табор. И я вскинулся что было сил и предупредительно заржал, но цыган было такое огромное количество, они так плотно облепили не только каждый мой член, но даже каждую мою волосинку, что я не смог долго сопротивляться. Так я оказался в плену у цыганского табора.

Знай же и подивись удивительным перипетиям моей судьбы, о дервиш, но жизнь в цыганском таборе не показалась мне щербетом. Особенно донимали меня малолетние цыганята, которые постоянно надо мной издевались и не давали заснуть. Едва я клонил голову набок, эти чумазные бестии, да поковыдывают им Аллах все ребра, засовывали в мой задний проход китайскую зажигательную ракету, а потом подносили к ракете зажженную спичку. И я просыпался от невыносимой боли и вынужден был, задрав хвост к небесам, носиться по полю, как угорелый, извергая из заднего прохода огонь и пламя, а цыганята смеялись надо мной и указывали на меня маленькими грязными пальцами.

К счастью, мое пребывание в цыганском таборе продолжалось недолго, ибо цыгане, посоветовавшись, продали меня в угледобывающую компанию. Но напрасно, о бедный дервиш, страдающий над собственными несчастьями и не подозревающий о том, сколь велики и невыносимы несчастья остального человечества, я надеялся на улучшение своего положения. В угледобывающей компании жизнь моя не только не улучшилась, но даже ухудшилась, ибо меня, чистокровного арабского жеребца, отвели под землю и заставили толкать вагонетки с углем, каждая из которых была больше мечети. И толкал я эти вагонетки днем и ночью, от усталости уже не различая времени суток, потому как в шахте стояла круглосуточная ночь. Я толкал проклятые вагонетки до тех пор, пока кожа с моих боков окончательно не слезла и наружу не проступили все ребра до единого. И тогда я окончательно решился бежать из угледобывающей компании, ибо не мог больше переносить работы в ней.

Надо сказать тебе, о дервиш, что в шахте со мной бок о бок трудилась замечательная кобыла персидской породы по имени Зарима. Когда она толкала свою вагонетку с углем мимо меня, она всегда поворачивала свою умную жалостливую морду в мою сторону, как и я в это время всегда оглядывался на нее. И мне стало ясно, что я могу доверять Зариме, ибо смотреть на толкающего вагонетку с углем исхудавшего жеребца с такой добротой и состраданием могла только очень добрая и верная лошадь. И я рассказал персидской кобыле о плане побега, и она одобрила мой план и пожелала к нему присоединиться.

Вдвоем с Заримой, в короткие свободные минуты, остававшиеся у нас для отдыха, мы начали подготовку. Выбраться из шахты я намеревался с помощью подкопа, который надлежало рыть вертикально вверх, но на мое горе, для осуществления подкопа требовались лопаты или мотыги, которых у меня не было. Однако милость Аллаха безгранична, и однажды Зарима наткнулась на сломанную мотыгу, которую мне удалось починить и которой мы начали по очереди пользоваться.

В течение долгих лет работы в угледобывающей компании мы с Заримой копали сплассительный подкоп, то отчаиваясь, то снова надеясь, и никак, к нашему огорчению, не могли достичь поверхности.

«Наверное, мы копаем не в том направлении, о моя бедная Зарима, – потеряв всякую надежду и заливаясь горячими слезами, однажды пожаловался я более терпеливой подруге. – Оставим бесплодные попытки и смиримся со своей незавидной участью, поручив ее всецело воле Аллаха».

«Нет, мой любимый, – ответствовала на мои недостойные стенания верная персидская кобыла. – Не падай духом и продолжай копать. Рано или поздно мы выберемся на поверхность, ибо Аллах подает только тому, кому не надоедает у него просить».

И я копал на протяжении еще многих лет, пока однажды, под ударами кирки, не блеснул солнечный луч. Однако я побоялся копать дальше, опасаясь привлечь внимание людей, которые могли находиться на поверхности, и раскрыть местонахождение завершеного подкопа раньше времени, тем более что в тот момент со мной не было моей верной Заримы и мы не могли бежать из угледобывающей компании вдвоем.

И на следующий день, когда я пересекался с толкающей вагонетку Заримой, то с радостью рассказал ей о том, что подкоп готов, и мы оставили тяжелые вагонетки на рельсах и со всех ног поскакали к спасительному выходу. И я хотел пропустить Зариму первой, но она возразила:

«Ползи впереди, любимый. Кто знает, что ожидает нас на поверхности, поэтому будет лучше, если первым на поверхность выберется такой видный и мужественный жеребец, как ты».

И я, уже слыша в тоннеле крики шахтеров, обнаруживших две кинутые вагонетки и догадавшихся о побеге, первым бросился в прорытый нами подкоп, а вслед за мной в подкоп бросилась моя Зарима. И мы радостно поползли по тоннелю навстречу свободе, слыша за спинами разгневанные крики преследовавших нас шахтеров. И когда стало ясно, что выход из подкопа еще далеко, а шахтеры вот-вот нас настигнут, сказала мне Зарима:

«Ползи вперед, мой любимый, а я задержу их!»

«Нет, Зарима, без тебя я никуда не поползу. Лучше всю оставшуюся жизнь я проведу, толкая эти презренные вагонетки, чем оставлю тебя на произвол судьбы в такой ответственный момент», – закричал я в ответ, похолодев от дурного предчувствия.

И я попытался пропустить Зариму вперед себя, но проход был таким узким, что у меня ничего не получилось. И тогда я понял, что Зарима неспроста пропустила меня вперед себя, и заплакал от унижения и бессилия.

«Прощай! – крикнула тогда моя Зарима. – Я смертельно устала и не в силах продвигаться дальше, но ты еще можешь спастись, любимый».

Это были последние слова, которые я от нее услышал.

Не помня себя, я устремился вперед, а моя бедная персидская кобыла осталась в прорытом нами проходе, полностью перегородив его худым изможденным тельцем. И я полз и полз в направлении света, слыша за спиной грязные ругательства шахтеров, которые наткнулись на потерявшую сознание Зариму, но не могли сдвинуть ее с места или перебраться поверх нее. И вот наконец я добрался до солнечного луча и, схватив мотыгу, произвел два-три завершающих удара, после чего выскочил в образовавшуюся на поверхности земли дыру.

И как ты полагаешь, о печалующийся о своей судьбе дервиш, что обнаружил я на поверхности? Выбравшись на поверхность, я обнаружил, что стою на вершине огромной скалы, возвышающейся над местностью подобно тому, как облака возвышаются над сточными канавами. И видел я далеко внизу административные строения угледобывающей компании, из которой бежал, а еще сады, плодоносящие спелыми фруктами, и извилистые дороги, по которым перемещались крохотные, не больше тыквенной семечки, человечки. И понял я, что моя злополучная судьба в очередной раз зло надо мной подшутила, ибо провел я в излишнем труде долгие годы, но и достигнув поверхности, исхудавший и обессиленный, не смогу спуститься с высокой скалы вниз. И, видя, что нет мне спасения, вознамерился я броситься со скалы на острые камни, и несомненно бросился бы, если бы выскочившие из подкопа шахтеры не схватили меня, опутав прочными, как дамасская сталь, джутовыми веревками.

И тогда главный среди них, называемый шихтмейстером, приказал в назидание другим лошадям стегать меня и мою любимую персидскую кобылу Зариму кнутом до тех пор, пока мы не отдадим душу Аллаху. И нас принялись стегать кнутах, вымоченными в уксусе и синиль-

ной кислоте, и стегали на протяжении нескольких недель, пока моя милая Зарима, которая не произнесла со времени нашей поимки ни слова, не скончалась от полученных ран и побоев, а сам я не стал так слаб и беспомощен, что жизнь едва во мне теплилась. И сказал тогда главный шихтмейстер своим усталым палачам:

«Бросьте этот скелет рядом с проезжей дорогой, пусть истлевет там, на жарком палящем солнце».

И меня, полуживого, бросили рядом с проезжей дорогой, на самом солнцепеке, не оставив мне ни единой меры овса и ни единого бурдюка воды.

На мое счастье, в это время по дороге проезжал славящийся своим богатством и благочестием купец по имени Махмуд ибн-Сулейман, да славится его имя во веки веков! Увидев меня, лежащего в пыли под палящим солнцем, он заметил своим соратникам:

«Смотрите, какой красивый жеребец. Сейчас он худ и изможден, но разве вы не замечаете, как он породист и статен? Я возьму его собой, а когда этот арабский жеребец встанет на ноги, посмотрю, сможет ли он участвовать в больших падишахских скачках».

И тогда Махмуд ибн-Сулейман приказал своим слугам бережно меня поднять и перенести к себе под паланкин, а по приезде в свой дом отвел лучшее место в конюшне, приказав конюхам заботиться обо мне, как о собственном сыне.

Так, о погруженный в свои несчастья дервиш, я попал в дом купца Махмуда ибн-Сулеймана, которому обязан не только жизнью, но и личной заботой, ибо этот добросердечный купец лично, не надеясь на исполнительность своих конюхов, выхаживал и нянчил меня, пока я окончательно не поправился. И когда я окончательно поправился, Махмуд ибн-Сулейман, видя, какой я породистый и резвый жеребец, дал мне кличку Резвый и приказал тренировать для падишахских скачек, на которые выставляли своих скакунов самые богатые и прославленные купцы всего мусульманского мира. Теперь тебе понятно, о дервиш, почему, попав в конюшню Махмуда ибн-Сулеймана, я уже не помышлял о побеге и обратном превращении в дэва, а тренировался из последних сил?

Однажды, когда во время тренировки я опередил лучших коней не только в конюшне Махмуда ибн-Сулеймана, но и в конюшнях других окрестных купцов, Махмуд ибн-Сулейман подошел ко мне, бережно потрепал по холке и сказал:

«Видишь, теперь ты готов к падишахским скачкам, Резвый».

И я, обязанный этому человеку жизнью и здоровьем и полюбивший его больше родного отца, радостно заржал в ответ и закивал головой, всем своим видом показывая, что к падишахским скачкам в самом деле готов. И тогда Махмуд ибн-Сулейман повелел своим слугам выставить меня на скачки, которые должны были состояться в следующую субботу в Бухаре.

И настал день больших падишахских скачек. На старте по левый бок от меня стояла непобедимая Жемчужина, а с правого бока рыл копытами землю прославленный Талисман. С отмашкой стартового флажка я рванулся вперед и понесся подобно океаническому шквалу, переворачивающему на своем пути утлые суденышки и выносящему на берег огромные торговые суда, но каково же было мое удивление при виде того, что ни Жемчужина, ни Талисман не отстают от меня ни на копыто. Из последних сил прибавил я скорости, но Жемчужина с Талисманом не отстали от меня, более того, Талисман вырвался вперед на пол-корпуса. И в этот момент я услышал голос своего благодетеля Махмуда ибн-Сулеймана, раздававшийся с гостевой трибуны: «Резвый, Резвый!»

И я бросился вперед, и почти опередил Талисмана, но в это мгновение обратил внимание на странную форму подков, которыми был подкован этот конь. Надо заметить тебе, о дервиш, что это были очень странные подковы с припаянными по сторонам длинными острыми зубьями. И понял я, что как только поравняюсь с Талисманом, он ударит меня этими длинными и острыми зубьями в брюхо и разрежет его от начала до конца. И тогда я замедлил шаг и пристроился в хвосте Талисмана, и бежал за ним в хвосте до последнего круга, не зная, что пред-

принять. Лишь на последнем круге, сообразив, что делать, я вцепился зубами в роскошный хвост Талисмана, затормозив его на полном скаку, а сам в то же мгновение взвился в воздух и перелетел через затормозившего коня поверху, так, чтобы Талисман не смог ударить меня в брюхо своим смертельным копытом.

В то время, пока я перелетал над Талисманом поверху, вперед на восемь с половиной корпусов вырвалась Жемчужина и, видя, что до финиша остается несколько десятков метров, обернулась и презрительно заржала прямо в мою морду. И тогда я полуоборотился обратно в дэва, оставаясь наполовину конем, и Жемчужина, при виде страшной оскаленной головы дэва на лошадином туловище, мигом ослабела. Ноги ее от страха и изумления подкосились, и Жемчужина пала со всего маху на колени, перевернувшись через себя тридцать раз и еще три раза. И я финишировал на падишахских скачках первым, ибо остальные лошади далеко от меня отстали, некоторые на круг, а некоторые и на два круга.

Так, о стенающий над своей несчастливой судьбой дервиш, победой на больших падишахских скачках я отблагодарил своего хозяина, богатого и благочестивого купца Махмуда ибн-Сулеймана, за проявленную обо мне заботу.

Однако недолго длилась моя слава самого быстрого чистокровного скакуна в мусульманском мире. Однажды в мою конюшню не принесли овса, и я понял, что случилось что-то ужасное. А случилось то, что на теле Махмуда ибн-Сулеймана выскочили множественные гнойные прыщи, и ни один лекарь не хотел его осматривать из боязни заразиться и умереть, только один шаолинский монах взялся осмотреть купца, для чего несколько самых верных слуг поместили больного в стерилизованный паланкин и повезли в шаолинский монастырь, где надеялись излечить. Только ничего этого я не знал и очень по Махмуду ибн-Сулейману тосковал, ибо, как я уже говорил, о опечаленный своей судьбой дервиш, этот благочестивый человек стал мне ближе родного отца и родной матери. Не в силах вынести разлуки со своим благодетелем, я перегрыз веревку, которой меня опутывали на ночь, и убежал из конюшни, в надежде отыскать Махмуда ибн-Сулеймана, а если повезет, то и спасти его от какой-нибудь неминуемой опасности.

Днями и ночами, на протяжении нескольких месяцев, голодный и озябший, с нерасчесанной гривой, я бродил по улицам Бухары, всматриваясь в лица прохожих, нет ли среди них моего хозяина, и все не находил. Однажды на меня обратил внимание бухарский эмир, проезжавший со своей свитой по улице и сказавший своим визирям:

«Видите этого беспризорного арабского скакуна? Клянусь Аллахом, это не простой конь. Заберите его с собой и накормите, а потом посмотрим, не объявится ли у него хозяин».

Так, о внимающий мне дервиш, я оказался на конюшне бухарского эмира, ожидая, что мои несчастья подходит к концу, однако они только начинались.

У бухарского эмира служил на конюшне красивый, как луна, пятнадцатилетний конюх, к которому бухарский эмир испытывал особую привязанность. Эмир часто дарил этому конюху сладости и оказывал другие знаки внимания, и однажды, вскоре после того, как я поселился на бухарской конюшне, пришел к этому юноше с нескромным предложением. И они возлегли на копну сена, а мое стойло находилось совсем поблизости от этой копны, и я, не в силах сдержаться при виде столь редкого зрелища, как возлежащие на одной копне сена эмир и его пятнадцатилетний конюх, встрепенулся и громко от охватившего меня изумления заржал. И тогда бухарский эмир сильно на меня прогневался, упрекая в несдержанности и черной неблагодарности за скормленный мне на конюшне овес, и приказал сделать меня мерином, а потом продать на торгах первому же покупателю, который пожелает меня купить. Сбежавшиеся на крик эмира многочисленные подручные схватили меня, опутали по рукам и ногам и, несмотря на громкое протестующее ржание, охолостили.

Через неделю, о озабоченный собственными страданиями дервиш, я был продан из бухарской конюшни в гончарную слободу, в которой мы с тобой в настоящее время находимся.

Я бы не жаловался на судьбу, неоднократно посылавшую мне разнообразные жестокие испытания, но гончары, прознав о моих способностях к превращениям, используют меня в качестве рабочей лошади, однако кормят как человека, ибо кормить человека дешевле, чем кормить лошадь – по этой причине я такой худой и осунувшийся.

Такова моя правдивая история, дервиш. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что все твои несчастья, настоящие и грядущие, так малы и ничтожны в сравнении с моими, как несущаяся по волнам щепка мала в сравнении с океаном?

Калиф (*вскакивая на ноги от удивления*): О каких невероятных чудесах ты повествуешь, о уважаемый дэв! Неужели ты видел бухарского эмира во время занятий любовью?

Дэв: На свою беду, о дервиш.

Калиф: Поведай же, поведай мне немедленно, какой у бух арского эмира размер пениса!

Дэв (*дрожа всем телом*): Не спрашивай об этом, дервиш, не спрашивай никогда. Это страшная тайна, поросшая мхом древности. Не спрашивай, или ты пожалеешь о своем любопытстве.

Из дома выходят Юсуф и Абдул.

Юсуф: Хватит жрать, да? Пошел в стойло.

Дэв обращается в чистокровного арабского мерина и удаляется в стойло.

А ты, дервиш, не придумал, где достать двадцать тысяч динариев? Если не придумал, придется их отработать. Понял, да?

Калиф (*принимая величественную позу*): Узнай же, о нахальный и невежественный гончар, что ты разговариваешь не с дервишем, а с калифом – узнай и изумись моим правдивым словам. А теперь поскорей отведи меня во дворец, ибо только усердием и деятельным раскаянием ты сохранишь жизнь себе и своему семейству.

Абдул: Врет! Врет! Врет! Врет!

Прыгает на одной ножке.

Юсуф (*с некоторым недоверием*): Калиф? Который калиф, наш калиф? Тот самый, величайший из великих, могущественнейший из могучих и знаменитейший из прославленных? Этот, да?

Калиф: Да, презренный гончар. Это я.

Юсуф: Я должен верить, да?

Калиф: Отведи меня во дворец и ты в этом убедишься. А сейчас становись на колени, презренный, ибо разговариваешь с калифом!

Юсуф (*Абдулу*): Эй, юродивый! Найди кого-нибудь, кто знает калифа в лицо. Понял, да?

Абдул: Понял! Понял! Понял! Понял!

Убегает.

Юсуф (*калифу*): Думаешь, если ты калиф, я перед тобой сразу на колени встану, да? Да ты знаешь, с кем разговариваешь? Я гончар, свободный человек. Я за утро слепил пять горшков и целый день свободен. Всего пять горшков, понял? А захочу, найму человека, он мне десять горшков за утро слепит. Понял, да?

В ворота вбегает Абдул.

Абдул: Нашел! Нашел! Нашел!

Юсуф: Кого нашел?

Абдул: Человека нашел, он как раз мимо проходил! Во дворце стражником работает. Он калифа видел, видел, видел!

В ворота, вслед за Абдулом, заходит приглашенный Муса.

Юсуф: Ты видел калифа в лицо?

Муса (*неторопливо озираясь*): Не далее как вчера, о достойнейший, я беседовал с этим милейшим человеком, курил его кальян и осматривал его наложниц.

Юсуф: Не врешь, да?

Муса: Что вы, о достойнейший.

Юсуф: Посмотри, нет ли среди нас калифа? Понял?

Муса: В вашем дворе, среди этих глиняных горшков, о достойнейший?

Юсуф: Да, здесь.

Муса: Его здесь нет, о достойнейший.

Юсуф (*показывая на калифа*): А этот человек разве не калиф?

Муса: Кто, этот жалкий избитый дервиш? Нет, достойнейший, он ничем не напоминает калифа.

Юсуф (*калифу*): Шутки шутить со мной вздумал?

Калиф: Стражник, это ты? Кажется, тебя зовут Муса? Посмотри на меня внимательно, Муса, и пусть тебя не обманывает моя бывшая в употреблении одежда и помятый вид. Разве не передо мной ты ежедневно распахиваешь двери в гарем? Разве не с тобой, еще вчера, я курил душистый кальян? Разве не перед нами танцевала обнаженная македонка, то и дело прерываясь для того, чтобы высморкаться?

Муса всматривается и бухается на колени.

Муса: О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных! Извините меня за то, что сразу вас не признал.

Калиф: Отведи меня во дворец, Муса. Я несколько устал от общения с простым народом и хочу отдохнуть.

Муса: Сию минуту, о державнейший...

Юсуф: Обождешь немного. Понял, да?

Отталкивает Мусу.

Муса: Это вы не поняли, о достойнейший, что видите перед собой калифа! Его нужно проводить во дворец.

Юсуф: Попозже, да.

Абдул: Мы поймали калифа! Мы поймали калифа!

Прыгает на одной ножке.

Муса (*чуть не плача*): Отпустите калифа, о достойнейший!

Юсуф: А тебя можно не отпускать, да?

Бьет Мусу.

(*Абдулу*). юродивый, созывай сюда всех наших. Сегодня у гончаров праздник, калиф задолжал нам сто тысяч динариев.

Абдул: У нас будет много денег! У нас будет много денег!

Убегает.

Калиф: Как, уже сто тысяч? Было двадцать.

Юсуф: Сто тысяч, да. Для дервиша одна цена, для калифа другая.

Калиф: Я всегда утверждал, что простой народ живет не так плохо, как это представляется из дворца. Но что он настолько зажиточен, такого даже я, преисполненный о простом народе самого высокого мнения, не ожидал.

Во двор заходит Мамед.

Мамед (*видя калифа*): Что же ты, чудак-человек, сразу не сказал, что калиф? Вай-вай-вай, как нехорошо. Подрался, горшки побил.

Стыдно.

Двор постепенно заполняется гостями. Женщины выносят во двор длинный стол и заставляют его яствами.

Юсуф: Братья гончары! Аллах не оставил нас и привел в нашу слободу самого калифа, за которого мы должны получить из дворца двести тысяч динариев.

Муса (*подползая к Юсуфу на коленях*): Нельзя, о достойнейший! Отпустите калифа, пожалуйста! Возьмите меня вместо него!

Юсуф: Не путайся под ногами. Понял, да?

Гости (*удивленно*): Кто это?

Юсуф: Работник. Только сегодня на службу поступил, еще не научился вежливо себя вести, да.

Отталкивает Мусу ногой.

Абдул: Как нам деньги получить? Как нам деньги получить?

Танцует посреди двора.

Юсуф: Ты прав, юродивый. Есть здесь кто-нибудь грамотный, да?

Всеобщее молчание.

О Аллах, когда же ты родишь в гончарной слободе хотя бы одного грамотного человека? Понял, да?

Калиф: Я знаю грамоту.

Юсуф: Ты не врешь? Смотри у меня.

Калиф: Я же калиф, в конце концов.

Юсуф: Воистину, милость Аллаха неисчерпаема! Но если ты врешь, я отрежу твой лживый язык, понял?

Калиф: Чего непонятного...

Юсуф: А потом отрежу голову.

Калиф (*трогая заплывшее лицо*): Впервые мысль об отрезании головы не вызывает у меня отторжения.

Юсуф: Эй, юродивый, принеси бумагу и перо.

Муса (*подползая к Юсуфу на коленях*): Разрешите, я принесу, о достойнейший!

Юсуф (*удивленно*): Какой молодец! Из тебя получится хороший работник, да.

Муса: Только калифа отпустите, пожалуйста.

Юсуф: Ты плохой работник. Дерзкий. Понял, да?

Пока Абдул приносит бумагу и перо, избивает Мусу ногами.

(Калифу). Садись и пиши.

Калиф: Что писать?

Юсуф: Пиши так. Хочу за калифа четыреста тысяч динариев. Отдайте их хивинскому гончару Абдурахману, он мне передаст. Понял, да?

Калиф: «Понял, да» писать?

Юсуф: Пиши.

Калиф: Написал.

Юсуф: Прочитай, что получилось.

Калиф (*зачитывает*): Если хотите увидеть калифа живым, возьмите полмиллиона динариев и отнесите на базар в любую меняльную лавку. Переведите деньги в Хиву, на имя гончара Абдурахмана. Надеюсь, вы меня поняли.

Юсуф: Почему полмиллиона, я сказал – четыреста тысяч.

Калиф: Я округлил.

Юсуф: Молодец, да. Теперь напиши то же самое еще дважды. Понял?

Калиф: Понял.

Пишет.

Юсуф: Эй, кто-нибудь, сделайте так, чтобы эти бумаги попали во дворец, юродивый, подбросишь записку во дворец, понял.

Передает записку Абдулу.

Мамед, ты тоже подбросишь записку во дворец, да. Для перестраховки, понял?

Передает вторую записку Мамеду.

О третьей позабочусь сам. А теперь праздновать будем, да.

Гончары едят и пьют. Танцуют восточные народные танцы.

Сцена 6

Дворцовые ворота. Их охраняют два стражника, пожилой и молодой. Прислонив секиры к стене, они сидят на пустых ящиках и играют в нарды.

Пожилой стражник: Бросай кости, везунчик.

Молодой стражник: Две шестерки.

Пожилой: Я же говорю, ты везунчик.

Молодой: Я не везунчик, просто иногда мне улыбается удача.

К воротам подбегает мальчишка.

Пожилой: Тебе чего, мальчик?

Мальчик: Дяденька просил вам передать.

Протягивает сложенный вчетверо лист бумаги.

Пожилой стражник: Какой дяденька?

Мальчик: Не знаю, какой. Подъехал на чистокровном арабском мерине и говорит: «Передай, малец, вон тем стражникам».

Оставляет записку и убегает.

Пожилой стражник: Наверное, прошение.

Кладет записку на ящик.

Молодой: Это как пить дать. Вернется из города калиф, отдадим ему.

Пожилой: Не понимаю я нашего правителя. Казалось бы, сиди в своем гареме и занимайся делом в свое удовольствие, а он, поди ж ты, переоделся дервишем и потащился на базар. Чего он там, на базаре, не видел?

Молодой: Я бы не пошел.

Пожилой: И я бы не пошел.

Молодой: То-то и оно.

Пожилой: Пойми их, богатых. Говорят, во дворце три тысячи слуг. А всего, считая с наложницами, не меньше десяти тысяч.

Молодой: Ты-то откуда знаешь? Нас во дворце только в караулку и пускают, а больше мы там ничего и не видим.

Пожилой: Говорят.

Молодой (мечтательно): А что, может, и правда...

Пожилой: Говорят, у калифа даже специальный слуга есть, который ему задницу подтирает.

Молодой: Врешь!

Пожилой: Вполне может быть. Должен же калифу кто-нибудь задницу подтирать? Не с грязной же ему ходить?

Молодой: Интересно, сколько он получает.

Пожилой: Кто, калиф?

Молодой: Подтиратель его задницы.

Пожилой: Да уж побольше твоего.

Молодой: Думаешь?

Пожилой: Чего тут думать? Тебе за твой ежемесячный оклад в один динарий что доверили? Городские ворота. А тому человеку доверили задницу самого калифа, чувствуешь разницу?

Молодой (завистливо): Неужели два динария?

Пожилой: Может и три, откуда я знаю? А ты бы взялся за три динария подтирать калифу задницу?

Молодой (гордо): Нет, за три динария не стал бы.

Пожилой: А за четыре?

Молодой: И за четыре не стал бы.

Пожилой: А за тысячу?

Молодой: За тысячу, наверное, стал бы. Разве можно такие деньги упускать?

Из толпы выделяется Мамед. Он бросает в сторону стражников обернутый в бумагу камень. Камень попадает в нарды, опрокидывая и рассыпая их по земле.

Пожилой стражник: Эй, уважаемый, ты что делаешь?

Молодой: Зачем камни кидаешь? Зачем безобразничаешь?

Пожилой: Стой, тебе говорят!

Мамед убегает.

Молодой: Нет, ты видел, ты видел? Рассыпал партию, которую я почти выиграл.

Пожилой: Еще неизвестно, кто выиграл.

Молодой: Да я выиграл, я. Мне до победы пара бросков оставалось.

Пожилой: По одежде гончар.

Молодой: Пьяный, наверное, в стельку. Или просто хулиган.

Пожилой: Эти гончары в последнее время совсем распустились. Чуть что не по-ихнему, сразу начинают права качать.

Молодой: Моего свояка на базаре недавно избили, только за то, что арбуз на контрольных весах взвесил.

Пожилой: Это что, свободно могли и ножом пырнуть.

Молодой (оглядываясь): Я слышал, они на прошлой неделе ткачей на пустыре насмерть порезали. Человек пятнадцать, мне взводный рассказывал. Приезжают по вызову на пустырь, а там крови-ищи, тру-упов... И все ткачи. Своих-то раненных они с собой уволокли, а чужих кого добились, кого на земле умирать оставили. Взводный сказал, это гончары заварушку устроили.

Пожилой: Кто ж еще, как не гончары? У них с ткачами старые счеты. Не могут поделить территорию.

Молодой: Я слышал, в гончарную слободу даже регулярные войска заходить бояться. Их камнями из-за заборов забрасывают.

Пожилой: И налогов гончары не платят. Все сословия платят, даже ткачи платят – одни гончары не платят.

Молодой: О Аллах, что в стране делается!

Пожилой: Смотри-ка, а камень, которым этот гончар в нас швырнул, какой-то непростой. По-моему, он в бумагу обернут.

Молодой: Давай посмотрим.

Разворачивают бумагу и разглаживают ее на коленях.

Пожилой: Что-то написано.

Молодой: Прощение?

Пожилой: Чего гончару у калифа просить, когда они не спросясь берут? Ладно, прекращай с ней вalandаться, все равно ничего не поймем. Грамота военному человеку ни к чему. По начальству после смены доложим, как полагается.

Молодой: Расставляй нарды, дружище.

Пожилой: Хорошо. Только чур, теперь я буду везунчиком.

При этих словах пожилого стражника молодой немедленно получает камнем в глаз. Камень кинул Абдул, который и не думает убегать, а танцует и поет:

Абдул: У меня для вас записка! У меня для вас записка!

Машет запиской, которую должен передать.

Молодой стражник: Караул! Убивают!

Пожилой: Да они что, сбесились сегодня, эти гончары! Совсем охренели.

Хватает Абдула за шкирку и валит на землю.

Абдул: У меня для вас записка!

Пожилой стражник: Я тебе покажу, записка.

Абдул: Помогите!

Пожилой стражник: Я тебе покажу, помогите.

К воротам подходят евнух и Пэри, обвешанные покупками.

Евнух: Эй, стражник, что здесь происходит?

Пожилой стражник: А, это вы, достойный евнух... Смотрите, безобразие какое. Моему напарнику голову кирпичом проломили.

Пэри: Ой, бедненький, у него все лицо в крови!

Молодой стражник: Теперь неделю не заживет.

Евнух: Этот, что ли, кидался?

Кивает в сторону схваченного Абдула.

Пожилой стражник: И этот, и другие тоже. И все норовят какие-то записки передать, как будто, если у тебя записка во дворец, стражникам можно головы камнями проламывать.

Евнух: Какая записка? Кому передать? Ничего не понимаю.

Пожилой стражник: А вот сами поглядите, уже третья... Мы их на ящик складываем.

Евнух опускает свертки на землю, берет с ящика одну из записок, разворачивает и читает:

Евнух: Нахожусь в плену. Меня держат в гончарной слободе, в доме гончара юсуфа. Со мной еще двое заложников: дэв, который умеет оборачиваться чистокровным арабским мерином, и стражник Муса. Да охранит нас Аллах. Калиф.

Пожилой стражник (мечтательно): Всегда завидовал грамотным людям.

Евнух: Все равно не понимаю. Кто это написал?

Пожилой стражник (Абдулу, строго): Кто это написал?

Ты?

Абдул: Написал! Написал! Теперь у меня будет много денег!

Пожилой стражник: Да он юродивый.

Евнух: юродивый такого не написал бы. Калифу записку уже показывали или еще не успели?

Пожилой стражник: А вот как он вернется, так сразу и покажем.

Евнух: Разве калиф уехал? Куда, в загородный дворец?

Пожилой стражник: Если бы, достойный евнух. Зачем-то переоделся дервишем и пошел на базар посмотреть, как живет простой народ.

Евнух: Пэри, немедленно возвращайся в гарем.

Пэри: Мне тут интересно!

Евнух: Немедленно. (*Стражникам*). А вы хватайте свои секиры и поднимайте остальных. Зовите всех, кто может держать оружие, – калиф в опасности. Только прежде свяжите юродивого, чтобы не сбежал. Возьмем его с собой, расспросим по дороге.

Пожилой стражник: Калиф в опасности? О Аллах, какое несчастье! Тревога! Тревога! (*Молодому стражнику*). А ты чего своими царапинами любишься? Наш высокочтимый калиф в опасности! Быстрее беги в караулку и кричи, чтобы трубили общий сбор.

Евнух: Я знаю, где гончарная слобода. Я вас поведу.

Наступает на один из свертков.

Пэри (в ужасе): Мое китайское жемчужное масло для подмышек!

Общая тревога и суматоха.

Сцена 7

Через неделю. В гарем входит Калиф. Встает у окна и смотрит вдаль.

Появляется евнух и, видя калифа, опускается перед ним на колени.

Евнух: О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Оставь эти формальности, евнух.

Евнух (*поднимаясь с колен*): Как я рад, что после кратковременного перерыва вы изволили посетить наш гарем.

Калиф: Давно это было.

Евнух: Забудьте как дурной сон, о незлопамятный.

Калиф: Я бы рад, да сон продолжается наяву.

Евнух: Развейтесь. В ваше отсутствие поступила замечательная партия девушек из солнечной Армении.

Калиф: Правда?

Евнух: Правда. Особенно рекомендую одну, по имени Зайнара. Эта юная красотка чиста и темпераментна, как изливающийся из ледника горный поток.

Калиф: И так же холодна?

Евнух: Так согрейте ее, о раскаленныйший! Значит, я зову Зайнару?

Калиф: Может быть, в следующий раз?

Евнух: Тогда, о утружденнейший из измученных, выберите китайку Чунь-Жи. Вы давно, с позапрошлого месяца, не пробовали китайянок.

Калиф: Так ты говоришь, китайянку?

Евнух: Да, или японку, хотя выбор японок в нашем гареме ограничен. Наложниц японского происхождения не более пятнадцати.

Калиф: Действительно, мало.

Евнух: Прикажите, и я пошлю заготовительную экспедицию на Окинаву. Отборщики доставят в ваш гарем лучших девушек Японии.

Калиф: Так уж и лучших? Не очень-то впечатляющих успехов они добились, когда путешествовали в горный Тибет.

Евнух: Зато шкуру какого горного барана привезли! Она до сих пор висит в парадной. Девушки чистят ее щеточками каждую неделю.

Калиф: Этому горному барану тоже не повезло.

Евнух: О мрачнейший из огорченнейших, ну нельзя же так себя изводить! Не хотите посылать экспедицию на Окинаву, не посылайте, но девушки-то здесь при чем? Они скучают по своему повелителю.

Калиф: Которая именно?

Евнух: Все до единой.

Калиф: Но я не могу переспать сразу со всеми, поэтому нахожусь в затруднении.

Евнух: Осчастливьте одну сейчас, а остальных осчастливите потом. Хотите Фирюзу? Когда-то вы были к ней равнодушно.

Калиф: У нее, наверное, месячные.

Евнух: Как месячные? Не может быть!

Хватает свиток и начинает лихорадочно перелистывать.

(С облегчением). Нет, о проницательнейший из заблуждающихся, вы ошиблись. Сегодня у Фирюзы нет месячных, и период для зачатия подходящий. Привести ее?

Калиф: Нет, не привести. Зачем мне дети? У меня их уже больше тысячи, я уже не помню, как кого зовут.

Евнух: Хотите Зульфию?

Калиф: Нет.

Евнух: Сулико?

Калиф: Месхетинку? Не надо.

Евнух: Ипатию?

Калиф: Пожалуй, что нет.

Евнух: О, величайший из опечаленных и печальнейший из великих, вы начинаете меня пугать.

Калиф: Чем же?

Евнух: Равнодушием к жизни. Умоляю сказать, кого вы предпочтете сегодня, и я полечу исполнять ваше пожелание, как будто у меня крылья вместо ног. Возможно, вы захотите македонку, которая танцевала вам на прошлой неделе?

Калиф (*слабо улыбается*): Сопливаю?

Евнух: Уже бегу...

Калиф: Не надо.

Евнух: О Аллах! Вот свиток, возьмите его и ткните пальцем, чтобы остановить на какой-нибудь девушке свой выбор.

Калиф: Это было бы нечестно по отношению к остальным, которым в таком случае не повезет.

Евнух: Тогда возьмите Пэри. От нее-то вы не откажитесь, о привередливейший из милосердных. Нет во всем гареме никого лучше Пэри: таких несекущихся волос и стройных ягодичек нет ни у одной из девушек, и ни у одной девушки приятней не пахнет из подмышек.

Калиф: Ты предлагаешь мне Пэри?

Евнух: Она лучшее, что у меня есть.

Калиф: Не надо... Собственно, я пришел не к своим наложницам, а к тебе, мой дорогой евнух. Ведь я еще не отблагодарил тебя за чудесное спасение. Мне доложили, что жизнью я целиком обязан тебе. Если бы не твоя грамотность, позволившая вовремя прочесть письмо, и не расторопность, позволившая быстро собрать и возглавить войско, и не храбрость при штурме гончарной слободы... Тебя ранили при штурме, не так ли?

Евнух: Пустяки, о сострадательнейший, просто там валялось много острых глиняных черепков.

Калиф: Чем я могу вознаградить тебя за твой подвиг?

Евнух (*опускаясь на колени*): О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Брось это.

Евнух: ...милостивейший из милосердных и победоносный из непобедимых...

Калиф: Знаю, сейчас ты попросишь пол-халифата. Но самое смешное, что получишь. Эмир бухарский на подходе к столице, и если новый министр обороны не предпримет ничего сверх-героического, от нашего халифата останутся рожки да ножки. Так что я не задумываясь одарю тебя половиной того, чего сам уже не имею.

Евнух (*оставаясь на коленях*): Я прошу позволения взять в жены Пэри.

Калиф: В жены? Но ты же... Не хочешь ли ты сказать...

Евнух: Нет, о заблуждающийся из безошибочных, не хочу. Я не могу любить женщин тем местом, которым любит большинство мужчин, зато я люблю их всем сердцем, поэтому и прошу передать на мое попечение лучшую из ваших наложниц.

Калиф (*равнодушно*): И что же, она согласна?

Евнух: Спросите у нее сами, о любопытнейший.

Калиф: Наверное, мне стоит внять твоему совету.

Евнух: Эй, Пэри, Пэри!

Вбегают и падает на колени Пэри.

Калиф: Ты очень меня удивила, Пэри.

Пэри: О, повелитель!

Калиф (*при виде Пэри немного оживляясь*): Разве я не любил тебя, Пэри, и разве ты не любила меня, когда стонала под моими ласками, как стонет над безудержным натиском шквала корабельная мачта? Разве я не потворствовал каждому твоему капризу и желанию, коим не было числа и меры, так что милость моя по отношению к тебе выглядела поистине безгранично, как безгранична пустыня для умирающего от жажды путника? Так-то ты расплачиваешься за мою щедрость и терпеливость, бессердечная девчонка?

Пэри (*со слезами на глазах*): Это не то, о повелитель.

Калиф: Что значит не то?

Пэри: Я продолжаю вас любить, о повелитель.

Калиф: Почему же в таком случае ты собралась замуж за моего евнуха?

Пэри: Я не могу вам объяснить... Ну, Омарчик такой милый, он так заботится обо мне и ухаживает за мной... подстригает ногти и защищает от других наложниц. Если бы вы только знали, повелитель, как тяжело выжить в гареме. Эти наложницы такие злые. Они друг друга часто щиплют и даже кусают, и вообще устраивают всяческие гадости. Если бы не Омарчик, я бы, наверное, давно состарилась от огорчения и умерла.

А если я стану его женой, меня все зауважают и подличать побоятся.

Калиф: Ты променяла любовь калифа на покровительство евнуха?

Пэри: Ах, повелитель...

Калиф (*снова впадая в задумчивость*): Как удивительно устроен мир: евнух отбивает женщину у калифа, которого берут в полон гончары. Нет предела изобретательности Аллаха! Хорошо, евнух, своей беспримерной храбростью и преданностью ты заслужил Пэри.

Забирай эту девчонку себе, да хранит Аллах вас обоих!

Евнух: О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Пэри: Если желаете, повелитель, можете подстригать волосы на моем лобке каждую неделю. Я вам позволю.

Калиф: Спасибо, Пэри. Но ведь ты, евнух, не оставишь свой пост?

Евнух: Что вы, о щедрейший! Тем более, что я нашел себе помощника. Это мой старинный товарищ дэв, с которым ваша щедрость изволила познакомиться в заточении. Я вам про него и раньше рассказывал.

Слышится робкий стук в дверь.

Калиф: Кто смеет рваться в мой гарем, словно это постоянный двор?

В дверной проем вползает человек.

Это ты, мой новый министр обороны? Что же, вползай, если уж приполз. Поведай нам, как обстоят дела на фронтах. Ты наголову разбил оккупационные войска бухарского эмира? Если нет, нашему халифату не позавидуешь.

Человек: О, величайший из великих, могущественнейший из могучих, знаменитейший из прославленных...

Калиф: Это мы уже слышали.

Человек: ...милостивейший из милосердных и победоносный из непобедимых...

Калиф: Можешь не продолжать. Ты проиграл решающую битву.

Министр обороны поднимается с колен. Это Муса, в халате министра обороны.

Муса: Можно сказать и так.

Калиф: Поведай, как все происходило. Интересно же узнать подробности своей грядущей гибели.

Муса: Вчера вечером я собрал преданные вам войска и повел их на защиту города.

Калиф: Это было мудро.

Муса: Костры неприятеля горели по всему полю. Их было так много, что зловещие багровые отблески занимали половину ночного неба.

Калиф: Какова же была численность неприятеля?

Муса: Это-то я и решил разведать. А чтобы получить сведения из первых рук, прокрался к бухарскому эмиру в палатку и прямо спросил его об этом. Этот достойный человек все мне подробно рассказал и трижды провел по лагерю, показывая его расположение и укрепление.

Калиф: Что было потом?

Муса: Потом мы угощались яствами и напитками, вкус которых показался мне столь изумительным, что затрудняюсь передать его словами.

Калиф: Что я слышу? Неужели бухарский эмир, раскрыв свои военные секреты, отпустил неприятельского министра обороны восвояси?

Муса: Он бы отпустил, да наши доблестные войска к тому времени уже разбежались. Время было позднее, ходить по дорогам небезопасно, поэтому я, со всемиростивейшего соизволения бухарского эмира, переночевал в его личном шатре на его личной раскладушке, а наутро вошел в город в первых рядах бухарского войска.

Калиф: Так мы уже захвачены?

Муса: Я не уверен, что это можно назвать захватом, но бухарский эмир со своим войском давно здесь.

Калиф: Где же?

Муса (*чуть не плача*): Так я и пытаюсь доложить вам, о понятливейший из нетерпеливых, что бухарский эмир дожидается за дверью.

Калиф: Пробили, как видно, мои последние часы. Мне надеяться совершенно не на что, но вы, мои бедные подданные, молитесь коварного негодяя о снисхождении. Десяток-другой лет перевоспитания в зиндане, и вы начнете новую счастливую жизнь.

В дверь, с обнаженной саблей наперевес, врывается бухарский эмир.

Эмир бухарский: Где руководители захваченного мной государства? Куда подевались эти трусливые тарантулы? Где контрибуция?

Калиф: Сейчас начнется резня.

Эмир бухарский: Ах, вот они где! Надеюсь избежать моего сокрушительного гнева, трусливые тарантулы укрылись в гареме. Они желали спрятаться под юбками своих наложниц. Не тут-то было! Я лично изрублю их в лапшу.

Машет саблей по сторонам.

Калиф: Встаньте от этого дикаря подальше, иначе он заденет кого-нибудь из вас саблей раньше палача.

Эмир бухарский: Что, обосрались?

Хохоча, убирает саблю в ножны.

Здорово я вас напугал?

Калиф: Что означает это вторжение?

Эмир бухарский: Сначала я со своим многочисленным окружением просто охотился и, заплутав, по случайности забрел на чужую территорию, уважаемый калиф. Потом, вспомнив о твоём давнем визите в Бухару, решил нанести ответный визит. Позже, когда до меня дошли слухи о твоём пленении, поспешил на выручку, но тебя быстро освободили, и я продолжил ответный визит не без удовольствия, по пути беседуя с интересными людьми и осматривая достопримечательности. Вчера, познакомившись с твоим министром обороны, который произвел на меня неизгладимое впечатление своим прямотушением, решил немного подтрунить над тобой. Вот, собственно, и все.

Калиф: Так это визит вежливости?

Эмир бухарский: Всего лишь... Хотя не могу сказать, что не злюсь на тебя. Напротив, я чрезвычайно озлоблен, поэтому не рассчитывай отделаться легким испугом.

Калиф: В чем же причина твоей озлобленности?

Эмир бухарский: Помнишь высокорослую шведку, с которой я тебя познакомил?

Калиф: Конечно.

Эмир бухарский: После твоего визита она буквально измучила меня вопросами, когда этот симпатичный калифчик снова приедет погостить. Я даже немножко приревновал, поэтому мой ответный визит не столько к тебе, сколько в твой благословенный гарем. Хочу разведать, за какие такие достоинства женщины носят тебя на руках... Эта едва-едва вылупившаяся из яйца куколка (*показывает на Пэри*) оттуда? Я имею в виду, отсюда?

Калиф: Да, но она уволилась. Я только что выдал ее замуж за своего евнуха.

Эмир бухарский: О Аллах, мне стоило приехать днем раньше или устроиться в твой гарем на работу! Почему я не предупредил тебя голубиной почтой?

Калиф: Поздно, вакантных мест нет.

Эмир бухарский: Это печально. Но на хороший кальян, по крайней мере, я вправе рассчитывать?

Муса: Я принесу!

Бежит за кальяном.

Эмир бухарский: Как мне нравится твой министр обороны!

Он такой шустрый на ногу и исполнительный.

Калиф (*вдогонку, Мусе*): Кстати, Муса, ты уже колесовал захваченных в слободе гончаров?

Муса: Нет, о повелевающий.

Калиф: А почему?

Муса: А они не хотят.

Убегает.

Эмир бухарский (*калифу*): Довольно мешкать, перейдем к цели моего ответного визита вежливости. Хотелось бы ознакомиться со списком наложниц. Готов ли ты, собрат, гостеприимно распахнуть передо мной двери своего благословенного Аллахом гарема? Впрочем, они уже распахнуты благодаря разящему острию моей сверкающей сабли. Даю на разграбление города три дня, о мои бесстрашные воины!

Хохочет.

Никак, хоть убей, не могу свыкнуться с ролью жестокого и беспринципного завоевателя.

Калиф: Евнух, где свиток? Ты не расстаешься со свитком ни днем, ни ночью.

Евнух передает бухарскому эмиру список наложниц.

Эмир бухарский (*с нетерпением разворачивая его*): Абигона, Алисандра, Аспазия... Аспазия? Эллинка?

Евнух: Эллинка.

Эмир бухарский: Обожаю эллинок. Они такие распутные.

Углубляется в чтение.

Калиф: Надеюсь, теперь мне удастся разузнать, какого размера пенис у бухарского эмира. Было бы грустным окончить жизнь, так и не раскрыв этой тайны.

Занавес

О доме Эшеров Эдгара пела арфа

Действующие лица:

Больной.

Больничная сестра.

Буллит, доктор.

Другие персонажи – из рукописи и горячечных видений больного.

Сцена 1

Ибн-Зайят утверждал: только на одре смерти проявляется то сокровенно и трогательно человеческое, что чуждо каждому из нас на протяжении жизни. В справедливости этого афоризма могли убедиться доктор и больничная сестра, заглянувшие в одну из палат Балтиморского госпиталя ненастным утром 7 октября 1849 года. Их взору предстал покоящийся на серой больничной кровати изможденный мужчина средних лет, с тонкими чертами лица и необычайно смуглым оттенком кожи.

Войдя в палату и пристально взглядевшись в лицо больного, не наметилось ли изменений к лучшему, больничная сестра пощупала его горячий выпуклый лоб, тихонько потормошила рукав пижамы и позвала:

Больничная сестра: Мистер, мистер! Как вы себя чувствуете, мистер? Как ваше имя, мистер?

Больной – очевидно, находившийся без сознания, – не ответил.

Доктор: Так это он и есть, наш таинственный незнакомец?

Больничная сестра: Да, доктор Буллит, это он. Доктор Моран, который производил осмотр, пришел к самым неутешительным выводам. А поскольку никто не заявил об исчезновении родственника или просто знакомого, доктор Моран счел необходимым прибегнуть к вашей профессиональной помощи.

Буллит: Из чего заключаю, что мой многоуважаемый коллега доктор Моран надеется, что я помогу установить имя и родственников неизвестного.

Больничная сестра: Совершенно верно.

Буллит: Что же, приступим.

С этими словами доктор Буллит вытащил из саквояжа, который держал в левой руке, массивные серебряные часы на цепочке и записную книжку в черном кожаном переплете, несомненно, из кожи какого-то редкого африканского животного. Установив по часам точное время, доктор Буллит внес в записную книжку запись следующего содержания:

Запись в книжке доктора Буллит а: Один час три минуты пополудни 7 октября 1849 года. С Божьей помощью, мы, доктор Буллит, в присутствии больничной сестры...

Буллит: Ваше имя, пожалуйста.

Больничная сестра: Мистрис Хоукс.

Запись в книжке доктора Буллит а: ...в присутствии больничной сестры мистрис Хоукс приступаем к выполнению месмерического эксперимента по установлению имени, а по возможности и родственников пациента, находящегося в данный момент в палате...

Буллит: Номер палаты, пожалуйста?

Больничная сестра: Тринадцать.

Запись в книжке доктора Буллит а: ...в палате тринадцать Балтиморского народного госпиталя. Пациент, которому на вид около сорока лет, поступил в означенный Балтиморский народный госпиталь...

Буллит: Когда, вы говорите, поступил пациент?

Больничная сестра: Три дня назад. Его доставила в больницу полиция, подобравшая этого человека на вокзале в бессознательном состоянии. Заподозрив в нем джентльмена, полиция приняла меры. Хотя пальто и саквояж у джентльмена, по заявлению полиции, отсутствовали.

Буллит: Достаточно, мистрис Хоукс, я понял. Итак...

Запись в книжке доктора Буллит а: ...поступил в означенный Балтиморский народный госпиталь 4 октября 1849 года в бессознательном состоянии, в каком состоянии находится по текущий момент. Пациент будет введен в месмерический транс, с целью установления

с ним контакта. Дальнейшие записи, в связи с занятостью экспериментом доктора Буллит, выполнит мистрис Хоукс.

Буллит: Мистрис Хоукс, возьмите книгу и, по возможности быстрее и точнее, записывайте слова пациента.

Больничная сестра: Не беспокойтесь, доктор Буллит, я владею скорописью.

Убедившись в готовности мистрис Хоукс, доктор Буллит взял свои серебряные часы за цепочку и принялся раскачивать их так, чтобы угол колебаний составлял не менее 90°, после чего проделал перед глазами больного несколько простейших гипнотических пассов. Видимых изменений в состоянии пациента не наступило, однако дыхание, до того тяжелое и прерывистое, выровнялось. Мистрис Хоукс попыталась обратить на этот отрадный факт внимание, но доктор Буллит, занятый гипнотическими телодвижениями, взглядом попросил больничную сестру не мешать проведению эксперимента. Через минуту или полторы минуты месмерического воздействия доктор Буллит смог обратиться к пациенту с первым вопросом.

Буллит: Больной, вы меня слышите?

Больной: Слышу.

При этих словах глаза пациента открылись, хотя на его тонком, несмотря на болезненную отечность, лице не отобразилось никаких эмоций. Доктор Буллит вынужден был проверить рефлексы пострадавшего и, по всей видимости, остался ими удовлетворен, поскольку счел возможным продолжить начатое экспериментальное исследование.

Буллит: Как ваше имя, больной?

Больной: Не помню.

Буллит: Не помните или не хотите вспомнить? Сейчас я хлопну в ладоши, после чего вы вспомните свое имя. Вам все понятно, больной?

Больной: Мне понятно.

Доктор Буллит громко хлопнул в ладоши и повторил вопрос.

Буллит: Как ваше имя, больной?

Больной: Я не помню.

После такого, кацалось бы, не оставляющего надежд заявления доктор Буллит задумался. Он размышлял не менее двух с четвертью минут, после чего воскликнул:

Буллит: Но что-нибудь о себе вы помните?

Больной: Все, кроме своего имени.

Восторжествовавший доктор Буллит подал знак больничной сестре, чтобы та предельно сконцентрировалась в порученном ей стенографировании, не упуская мельчайших подробностей, которые могли прозвучать в воспоминаниях пациента.

Буллит: Следовательно, вы помните, как оказались в невменяемом состоянии?

Больной: Я был пьян.

Буллит (протирая руки): Вот мы и приближаемся к разгадке. Теперь постараемся вспомнить, где и с кем вы пили. Сейчас я снова хлопну в ладоши, после чего вы мысленно перенесетесь в тот момент и то место, когда и где пьянка началась. Вы перенесетесь туда и все мне подробно опишите по мере того, как действие будет разворачиваться в вашей памяти. Вы делаете это, больной?

Больной: Я постараюсь.

Буллит: Тогда я хлопаю в ладоши. Внимание...

С хлопком в ладоши, который произвел доктор Буллит, смуглое лицо пациента будто вытянулось, и на нем отобразилась какая-то затаенная, вместе с тем непереносимая мука. Пациент произвел затяжной вдох и, подбадриваемый короткими репликами доктора Буллит, заговорил. При этом тело его оставалось абсолютно неподвижным, тогда как глаза по мере рассказа метали искры и вообще выражали сильнейшие эмоции.

Больной: Это был праздничная вечеринка или торжественный прием в одном из городских особняков, устроенный не знаю по какому случаю. Гостей принимали в огромной, украшенной гирляндами асфodelий зале, с белыми колоннадами в викторианском стиле. Я, обмениваясь обычными для таких вечеров любезностями с мало мне знакомыми людьми, сразу же проследовал к барной стойке, впрочем, без какого-либо гастрономического намерения, а исключительно с целью уединения от назойливого балтиморского общества. У стойки уже коротало время несколько человек, один из которых любезно ко мне обратился, представившись мистером Чертдери. Это был странноватый субъект – судя по фамилии, француз или северный итальянец, – странноватый в первую очередь внешностью, но не менее внешности и одеждой: в частности, фалды его фрака отличались такой длиной и толщиной материи, что даже топорщились. Что же касается внешности, прическа мистера Чертдери была взлохмачена до невозможности, формой и маслянисто жгучим черным волосом напоминая прически мексиканских индейцев аподевоки. Несмотря на странности в одежде и внешности, мистер Чертдери обратился ко мне в столь изысканных выражениях, что пренебречь беседой с ним было бы верхом непочтительности, граничащей с невоспитанностью.

Буллит: Отлично, отлично, больной! Что же такого сказал вам мистер Чертдери, что после знакомства с ним вы оказались в невменяемом состоянии?

Больной: Прежде всего этот джентльмен, обращаясь ко мне, воскликнул: Эдгар, и вы здесь!

Буллит: Эдгар? Он обратился к вам – Эдгар? По крайней мере, то, что ваше имя Эдгар, теперь можно считать установленным. Однако вы по-прежнему не помните своего полного имени, больной? Ну же, вспоминайте! Вы Эдгар... Эдгар... Как дальше?

Пациент истерично задергался, заговорив лишь через несколько минут – после того, как месмерический контакт между ним и доктором Буллитом был восстановлен.

Что произошло между вами и мистером Чертдери дальше?

Больной: Не помню. Вроде бы, он оказался моим случайным знакомым, земляком, и мы поспорили.

Буллит: О чем поспорили? Сможете ли вы передать содержание вашей беседы слово в слово, начиная с того момента, как возник спор?

Больной: Думаю, что смогу. Началось с того, что джентльмен со взлохмаченной прической и топорщащимися фрачными фалдами обмолвился, что не него не действует алкоголь... Кстати, Эдгар, я совершенно нечувствителен к алкоголю.

Последнюю фразу больной произнес измененным голосом, без сомнения, копируя тембр голоса и манеру произношения собеседника. Измененный голос оказался настолько непохож на собственный голос больного, что у присутствовавших при этом доктора Буллита и мистрис Хоукс не возникло наималейших сомнений по поводу того, что голос мистера Чертдери был воспроизведен в точности. Надо заметить, что артикуляция мистера Чертдери оказалась столь груба и своеобразна, что мистрис Хоукс вскрикнула, прижав ладошки к своему свежему личику, а доктор Буллит от неожиданности разинул рот. Лишь справившись с волнением, доктор смог сосредоточиться и послать пациенту несколько месмерических флюидов с тем, чтобы тот продолжил воспоминания.

Дальнейшее повествование велось в нескольких лицах, поэтому мы сочтем за благо передавать диалоги в том оригинальном виде, в каком они воспринимались изумленными слушателями.

Больной: Как, вас не опьяняет алкоголь? Но это же невероятно, неслыханно! Я полагал, что являюсь единственным человеком с подобной симптоматикой.

Чертдери: Вы жестоко заблуждаетесь, Эдгар. Я способен перепить любое существо на этой планете.

Больной (*вспыхивая*): Не соблаговолите ли, мистер Чертдери, на деле доказать справедливость ваших слов?

Чертдери: К вашим услугам, Эдгар, и черт меня дер, если я приукрашиваю действительность хоть на унцию.

При этих словах, произносимых за мистера Чертдери, больной издал некоторое подобие смеха, несомненно, долженствующее изобразить смех мистера Чертдери. За отсутствием оригинала было сложно судить, насколько правдоподобным оказалось воспроизведение, однако глотка больного исторгла столь зловеющие и утробные звуки, что, слыша их, доктор Буллит и мистрис Хоукс невольно поехали и оглянулись на дверь палаты, в которую зашли не далее десяти минут назад. После чего больной ответил мистеру Чертдери, от своего имени:

Больной: Приступим не медля.

Затем он перешел на рассказ от первого лица.

Следуя моим приказаниям, слуги раздвинули несколько кресел, освободив место для разрешения маленького спора, возникшего между мной и мистером Чертдери. На середину образовавшегося пространства был помещен маленький круглый столик с двумя стульями напротив друг друга, а на столик – две рюмки и несколько бутылок первоклассного виски. Наш спор вызвал оживление среди публики, и очень скоро мы с мистером Чертдери оказались в кругу возбужденных, нарядно одетых господ и дам, обменивающихся острыми репликами и делающих ставки на то, кто из спорщиков окажется крепче на голову. По условиям спора, мы должны были поочередно наливать и выпивать рюмку виски, на что каждому отводилось не более полминуты. Первый, кто бы отказался или не осилил выпить очередную порцию алкоголя, признавался побежденным.

Буллит: Как долго продолжался ваш спор?

Больной: Вот этого сказать не могу. С первой рюмкой меня охватило страшное нервное волнение, подобное горячке, возникающей при тропической лихорадке или приеме некоторых сильнодействующих препаратов. За пару минут сознание достигло такой степени яркости, что я внутренне ослеп, хотя хорошо различал сидящего напротив меня мистера Чертдери с рюмкой в руке и нарядную публику, окружавшую место дуэли плотным кольцом. Волны магнетизма – хотя, конечно, это был не магнетизм, а какая-то иная, воздействующая на нервные окончания природная сила, – словно пробегали по моему лицу, заставляя кожные покровы то напрягаться, то расслабляться в предвкушении неминуемой победы. Рюмка опрокидывалась за рюмкой, бутылки на нашем столе пустели, с тем чтобы быть заменены на полные, однако ни я, ни мистер Чертдери – который, к слову, оказывался весьма выносливым и вместительным субъектом, – не желали уступать. Наконец, настала минута, которая должна была разрешить исход нашего спора. Кажется, я не мог принять ни одной капли внутрь: окружающие предметы проносились мимо меня в необузданном первобытном танце, как если бы я раскручивался со страшной скоростью вокруг своей оси. Однако сидящий напротив меня мистер Чертдери был не в лучшем состоянии – он буквально ни «бе», ни «ме» не мог выговорить. Его всклокоченные волосы слиплись от пота и опали, и я отлично различал на его прикрытом волосами черепе два маленьких коричневых выступа, которые не могли быть ничем иным, как миниатюрными козлиными рожками. В момент, когда я различил козлиные рожки на голове мистера Чертдери, но еще не успел подыскать данному неоспоримому факту научное объяснение, обладатель рожек опрокинул в себя юбилейную восьмидесятую рюмку, после чего завалился под стол и немедля захрапел, отгородившись от происходящего пеленой Морфея. Откровенная поза мистера Чертдери дала мне возможность рассмотреть оттопыренные фалды его фрака, скрывавшие, как я теперь видел, другую атавистическую подробность строения мистера Чертдери, а именно: короткий, но мощный хвостовой отросток, для коего предназначалось специальное отверстие в панталонах. Поскольку мистер Чертдери полностью отключился, таким образом,

проиграл заключенное со мною пари, я почел за благо захватить багаж и покинуть гостеприимный кров, тем более что в кармане у меня лежал билет на поезд «Балтимор – Филадельфия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.